

Сергей КАРА-МУРЗА

ПОЛИТИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

ОППОЗИЦИЯ, ИЛИ КАК ПРОТИВОСТОЯТЬ ПУТИНУ?

РУССКИЕ
ЕДИНЫ

Сейчас в Москве возник странный режим власти,
который государством не является.

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ
БЕСТСЕЛЛЕР**

Сергей КАРА-МУРЗА

ПОЛИТИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

**ОППОЗИЦИЯ,
ИЛИ КАК
ПРОТИВОСТОЯТЬ
ПУТИНУ?**

МОСКВА

«АЛГОРИТМ»

2 0 1 2

УДК 323(470+571)
ББК 66.3(2Рос)
К 21

Оформление А. Новикова

К 21 Кара-Мурза С. Г.
Оппозиция, или Как противостоять Путину? / Сергей Кара-Мурза. — М. : Алгоритм, 2012. — 304 с. — (Политический бестселлер).

ISBN 978-5-4320-0061-3

В книге известного публициста и общественного деятеля С.Г. Кара-Мурзы собраны его статьи, посвященные проблемам становления российской оппозиции и ее месту в жизни государства.

Автор доказывает, что сложившаяся система оппозиционных политических партий в России себя исчерпала. Оппозиция, которая противодействовала разрушительной программе ельцинского режима, в большой мере выполнила свою историческую задачу: сейчас в политику приходит новое поколение, которое должно будет найти ответ на новые вызовы. Это поколение вырабатывает новый язык, новое видение реальности, новые теоретические подходы и новые принципы организации. Но молодым надо передать опыт прошлых годов, потому что без анализа его сущности невозможно делать прогнозы относительно будущего нашей страны.

УДК 323(470+571)
ББК 66.3(2Рос)

ISBN 978-5-4320-0061-3

© Кара-Мурза С. Г., 2012
© ООО «Алгоритм-Издат», 2012

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ОБЛОМКАМИ ИДолов

Имея в качестве матрицы человеческих отношений образ семьи, традиционное общество, исключительно прочное в одних ситуациях (особенно в трудных, когда условием выживания является солидарность), оказывается очень хрупким в других.

Так, важнейшим с точки зрения стабильности понятием становится верность. Умный подлец вроде Яго может разрушить самую любящую семью, заронив сомнение в верности. И речь идет не о рациональных оценках или расчетах, а об утрате очарования. Мне кажется, семья Отелло распалась бы даже в том случае, если бы он не успел задушить Дездемону, — он уже в мыслях своих повидал ее изменницей. А какая паника поднималась всегда в русской армии, когда проходил слух об измене. Логически объяснить все это трудно. Видимо, уверенность в том, что твой собрат по солидарному сообществу тебе верен, совершенно необходима, чтобы ты мог поступать не по эгоистическому расчету. И это превратилось в подсознательную культурную норму, почти инстинкт, сцепленный неизвестным образом с другими нормами. Вынь эту уверенность — и рушится вся связка культурных устоев.

Так, в сущности, и произошло с советским обществом. Его убедили в том, что важная его часть (номенклатура, бюрократия, партия — неважно, как называли эту часть) неверна целому. Не требовалось даже точно формулировать суть измены: незаслуженные привилегии, коррупция, обман и т. д. Как только в это поверили, все общество стало разрушаться. И было совершенно неважно, что в роли Яго выступили как раз те, кто и был обвинен в измене. Возникшие для них при этом мелкие неудобства не шли ни в какое сравнение с тем кушем, который предполагалось получить при разрушении общества. Можно даже сказать, что в результате неизбежной эволюции

общества создалась ситуация, при которой правящая верхушка могла сохранить (и умножить) свои привилегии только путем разрушения того общества, в котором она этими привилегиями пользовалась.

Очевидно, что в этом пункте гораздо более устойчиво (вернее, неуязвимо) общество, основанное на метафоре рынка. Ну какая там верность, кому она нужна? Там — рациональный расчет. Правила эквивалентного обмена. Нарушать их нельзя, но никто никому ничем не обязан. Там не надо душить неверную жену — она нарушила контракт и должна уплатить неустойку, вот и вся трагедия. Западное либеральное общество изначально возникло путем лишения святости, символического смысла всех человеческих отношений. И тем не менее там постоянно ведется профилактическая работа, человеку постоянно делаются «прививки» против возможного рецидива — ведь человеку нужны символы.

Характерна, например, типичная схема многих американских фильмов: коррумпированный генерал помогает преступной корпорации поставлять в армию дефектное оборудование (например, вертолеты). Гибнут честные солдаты, и честный офицер начинает расследование. Тоже гибнет — у генерала масса сообщников в армии. Дело продолжает молодая жена (причем, что поразительно, никто ей не помогает, кроме маргинальных личностей) и т. д. Что, в американском генералитете или в военно-промышленном комплексе преступник на преступнике? Нет, конечно. Смысл всех этих пропагандистских фильмов: ни армия, ни национальная промышленность, ни какой-либо иной институт не имеют священной компоненты и хороши постольку, поскольку эффективны. Надо быть честным индивидуально.

Что же делать? Неужели традиционное общество, основанное на идее солидарности людей, в принципе нежизнеспособно и может существовать лишь в экстремальных условиях вроде Отечественной войны или послевоенного восстановления? Неужели спокойная и благополучная жизнь возможна лишь если люди становятся индивидуалистами и преследуют свой эгоистический интерес? Вообще-то этот вопрос становится для нас неактуальным, так как мы надолго обречены за-

ниматься героическим трудом по восстановлению страны после перестройки и реформы. Переход к метафоре рынка для многих будет означать при этом борьбу за выживание.

Даже если этот переход удастся, через какое-то время инстинкт самосохранения заставит вернуться к солидарности (как и бывало в России, кровью умытой). Но крах нашего социализма заставляет заглядывать вперед. Изменения в культуре предстоят немалые, и времени восстановительного периода, даже после горбачевской разрухи, может не хватить. И мы опять придем к кризису того же типа. Надо нам хоть на время отвлекаться от политики и думать о вещах более фундаментальных.

На мой взгляд, слабость проекта нашего социализма была заложена в самой идеологии большевизма, причем его «лучшей», почвенной части — большевизма Шолохова, а не Свердлова. О большевизме Свердлова говорить сейчас вообще не будем — мы для него были лишь дровами для крупного пожара. Говорят, что красное движение было наполнено религиозной страстью, иррациональным стремлением построить царство Божие на грешной земле. Это так, мы это знаем по своим отцам и дедам.

На мой взгляд, слабость (и сила, вот ведь в чем дело) большевизма заключалась как раз в характере его религиозности. Она была еретической в том смысле, что «земля смешивалась с небом» недопустимым образом. Поясню, что речь идет о религиозности не в церковном смысле, а как способности придавать священный, не поддающийся рациональному расчету смысл вещам, словам и человеческим отношениям. Крестьянин, который проклинал свой колхоз, а сегодня сопротивляется его разгону, так как чувствует, что продадут жуликам его родную землю, — религиозен именно в этом смысле.

Так вот, большевики идеализировали и «освящали» многие вещи, которые по сути своей могут быть лишь от мира сего. Так же, как недопустимо профанировать священное, нельзя и превращать в священное вещи сугубо земные. На какое-то время это возбуждает и сплачивает людей, но зато потом играет самую разрушительную роль. «Догнать Америку по мясу и молоку» не может быть священным лозунгом, и придание ему такого смысла — шаг к краху. Идея равенства лю-

дей — великая религиозная идея, но выводить из нее принципы уравниловки — значит создавать идола, который эту идею если и не подрывает, то делает беззащитной, она падает вместе с идолом.

В самых общих выражениях можно сказать, что по качеству идеологии, которую КПСС заложила в основу общества, мы как бы отходили от уровня великих религий к уровню мало-развитого язычества — к уровню идолопоклонства. Была сотворена масса небольших и дешевых кумиров, которые заслонили основные идеалы. Но отношение к идолам совершенно особое — не такое, как к великим идеалам. Как только дело не идет на лад, старого идола сначала наказывают — его бьют, на него плюют и т. д. А потом выбрасывают и делают нового. Разумеется, и новый долго не тянет, что мы и видим в хаосе свержения и сотворения кумиров — но этот процесс разрушителен для общества и отдельного человека.

Идолопоклонство упрощает и картину мира, и видение человека. Поэтому-то оно так привлекательно в моменты, когда людьми движут сильные чувства, как это бывает во время войн и революций. Культ командира или вождя, упрощенный светлый образ прошлого («как мы жили при Брежнев!») или будущего («как мы заживем после войны!») необходимы в этот момент человеку, как сто граммов спирта в морозном окопе. И отход от усложненного религиозного чувства дает человеку большую силу, когда он находится в упрощенной системе человеческих отношений, но перед лицом четко обозначенной внешней угрозы — будь то явный противник или трудная для обитания природная среда.

Утонченный русский интеллигент Арсеньев оставил нам почти философскую аллегорию — рассказ о Дерсу Узала (а утонченный художник Куросава превратил этот рассказ в философский фильм). Мы видим, как язычник-удэге Дерсу, одушевляющий и даже очеловечивающий природу и исходящий из дорелигиозных, поистине общечеловеческих ценностей, оказывается в этом внесоциальном мире исключительно эффективным. Он не просто помогает интеллигенту Арсеньеву и его казакам, он их неоднократно спасает. И вот его везут в город. Там нет угроз, там сложны социальные отношения, и он

со своими представлениями о добре и зле оказывается там не просто беспомощным — он мешает людям. Он отнимает у торговца дровами деньги — потому что «земля родит деревья для всех людей», и возникает конфликт. Арсеньев отпускает Дерсу обратно в лес — и в пригороде доверчивого Дерсу убивают молодчики-горожане. Символический конец и символическое поведение Арсеньева — он обнимает Дерсу на прощанье, даже предлагает денег, а должен был бы помочь ему добраться до леса, до своей среды обитания.

Мы поступили с большевизмом неизмеримо подлее. Мы воспользовались его простотой и силой, когда нас приперло с индустриализацией или Гитлером (а раньше — с Наполеоном, не важно, что тогдашние крестьяне не были членами КПСС). Но как только мы зажили по-городскому, когда вместо дров у нас у всех появился в доме газ, мы этого язычника не отправили в лес и не обняли на прощанье. Мы пригласили тех бандитов, заплатили им сходную цену, и они убили всех этих Дерсу Узала, Чапаевых и Матросовых прямо у нас дома. Вот теперь и живи в этом доме.

Но дело сделано, а живым надо жить. И при всем уважении к дорогим мне теньям я не могу уклониться от вопроса: почему же не могли они ужиться в нашем благополучном городском обществе. И могли ли наши благодарные, спасенные ими интеллигенты помочь им «перевоспитаться» — или должны были искать способ сосуществования? Ведь как хотелось Яковлеву «реформировать» большевизм. Нет, пришлось умертвить (так он надеется). Сегодня наша забота никак не о Яковлеве и его сообщниках, а о том, чтобы тень большевизма успокоилась и не вернулась к нам вурдалаком. И путь к этому — понять, что произошло, и сделать шаг вперед, став не слугами и не стражами большевизма, а наследниками. Никогда отец не проклянет сына, который многое переосмыслил, но не предал предков, а пошел вперед, сохранив главное. И надо нам понять, в чем главное, а что можно оставить в прошлом. И в этом нам помогает сегодня сама жизнь и те, кто убил Дерсу. Надо разобраться, что именно они хотят изъять из нашей души — и постараться сохранить именно это. Ибо добра они нам не желают, в этом сомнений уже не осталось.

В каком смысле я утверждаю, что для нормальной, «благополучной» жизни идолопоклонство коммунистической идеологии не годится, а нужно переходить на уровень религиозного сознания? В том смысле, что эта идеология упрощала действительность и создавала иллюзию, будто кто-то (какой-то идол) уже решил важнейшие вопросы и каждый из нас освобожден от необходимости думать и брать ответственность за свои думы. Мы должны были только верить — а за это нам обещалось светлое будущее и чудеса на этом свете. И наоборот, диссиденты могли не верить (а поклоняться другому идолю) — и при этом тоже не несли никакой душевной ответственности за свои слова и дела.

Достоевский в своей Легенде о Великом Инквизиторе прекрасно показал эту разницу между идолопоклонством и религией. Христос дал человеку идеалы и позвал за собой — но не обещал за это награды «на этом свете» и не стал обращаться в свою веру посредством чуда. Западная же цивилизация в лице Великого Инквизитора овладела душами людей, создав для них «общество потребления» (хлеб земной), дав им развлечения (детские песенки) и позволив грешить (под строгим контролем). Христос, который своим явлением нарушал этот «Мировой порядок», был отправлен на костер.

Но ведь в этом пункте, пусть не главном, но очень важном, советская идеология совершила точно такой же грех, восприняв его от марксизма как одной из идеологий индустриальной цивилизации. Она завлекала людей теми же обещаниями и устройством чудес. И достаточно было благоденствию задержаться, а ловкому фокуснику показать мираж более красивого чуда («заживем, как в Штатах»), как люди, почти в соответствии с Программой КПСС, разбили старых идолов и побежали за новыми. А между тем, томление души советского человека было уже таково, что ему требовалась свобода воли, возможность принятия сознательного решения, а не дешевые чудеса Хрущева или Брежнева. Потому-то, кстати, и новые идола оказались совсем недееспособными, они послужили лишь как колотушка для свержения старых. Ну где сейчас все эти нуйкины с их детскими песенками о демократии по-горбачевски?

Этот кризис, как бы ни были тяжелы его экономические и социальные последствия, был бы не так страшен, если бы нам

не противостоял столь мощный и безжалостный противник. Помогая, «по-братски», сломать наших идолов, он сумел при этом вырвать или запачкать и те фундаментальные идеи, на который мы держались. Тут уж постаралась наша интеллигенция — без нее никакой Великий Инквизитор этого не сумел бы сделать. В спину ударить должен был свой, родной человек. Трудно сегодня строить новое видение мира, новые культурные подпорки — все крупные идеи были за годы перестройки тщательно опорочены. О чем ни начнешь говорить, поднимается истошный вой: «Мы это уже проходили!». Эту эффективную формулировку, пресекающую пока что любой серьезный разговор, придумали неплохие психологи.

Но строить новый культурный каркас надо немедленно, без него не может жить человек, а становится «зверем» — хоть наемным убийцей, хоть компрадорским предпринимателем. Откладывать эту работу нельзя. И не только потому, что культурные устои нужны срочно, что умирают без них старики и отказываются женщины рожать детей. Нельзя упустить момент и потому, что подсунут нам новых яковлевых, чтобы снова насотворили они нам кумиров, хоть бы и с красным знаменем. И тогда весь цикл повторится через некоторое время снова. Но без такого большого шума, и уже наверняка. Ведь уже и за первый раунд отрезали от России половину.

Так давайте взглянем трезво, что мы можем получить «от мира сего», и как при этом должны устроить совместную жизнь, чтобы не погубить душу. Выбор, как мы увидим, не так уже велик, но от чудес лучше сразу отказаться. А кому условия выбора и требования совместить аппетит к «хлебу земному» с минимальными ограничениями души покажутся невыносимыми, кто сознательно готов повыбрасывать стариков на улицу («чтобы было как в Чикаго») — тому надо будет по-хорошему помочь поискать счастья в цивилизации Великого Инквизитора. Но думаю, таких будет немного, да и те скоро вернуться.

ДЕЛО НЕ В ВОЖДЯХ

Со смутной душой идет множество людей к выборам. По привычке бормочут про себя обрывки политической мишуры: фракции, списки, платформа... А закроешь глаза — горящий Дом Советов и позвонки, брызнувшие из спины женщины, принявшей крупнокалиберную очередь. Откроешь глаза — Бабурин в чистом пиджаке обещает, что в Думе он будет оппозицией тому господину, тоже уже в галстук, который нажимал гашетку. Что он будет эффективно защищать наши интересы. Наши интересы? Какие интересы? Чтобы Россию не убивали — или чтобы ее убивали не так больно? И что демонстрирует сегодня Бабурин — верх самопожертвования, способность ради дела переступить свои человеческие чувства или успех режима, уже породившего тип «профессионального оппозиционера»?

Я думаю, что первое. Что оппозиция — не многоголовая подсадная утка, предусмотренная (и частично сконструированная) архитекторами перестройки-реформы. Есть, конечно, и провокаторы, как же без них. Но это — вовсе не самое страшное. Ведь провокатор, чтобы ему верили, должен очень хорошо работать для партии и часто выполняет важнейшую организующую роль. Без него, может быть, вообще ничего бы не организовалось. А потом, это ведь тоже наши люди, патриоты. Наверное, не раз в истории они становились искренними борцами. В общем, поскольку это явление неизбежно, надо принимать его как стихийный фактор (конечно, поменьше хлопая ушами).

А потом, диалектика провокации глубже. Вряд ли кто-нибудь сомневается, что разработчики операции 3—4 октября хорошо спровоцировали Руцкого на, казалось бы, абсурдный погром мэрии и поход в Останкино. Для этого и заманили огромную толпу демонстрантов прорывать один за другим за-

слоны ОМОНа на пути от Октябрьской площади до Дома Советов. А на деле, если вспомнить весь последний год, именно эта толпа — активная часть «советского общества» — заманивала режим «совершить провокацию» и затем полностью раскрыть свое лицо. Неопределенность была уже невыносима, а русская этика не позволяет даже в мыслях назвать кого-то врагом, пока он тебя не ударил почти смертельно. И «совки» поступили, как Гамлет, которому нужны были абсолютно надежные доказательства. Гамлет купил их ценой жизни, и именно за это отдали свои жизни люди, оставшиеся в Доме Советов.

А то, что обыватель не хочет этих доказательств видеть, то это естественно. Увидеть их и продолжать жить нормальной жизнью невозможно. А обыватель должен именно жить и продолжать жизнь страны — ему свыше «приказано выжить». И он защищает свою душу «душевной слепотой». И слава богу, что он инертен, иначе у нас давно была бы Грузия — ведь оснований для этого побольше, чем в самой Грузии. Но то, что позволено обывателю, противопоставлено тому, кто решил «раскрыть глаза» и уже этим участвует в политике. Не говоря уж о тех, кто взял в руки оружие — автомат, должность, газетную строку. И груз особой ответственности — на лидерах оппозиции, которые взялись выполнить миссию, сегодня решающую вопрос жизни и смерти страны. Для них нет нейтрального исхода. Если они окажутся несостоятельны, их вина будет больше, чем режима, тот честно заявил свой проект и подкрепляет слова делами, вплоть до танковых залпов.

Думаю, большинство «совков», как и я, смущены делами и словами оппозиции. Правда, дел-то и нет, а вот в словах концы с концами не вяжутся. Надо бы это объяснить. Я в их тайны не посвящен — в тех мимолетных беседах, которые мне довелось иметь кое с кем из лидеров, они были закрыты непроницаемой броней. Может, я бывал слишком бестактен в вопросах. Но подозреваю, что никаких особых тайн и нет. Выскажу мои соображения исходя из общедоступной информации.

Во-первых, мы не учитываем той аномальной ситуации, в которой действует оппозиция. Она как бы легальна, а на деле в стране диктатура. Мы ждем, чтобы лидер оппозиции четко изложил видение ситуации и свою программу — а он-то зна-

ет, что может говорить лишь то, что не представляет реальной угрозы для режима. Ругать его он может как угодно, брань на воротах не виснет. И так люди знают, что заводы не работают, а батон хлеба стоит 230 руб. Ну, потратить ты данное тебе экранное время на перечисление этих фактов — какой Гайдару вред? Но зайти за некоторый условленный предел в объяснении сути событий или, упаси боже, в организации сопротивления — нельзя. А ругань, хотя бы такая художественная, как у Невзорова, организующей силой не обладает, лишь душу людям греет.

Когда я говорю — диктатура, это вовсе не пугало, не надо хвататься за сердце. Многие у нас ее хотят, а либеральная интеллигенция — почти поголовно. Другой социальной группы со столь тоталитарным сознанием, пожалуй, и не сыскать. А сегодня все фиговые листки с наших интеллигентов-правозащитников слетели. Это — философская проблема, оставим ее. Важно, что сегодня в приложении к нашему политическому порядку диктатура — не метафора. В чем же главный признак этого порядка? Вовсе не в отсутствии многопартийных выборов и какого-никакого парламента. Все эти атрибуты имелись и у наиболее жестоких диктатур, Батисты и Сомосы. Они могли бы даже у себя газету «Советская Россия» открыть, а суть бы их не изменилась.

Главный признак — неформальные вооруженные силы, поддерживающие режим. Есть такие силы («эскадроны смерти», «белая рука», «август-91») — в стране диктатура. Ибо возможны репрессии, за которые режим формально не отвечает. И достаточно показать лишь кончик этих сил, как все, участвующие в политике, намек прекрасно понимают. А 4 октября в Москве эти силы совершенно открыто ехали на боевых машинах пехоты. Зачем же открыто? Зачем телевидение показало неформалов-«афганцев», которые были в БМП? Ведь это скандал, даже, по мировым меркам, преступление. На это пошли, именно чтобы заявить совершенно четко о новых правилах игры. Постоянное присутствие «за сценой» этих эскадронов дополняется достаточно тотальным контролем за прессой и ТВ. Я даже думаю, что этот контроль превышает разумный, необходимый для режима уровень. Наверное, его со временем понизят.

И никакой легальной оппозиции, реально опасной режиму, в этих условиях быть не может. Ведь когда Зюганов и Бабурин выступают, к их виску приставлен невидимый нам пистолет. Ну что можно от них требовать? Поставьте-ка себя на их место.

Что же в этих условиях могут противопоставить те, кто считает курс режима гибельным? Самоорганизацию и подполье. Пока что есть время обойтись без второго средства, связанного с огромными издержками и болезнями будущего общества. Можно даже предположить, что радикальные силы режима сознательно ускоряют возникновение «незрелого», разрушительного подполья, которое будет ранить общество и облегчать подавление сопротивления (как это уже было с эсерами, когда провокатор охраны был организатором терактов). А вот для того, чтобы предотвратить самоорганизацию оппозиции, режим не имеет сил — нет широкой социальной базы и массовой партии, которая бы проникла в поры общества и не позволила возникнуть рыхлым, неуловимым структурам. И если этот процесс не идет или идет медленно, то это от нашей привычки ждать «указаний сверху». А кроме того, от надежды на то, что придут Минин с Пожарским или маршал Жуков, скажут нам волшебное слово — и мы пойдем за ними в огонь и воду. Они придут, но только тогда, когда у нас в голове прояснится. А до этого мы их все равно не узнаем.

Собираться кучками и прояснять друг другу голову никакие эскадроны смерти помешать не могут, тем более вне Москвы. Трудность тут в том, что в советского человека была предусмотрительно внедрена ненависть к общественным наукам и к логическому анализу — к «теоретической борьбе». Советская система, защищая нас от соблазнов лукавых буржуазных идеологов, сделала человека беспомощным. Преодолеть эту слабость — дело каждого. Конечно, организованная оппозиция как раз в этом могла бы очень сильно помочь. Но ее лидеры — еще более советские люди, чем «низы» (и само собой, сильно проигрывают «демократам», которые тридцать лет вели дебаты на кухнях). Уже три года предложение кадрам оппозиции «сесть за парту» и пройти минимальный курс по упорядочению мыслей отвергается полностью и единодушно. Какая-то мистическая боязнь логического анализа, как будто трезвое рассуждение повяжет по рукам и ногам.

Тут они, быть может, и правы. Кто искренно не понимает происходящего, тот за него и не отвечает. Но покопаемся в душе — ведь мы все время выдвигаем лидерам гораздо более высокие требования, чем к самим себе. А между тем нагрузка на них гораздо больше, и возможности помешать им собраться с мыслями режим имеет неограниченные. Их можно одними интервью с иностранными журналистами уморить. Вот если бы им пришлось в Разливе месяц-другой посидеть. Но поскольку это нереально, надо бы заняться своим образованием «второму эшелону». Лидеры не могут себе позволить по ясности мысли сильно уступать своим заместителям и тоже подтянутся.

И еще, все мы поголовно поддались на хитрый прием идеологов режима — как только кто-то из оппозиции чудом получает жалкие три минуты экрана, его «срезают» безотказным вопросом: «А какая у вас конструктивная программа?». Мол, критиковать все мастера. И человек начинает, как рыба, глотать воздух и размахивать какими-то бумагами, но тут его время истекает. А ведь вопрос — чистая демагогия. Когда грабитель замахнулся на тебя кистенем — в чем твоя конструктивная программа? В том, чтобы на будущий год перестроить сарай? Нет. Самая конструктивная программа в этой ситуации — увернуться от удара, крикнуть «караул!», нашить булжника.

Сегодня Россия — в тяжелом кризисе, в шоке. Плохо соображая, затуманенным взором мы следим за манипуляциями каких-то странных господ. Что они достают из-за пазухи? Носовой платок — или гирю в платке? Зачем шприц? Зачем они ощупывают нашу шею? В чем наша конструктивная программа? Да прежде всего в том, чтобы продрать глаза. И увернуться. И постараться обойтись без булжника. А «караул!» уже кричать бесполезно, сторожа подкуплены.

И коммунисты, и патриоты в своих выступлениях сразу же смешивают совершенно разные (а порой несовместимые) вещи — свой идеал общественного устройства и действия сегодня, в момент острого кризиса. Начинают доказывать, что они «тоже за рынок, за реформы»? Какие реформы, какой рынок? Для этого у нас есть Шумейко. Вы боитесь, что люди заподозрят вас в желании «восстановить социализм»? Уже не за-

подозрят, ибо хозяйство подорвано настолько, что ни о каком социализме долго вопрос стоять не будет. Вопрос в том, избежим ли мы военного коммунизма. И спорить надо не о капитализме и социализме — они уже недостижимы в обозримом будущем, а о том, как пресечь разграбление страны и распад общества. Вернее, не спорить, а сказать эзоповым языком.

И разобраться, наконец, с вопросом, который стоит перед каждым патриотом: «Возможно ли уничтожить Россию?». Сегодня большинство оправдывает свою апатию сладким ответом: да нет, это невозможно. Никогда, мол, такого не было. Авось, как-нибудь обойдется. Ничего, мол, у них не получится. А ведь если упорядочить проблему, то буквально никаких оснований для этой надежды нет. И каждый, кого удастся заставить пройти всю цепочку логических заключений, приходит к этому же выводу. Хорошо бы лидерам оппозиции тоже сесть за стол и такую работу проделать.

Конечно, в выборах участвовать надо, как это ни противно. Но нельзя впадать в иллюзии — заставить режим отказаться от губительного для России проекта парламентским путем не удастся. Демонтаж советской власти и устранение «горизонтального» партийного контроля сразу дали исполнительной власти диктаторские полномочия. Демократической культуры в обществе еще нет, остатки стыдливости пришедшая к власти партия отбросила. Нанять десяток офицеров и арендовать танковое время денег всегда хватит. Наличие даже сильной оппозиционной фракции в Думе проблемы не решает. Но может быть очень полезно именно для самоорганизации сил сопротивления «внизу». Если не будет какого-то уникального стечения обстоятельств, на быструю смену режима или отказ его от распыления России надеяться не приходится. А значит, надо браться за дело всерьез — заняться прежде всего самими собой.

ЭПОХА ПОЛИТИЧЕСКОГО СПЕКТАКЛЯ

Давайте задумаемся, почему режим Ельцина, не имея за собой значимой социальной базы, загоняя народ в страшную, уже всем ясно видимую яму, так легко управляется с организованной частью народа — т. н. оппозицией? Она и мычит, и брыкается, а то и перепрыгнет канаву и залезет от пастуха в кусты — не хочет идти — а все равно, свистнет подпасок, укусит за ногу Шарик, и бежит она рысцой, куда надо. Радуетесь тактическим высоткам, которые ей сдал для утешения противник: «Ура! Мы победили на выборах в Думу! Наша взяла на выборах в городе Хлынове!». А ведь всем ясно, что, если бы это всерьез вредило режиму, никаких выборов вообще не было бы. А так, играйте, детки!

Сегодня озабочены: кого же нам выбрать в президенты? Надо ведь менять убийственный курс реформ! А если завтра Ельцин возьмет и учредит монархию? Да весь Синод с кадилами ее освятит, да весь Земский Собор поползет к маленькому Императору на коленях — трудно ли собрать по три клоуна от «субъекта Федерации»? Спросишь какого-нибудь лидера оппозиции, что она в этом случае будет делать, а тебе в ответ: «Да что вы, окститесь!» А спросишь простого обывателя, у него и то более разумный и ясный ответ: «Царя свергать легче, чем президента, потому как дело привычное!»

Тут-то и есть наша слабость, даже самой здравомыслящей части, — мы уповаем на привычные способы, пусть даже для нас самые тяжелые. Так и думает сейчас, хотя бы втайне, большинство: в крайнем случае, повоевать всегда успеем. А то, глядишь, и какую-нибудь недорезанную ракету раскочегарим и саму НАТО напугаем. А пока: «заманивай их, ребята!» Но в том-то и дело, что этот стереотип поведения уже прекрасно изучен, а значит, против него найдены эффективные приемы. В последний момент даже подорвать себя гранатой вместе с

врагом никто не сумеет — врагом окажется резиновая кукла, а из гранаты с шипением пойдет какая-нибудь вонь.

Вожди оппозиции и сами видят, что плетутся в хвосте событий, что их постоянно обводят вокруг пальца, но объясняют это высокими материями: нет идеологии! Не созрела! Но если ты уже втянулся в борьбу и множество людей сплочены стремлением устранить данный конкретный режим и сменить политический курс, пресечь губительную «реформу» — разве это не достаточная идеология? На данном этапе — вполне достаточная. Она мобилизует и соединяет всех, кто предвидит катастрофу (вернее, считает катастрофой ликвидацию России и гибель части ее народа). Разве имели какую-нибудь «зрелую» идеологию сербы в Боснии? Они были сплочены общим ответом на самые простые вопросы. Но они честно эти вопросы себе поставили и не побоялись на них ответить.

Нет, у нас дело не в идеологии, а в выборе стратегии и тактики борьбы. В явном виде выбора вроде бы и не было, стоит поднять о нем вопрос, на тебя зашикают и замашут руками. Значит, все делается «по привычке» — но это и есть определенный выбор. И сегодня выбор, возможно, наихудший. Почему же? Думаю, потому, что он неверно определяет суть происходящего конфликта, расстановку сил и способ действий противника. Противник изменился, а мы — нет. Буденный был лихой рубака на японской и германской, стал новатором на гражданской, но оказался беспомощным в 41-м.

Рассмотрим нынешнее столкновение в России в его «мягкой» ипостаси — как «вестернизацию», попытку западного современного общества сломать и переварить российскую цивилизацию. Все предыдущие попытки: шведы и тевтоны, поляки с иезуитами, Наполеон и Гитлер, Керенский с Троцким — были неудачными. Ответ России, соединяющий воинскую традицию и хитрость множества ее народов, во всех случаях был неожиданным, нетривиальным. Традиционное общество России оказывалось более творческим, и «русские прусских всегда бивали». Так мы с этой присказкой Суворова, как бы навсегда подтвержденной Жуковым, и успокоились.

Между тем Запад сделал большой скачок в интеллектуальной технологии борьбы. Неважно, что в целом мышление

«среднего человека» там осталось механистическим, негибким, — кому надо, эти новые технологии освоил. Специалисты и эксперты, советующие политикам, освоили новые научные представления, на которых основана «философия нестабильности». Исходя из них была развита методология системного анализа. Она позволяет быстро анализировать состояния неопределенности, перехода стабильно действующих структур в хаос и возникновения нового порядка. Историки отмечают как важный фактор «гибридизацию» интеллектуальной элиты США, вторжение в нее большого числа еврейских интеллигентов с несвойственной англосаксам гибкостью и парадоксальностью мышления.

Все это вместе означало переход в новую эру — постмодерн, с совершенно новыми, непривычными нам этическими и эстетическими нормами. Что это означает в политической тактике? Прежде всего, постоянные разрывы непрерывности. Действия с огромным «перебором», которых никак не ожидаешь. Так, отброшен принцип соизмеримости «наказания и преступления». Пример — чудовищные бомбардировки Ирака, вовсе не нужные для освобождения Кувейта (не говоря уж о ракетном ударе по Багдаду в 1993 г.). Аналогичным актом был танковый расстрел Дома Советов. Ведь никто тогда и подумать не мог, что устроят такую бойню в Москве.

Ошарашивают разрывы непрерывности в этике. Спектр частных случаев вроде расстрела молящихся палестинцев в мечети Хеброна неисчерпаем. Ключевой эксперимент — эмбарго на торговлю с Ираком, которому наша интеллигенция почти не придавала значения. А ведь это — взятие заложником всего народа. Вспомним цепочку утверждений: «режим Хусейна есть кровавая диктатура (то есть средний человек, учитель или крестьянин, не имеет возможности повлиять на действия режима) — Хусейн совершает преступление (нападает на Кувейт, оскорбляет США и т. д. — неважно, что именно) — чтобы оказать давление на Хусейна, ООН блокирует Ирак (тем самым убивая детей крестьян и учителей)». Из доклада медиков Гарвардского университета мы знаем, что эти убийства носят массовый характер (сотни тысяч детей, убитых отсутствием простейших медикаментов). А теперь вспомним определе-

ние: «заложник — лицо, подвергаемое угрозе или репрессиям с целью заставить тех, кто заинтересован в спасении этого лица, выполнить какие-либо требования, обязательства». Подставьте это определение в рассуждения ООН и вы увидите, что дети Ирака с самого начала рассматривались именно как заложники.

Какой скачок совершила цивилизация с времен Второй мировой войны! Тогда немцы для оказания давления на партизан брали заложников и расстреливали их. Это было признано преступлением, и те, кто ввел в армии эту практику, пошли на виселицу. Сегодня абсолютно ту же самую практику, причем без состояния войны, использует в несравненно больших масштабах сама ООН — и вся культурная элита Запада и РФ не видит в этом ничего дурного. Горбачев даже называет это «воцарением международного права». Я уж не говорю о более наглядном случае — двойном стандарте в отношении мусульман и сербов в Боснии. Но ведь этот способ мышления восприняла заметная (и наиболее шумная) часть нашей интеллигенции, и она вводит эту лишенную всяких этических норм тактику в нашу политическую жизнь.

Буквально на наших глазах в этом направлении сделан следующий важный шаг — устранение моральных норм даже в отношении «своих». В мягкой форме это проявилось на Гаити, где вдруг дали под зад генералам, отличникам боевой и политической подготовки академий США, которые всю жизнь точно выполняли то, что им приказывал дядя Сэм. И вдруг к ним пришла перестройка — морская пехота США приезжает устанавливать демократию и посылает ту же рвань, что раньше забивала палками демократов Аристиды, теми же палками забивать родню генералов.

Но буквально с трагической нотой это проявилось в ЮАР. Когда мировой мозговой центр решил, что ЮАР нужно передать, хотя бы номинально, чернокожей элите, т. к. с нею будет можно договориться, а белые все равно не удержатся, то и «своих» сдали даже с какой-то радостью, которой никогда раньше не приходилось наблюдать. Вот маленький инцидент. Перед выборами белые расисты съехались на митинг в один бантустан. Митинг вялый и бессмысленный, ничего противо-

законного. Полиция приказала разъехаться, и все подчинились. Неожиданно и без всякого повода полицейские обстреляли одну из машин. Когда из нее выползли потрясенные раненые пассажиры — respectable буржуа, белый офицер подошел и хладнокровно расстрелял их в упор, хотя они умоляли не убивать их. И почему-то тут же была масса репортеров. Снимки публиковались в газетах, и все было показано по ТВ. Конечно, урок для наших демократов, уповающих на солидарность своих заокеанских товарищей, но главное не в этом. Это — новое явление, которое мы обязаны понять. Ведь наша партийно-государственная верхушка, судя по всему, довольно давно «вросла» в западную элиту.

Особенностью политического постмодерна стало освоение политиками и даже учеными уголовного мышления в его крайнем выражении «беспредела» — мышления с полным нарушением и смещением всех норм. Всего за несколько последних лет мы видели заговоры и интриги немыслимой конфигурации, многослойные и «отрицающие» друг друга. Западные философы, изучающие современность, говорят о возникновении «общества спектакля». Мы, простые люди, стали как бы зрителями, затаив дыхание наблюдающими за сложными поворотами захватывающего спектакля. А сцена — весь мир, и невидимый режиссер и нас втягивает в массовки, а артисты спускаются со сцены в зал. И мы уже теряем ощущение реальности, перестаем понимать, где игра актеров, а где реальная жизнь. Что это льется — кровь или краска? Эти женщины и дети, что упали, как подкошенные, в Бендерах, Сараеве или Ходжалы — прекрасно «играют смерть» или вправду убиты? Послушайте, как говорят дикторши ТВ о гибели людей в Грозном, ведь сами их улыбки и игривый тон показались бы еще пять лет назад чем-то чудовищным.

Речь идет о важном сдвиге в культуре, о сознательном стирании грани между жизнью и спектаклем, о придании самой жизни черт карнавала, условности и зыбкости. Это происходило, как показал Бахтин, при ломке традиционного общества в средневековой Европе. Сегодня эти культурологические открытия делают социальной инженерией. Помните, как уже 15 лет назад Любимов начал идти к этому «от театра»? Он

устранил рампу, стер грань. У него уже по площади перед театром на Таганке шли матросы Октября, а при входе часовой накалывал билет на штык. Актеры оказались в зале, а зрители — на сцене, все перемешалось. Сегодня эта режиссура перенесена в политику, на площади, и на штык накалывают женщин и детей.

Вот «бархатная революция» в Праге. Какой восторг она вызывает у нашего либерала. А мне кажется одним из самых страшных событий. От разных людей, и у нас, и на Западе, я слышал эту историю: осенью 1989 г. ни демонстранты, ни полиция в Праге не желали проявить агрессивность — не тот темперамент. Единственный улов мирового ТВ: полицейский замахивается дубинкой на парня, но так и не бьет! И вдруг, о ужас, убивают студента. Разумеется, кровавый диктаторский режим Чехословакии сразу сдается. Демократия заплатила молодой жизнью за победу. Но, как оказывается, «безжизненное тело» забитого диктатурой студента, которое под стрелок десятков телекамер запихивали в «скорую помощь», сыграл лейтенант чешского КГБ. Все в университете переполошились — там оказалось два студента с именем и фамилией жертвы. Кого из них убили? Понять было невозможно. Много позже выяснилось, что ни одного не было тогда на месте, один в США, другой где-то в провинции. Спектакль был подготовлен квалифицированно. Но это уже никого не волновало. Вот это и страшно, ибо, значит, все уже стали частью спектакля и не могут стряхнуть с себя его очарование. Не могут выпрыгнуть за рампу, в зал. Нет рампы. Даже не столь важно, было ли это так, как рассказывают. Важно, что чехи считают, что это так и было, что это был спектакль, но его вторжение в жизнь считают законным.

Мы не сделали усилия и не поставили блок актерам и режиссерам, которые водят нас, как бесы. Спектакль — система очень гибкая. У наших душегубов нет детальных планов, как у строителя. Вся перестройка и реформа есть цепь действий по дестабилизации, а для нее не нужна ни мощная социальная база, ни большая сила — взорвать мост в миллион раз легче, чем построить. При этом точно нельзя предвидеть, по какому пути пойдет процесс, есть лишь сценарии. Но «актеры» готовы

к тому, чтобы действовать по любому сценарию, и быстро определяют, какой из них реализуется. Прекрасный пример — «Горбачев-путч» в августе 1991 г. Тогда Горбачев переиграл свою команду. А она, хоть и быстро поняла, что попала в ловушку лицедея, уже ничего не смогла предпринять — такого сценария не ожидала. А почему? Потому что была как Буденный. Неполное служебное соответствие. Но зато Ельцин, как считается, переиграл Горбачева — очень быстро и четко среагировала его команда и победила, хотя фальсификации в ее спектакле были совершенно очевидны. Но все они, чувствуется, были актерами одного и того же спектакля, режиссер которого не выйдет на сцену раскланяться.

А что же вожди оппозиции? Большинство из них даже до уровня Буденного не желает подняться. Линейность их мышления ставит в тупик. В октябре 1993-го тысячи людей пришли к Дому Советов, готовые на все. Выходят к народу вожди, их спрашивают: что нам делать, если ОМОН пойдет на штурм? А вожди в ответ: на штурм они не пойдут! Прекрасно, если так, ну а все же, если пойдут? Скажите, хоть в качестве невероятного сценария, что должны делать, по вашим расчетам, безоружные люди? Рвануть на груди рубаху и запеть «Варяга»? Ползти к зданию? Бросать камни? Дайте нам команду, мы все выполним. Нет, твердят одно: они на штурм не пойдут. А в ответ — ошарашивающий удар.

Ну хоть за год после этого что-нибудь изменилось? Практически ничего. На любом собрании одно и то же: «агитация за советскую власть» и более или менее поэтические проклятья в адрес режима. И, что удручает, никогда ни слова в ответ на это мое недоумение. Пусть я небольшая птица, не обязаны мне отвечать, но ведь эти мысли на уме у многих. Ну скажите хотя бы, что я не прав, — все легче будет.

1994 г.

ГДЕ МЫ ТЕРЯЕМ ИЗБИРАТЕЛЕЙ?

Многие из тех, кто отвергает режим «демократов», связывают большие надежды с выборами. Считают, что в общественном сознании произошел перелом в пользу КПРФ. Эти ожидания подогреваются и самой президентской ратью, да и самим Ельциным. Есть опасность, что это породит в левой оппозиции иллюзию слабости противника в выборной кампании. Ложное ощущение, будто избиратель, на своей шкуре познавший прелести «рынка и демократии», уверовал в программу КПРФ. А значит, можно не утруждать себя объяснениями по поводу висящих в воздухе проклятых вопросов.

На мой взгляд, это ошибка. Умолчание никогда к победе не приводит, а проклятые вопросы потому и называются проклятыми, что сами собой из головы не выходят. И если партия на них не отвечает, значит, их в самый неудобный момент задаст противник. А простые люди про себя все равно их задают.

Когда я формулировал такие вопросы (которые вовсе не я придумал) в своих статьях, это вызывало неудовольство «в партийных кругах», но ни разу не привело к попытке совместной выработки ответа. А ведь мне никакой радости не доставляет раздражать «партийные круги». Так поделюсь мыслями прямо с читателями, которые, работая «внизу», никак не могут уйти от объяснения с людьми.

Вот в политическом шоу с Любимовым выступал на ТВ С. Бабурин, идущий в блоке с Н. Рыжковым. Ему задали совершенно естественный вопрос, на который он ответил, по-моему, неудачно. А ведь Бабурин — блестящий и остроумный полемист. Его спросили: «Не мучают ли Рыжкова кошмары по ночам? Ведь именно его правительство разработало и провело законы, сломавшие хребет советской экономической системе. Ведь он одобрил Декларацию о суверенитете РСФСР, положившую начало развалу Союза. Как же коммунисты, не объ-

яснившись по этим вопросам, вновь выдвигаются в лидеры?». Я бы еще добавил: коммунисты, составлявшие большинство Верховного Совета РСФСР, почти поголовно проголосовали за ратификацию беловежских соглашений о роспуске СССР. Всего 6 голосов против!

С. Бабурин, по сути, увел ответ в сторону. И даже сказал, будто декларации о суверенитете не сыграли большой роли в спектакле перестройки. Но это искажает суть процесса и лишает нас урока огромной важности: декларации о суверенитете вырвали из советского сознания две главные скрепы, которые были уже восприняты многими поколениями почти как религиозные истины. Это идея общенародной собственности — экономическая основа Союза и идея общей исторической судьбы народов. Коммунисты в тот момент не поняли, что они вырывают? Но сейчас-то пора понять лидерам оппозиции. И понять, почему же они тогда не поняли.

Не лучшую схему выбрал Бабурин и для защиты Н.И. Рыжкова: он, мол, уже тысячу раз говорил о том, как его предал Горбачев. Да кого сегодня интересуют интриги и предательства Горбачева? Разве о нем речь? Вопрос-то был: как Рыжков, за которого нас просят голосовать как за лидера крупного движения оппозиции, объясняет свои действия на посту Председателя Совета Министров СССР? Действия, которые были важной частью механизма перестройки и прямо привели страну к катастрофе. Ведь если Рыжков не понял разрушительной сути этих действий, не вскрыл того способа, которым его, Рыжкова, заставили эти действия совершать, — то, значит, он и снова может совершить нечто подобное. За битого двух небитых дают, это так. Но только если битый учится на своих шишках и объясняет другим.

Пока что от ведущих фигур команды Горбачева — Рыжкова и Лукьянова — анализа перестройки «изнутри» мы не слышали. Только заверения в верности социализму и негодование в адрес ренегатов — разрушителей СССР. Но ведь никто их и не считает ни изменниками, ни агентами ЦРУ, никто не ставит их на одну доску с Горбачевым и Яковлевым. Людям важно услышать именно их, крупных советских руководителей, коммунистов и патриотов, которые по какой-то причине

стали орудием в руках изменников. От кого же нам еще ждать откровений и уроков?

Исходя из моего самоанализа, предположу, что думает типичный коммунист как член партии, приведшей СССР к поражению.

Во-первых, да, я не могу спать спокойно. Сейчас уже не так, а в 1990 — 1991 гг., помню, и сна в нормальном смысле слова не было. Непрерывно думаешь, прямо во сне, но как будто наяву: как же так? в чем коренная ошибка? как же так меня одурачили? как же я, идиот, соучаствовал во всем этом? И первый вывод, что я сделал после пяти лет лихорадочной «ликвидации безграмотности», таков: нами всеми было легко манипулировать, потому что мы действительно «не знали общества, в котором живем» — а наши враги знали. Во всяком случае, знали, куда и как ударить.

Потому-то и не увидели мы (даже критики) смертельного смысла законов о «социалистическом предприятии» и кооперативах. А это было как удар шилом в почку: и не слышно, и крови не видно, а человек умирает в болевом шоке. И кто из попутчиков в трамвае его ударил, не понять. А потом: «мы хотели как лучше». Ведь легким надрезом вскрыли и обескровили всю финансовую систему страны и одновременно разрушили потребительский рынок. И именно после дефицита тех двух лет большинство советских людей стало сторонниками «рынка» — поддержало ликвидацию советского строя. Теперь каются, да не вернешь.

Почему же советские люди, включая, мне кажется, и Рыжкова, тогда сразу не поняли, что происходит? Потому, что мы совершенно не знали сокровенной сути рыночной и нашей, нерыночной, экономики. Не понимали из-за потрясающего убожества нашего теоретического багажа. Мы не знали уже даже русских мыслителей — народников, анархистов, православных экономистов, Чаянова. А потом мимо нас прошло все знание о нерыночных обществах, накопленное антропологами после войны, огромное знание о Японии, накопленное учеными США, — а это все было и о нас. Мы даже забыли Сталина, его определение капиталистической и социалистической экономики стали считать пустым идеологическим штампом. А он,

пожалуй, лучше ученых марксистов понимал наше хозяйство именно потому, что дотошно изучал Священное Писание и христианскую теологию — духовную основу нерыночного хозяйства. И его определение — это просто формула, которой описал два несводимых типа хозяйства Аристотель. Формула, которая нисколько не утратила смысла и сегодня.

На мой взгляд, честное признание в том, что мы в 1985—1991 годы проиграли бой (даже его не заметили) и сдали важные позиции из-за того, что были плохо вооружены знанием, просто не готовы, — нисколько не порочит нынешних коммунистов. А вот говорить, что я, мол, всегда был умным, да меня подставили, — значит потерять значительную часть избирателей.

Вообще, я считаю, что КПРФ много теряет оттого, что избегает хотя бы сформулировать вопросы о главных дефектах социалистического проекта в СССР. Сейчас, конечно, дать исчерпывающий ответ на эти вопросы еще невозможно, но не следует их замалчивать. Люди-то их себе задают. И придумывают ответы, в основном неправильные — подсказанные «демократами». Эти ответы проникают даже в документы КПРФ, в выступления ее лидеров. И мы опять на ниточках, за которые дергают невидимые «архитекторы». Взять хотя бы миф о неконкурентоспособности советской экономики. Не выдержали, мол, соревнования с Западом, вот и рухнул СССР.

Другая крайность — сводить причину поражения к предательству верхушки КПСС. Но ведь надо тогда ответить на вопрос: какая червоточина имелаась в организме советского строя, что он породил элиту, которая в значительной своей части перешла на сторону врага? Что интуитивно понял Сталин, когда предупреждал о будущем обострении классовой борьбы в СССР? Ведь если мы эту червоточину не выявим и порождающих ее причин не искореним, то и КПРФ, приди она к власти, нам может устроить то же, что горбачевская рать. Какие против этого гарантии? Честное лицо Лукьянова?

Первый же подход к этим вопросам с научной меркой показывает, что проблема очень сложна. Сама российская цивилизация предстает как великолепное, изумительное творение ее земли и народов, а также смежных культур Запада и Востока. И в то же время творение исключительно хрупкое. Как бу-

дем ремонтировать разбитое, когда удастся отвести руки разрушителей? Встают совершенно новые вопросы, и обдумывать их надо было бы, пока КПРФ не у власти. Когда партия у власти, ее уже влечет нарастающий ком проблем и она только расходует накопленный ранее теоретический капитал. Это мы видели и в КПСС. А кроме того, функционеры правящей партии очень быстро становятся глухи к голосу критики и голосу науки, это уж закон природы. Так что надо бы не терять драгоценного времени бытия в оппозиции.

Я знаю, что многие люди, сознательно стоящие за социалистический строй, скептически относятся к выборам и не ожидают принципиальных перемен от победы КПРФ. Говорят о ее сдвиге к социал-демократии, о печальном опыте коммунистов Польши и Венгрии, которые, получив абсолютное большинство голосов, продолжают неолиберальную политику. Рядовые коммунисты, услышав такие доводы, сильно расстраиваются — им нелегко ответить.

Я же считаю, что, не впадая в розовые мечты, мы в то же время не имеем никаких оснований для пессимизма. И не потому, что «других коммунистов у нас нет», а потому, что КПРФ может вырасти и уже вырастает как очень здоровый организм. Последние пять лет уже сформировали на местах упорных, цепких и молчаливых борцов. Их не проведешь на мякине и не подкупишь. Выборы этих людей в органы власти очень сильно изменят ситуацию, и надо все делать ради этого. А если эти люди еще и наладят гибкие механизмы давления на столичную элиту партии, то и соглашательская деятельность горбачевского охвостья будет блокирована.

1995 г.

ЛОВУШКИ ЯЗЫКА

В выборной кампании молодая партия быстро формирует себя — кадры, идеологию, образ в глазах населения. Весь организм партии в движении и раздумьях, получает и переваривает огромный объем информации, закаляющие удары противников. Этот процесс не менее важен, чем результат — кресла в Думе.

КПРФ построила свой образ на отказе от революционного подхода. Аргумент ясен: этот подход чреват риском насилия, а в стране, насыщенной оружием и опасными производствами, оно ведет к катастрофе. Довод слаб: революционные изменения вовсе не обязательно ведут к насилию — это показал даже опыт СССР последних лет. А главное, риск насилия при продолжении курса реформ гораздо больше, чем при революционной смене этого курса.

Эта смена касается собственности. Вряд ли кто-то сомневается: расхватав ее куски, номенклатурно-преступные группы парализовали хозяйство. В обозримом будущем запустить его они не смогут. Вопрос уже не в праве, не в справедливости, не в экономической эффективности, а в жизнеобеспечении страны и населения. Ситуация уже сейчас чрезвычайна. Она намного хуже того, что люди представляют себе исходя из уровня потребления, — идет проедание остатков производственного капитала и погружение в пучину долга, а это лишь ненадолго может оттянуть встречу со страшной реальностью.

Все партии режима, разумеется, вообще не касаются вопроса собственности — она и распределяется тайно. КПРФ тоже решила четко вопрос не ставить. Видимо, тактика. Но ведь людям, ведущим кампанию, приходилось отвечать на этот вопрос. Как понять такую установку КПРФ: «Пугать сегодня людей новым переделом собственности и сопутствующими ему потрясениями — верх политического лицемерия и цинизма»?

чем цинизм С. Филатова, который «пугал»? КПРФ не собирается, приди она к власти, отменять акты о раздаче пакетов акций крупных предприятий? Или она это будет делать, но сумеет избежать потрясений? Слова Филатова совершенно ясны, нам же надо давать столь же ясный ответ.

А следующее заявление объяснить еще труднее: «Мы, как политическая партия, выражающая интересы трудящихся, к тому и стремимся, чтобы неизбежное прошло мирно для подавляющего большинства населения, чтобы оно не оказалось втянутым в чуждую их интересам кровавую разборку мафиозных кланов». Что КПРФ считает неизбежным? Можно понять, что преступную приватизацию и ее второй этап — передел пакетов акций. Видимо, речь не идет о законной отмене раздачи заводов — эту отмену уж никак не назвать «мафиозной разборкой», тем более чуждой нашим интересам. Была ли в истории партия, цель которой — не дать массам втянуться в борьбу по вопросу о собственности, важнейшему вопросу политики? Объясните мне, уважаемые лидеры, как я должен был трактовать такие предвыборные заявления? Ведь я, бывало, за день выступал перед двумя-тремя аудиториями.

Очень трудно выяснить отношение КПРФ к приватизации. На этот вопрос обычно отвечают двояко. 1) «Приватизация по Чубайсу — это никакая не приватизация, а воровство. Вот во Франции...» Иными словами, мы не против приватизации, но делать ее надо солидно, как во Франции. 2) «Если приватизированный завод нормально работает, так и пусть — мы только помогать таким хозяевам будем».

Оба ответа, при всей их уклончивости, не отрицают приватизации крупных предприятий в принципе, хотя в ней — суть смены социального строя. И потом, если какие-то заводы нормально работают — зачем же менять курс реформ? Надо помогать режиму, тогда и другие заводы заработают — вот что логически следует из этих ответов. А ведь реальность в том, что никакие заводы нормально не работают. Мутации отдельных предприятий с приспособлением их к хаосу — не норма. Разве нормально, что «Запсиб», используя недра и воздух, мускулы и ум России, почти целиком работает на границу?

И при этом едва может прокормить своих рабочих. Это терпимо лишь как аварийная мера, для спасения производства.

Нередко, ратуя за госсектор, опять приводят в пример Запад: «в Италии госсектор такой-то, во Франции такой-то». А при чем здесь Запад? Ведь те же ссылки на Запад в устах демократов мы признали ложными. Разве создаваемый по схеме МВФ экономический комплекс хоть чем-то напоминает Францию? Нет, из РФ делают «дополняющую» периферическую экономику — особый тип. Но даже если предположить, что каким-то чудом РФ сумеет имитировать Францию, — это и есть цель КПРФ? Это же цель Гайдара. Или все дело в том, что Гайдар плохо повел дело, наделал ошибок?

Отношение КПРФ к принципу реформы очень трудно определить из-за того, что в выступлениях оно часто подменяется отношением к исполнению. Выступления изобилуют такими терминами: «бездарные правители», «нет четкой программы», «вороватые чиновники». На встрече в Академии наук член ЦИК КПРФ депутат В.С. Шевелуха дал такую оценку: «режим Ельцина опрометчиво отнесся к науке, без сильной науки нет великой державы». То есть товарищ Ельцин недопонял роли науки как непосредственной производительной силы. Нехорошо! Подзабыл основы общественных наук.

Встречи с избирателями, широкие опросы показали, что основная масса народа имеет гораздо более четкую и жесткую оценку: не бездарные правители, у которых все из рук валится, а хищная, сознательная и хорошо организованная антинациональная сила. Такое расхождение в оценках между базой и идеологами партии кажется несущественным, когда партия в оппозиции и слаба, но может создать большие проблемы, когда на партию ложится ответственность. Ведь у того оврага, по которому мы катимся в пропасть, уже высокие стенки. Прыжок должен быть виртуозным, с полной координацией движений. Думаю, метафора Зюганова (Россия как витязь на распутье трех дорог) очень приукрашивает действительность. Такой свободы выбора мы уже не имеем.

Пока что люди успокаивают себя: туманная фразеология идеологов — тактическая маска, чтобы не отпугнуть Борово-

го и Клинтона. Конечно, начальству виднее. Хотя, по-моему, в политике действуют интересы, а не обман. Обмануть можно только своих. Кроме того, мышление инерционно, и быстро заменить туманные формулы на верные в критический момент не удастся. Это — долгий процесс.

Есть и другое объяснение. Зачем, мол, вообще прыгать на стенки оврага. Овладеем потоком и начнем подмывать стенки — мало-помалу свернем на путь спасения. Говоря по-ученому, станем на этот период социал-демократами: «движение — все, цель — ничто!». К этой же мысли пришел свергнутый Горбачев. Конечно, социал-демократы всегда приятнее правых, не говоря уж о криминальной диктатуре. И на Западе социал-демократы — единственная политическая сила, несущая благо трудящимся. Коммунисты нужны лишь для «контроля слева» и как сила, которая станет необходимой при том грядущем кризисе, который все на Западе предчувствуют. Коммунисты у власти сегодня на Западе никому не нужны — Запад как цивилизация от солидарности отказался.

Значит ли это, что социал-демократия может решить наши проблемы? Я считаю, что нет. Кое-кто полагает, что она имела на это какой-то шанс в благополучный период Брежнева, но этот шанс загубил Горбачев. Однако я думаю, что и тогда она этого шанса не имела, и любой социал-демократ привел бы к тому же итогу, что и Горбачев (хотя в личном плане такого «русского Альенде» больше в истории человечества не найдешь).

Различие между социал-демократией и коммунизмом — фундаментальная проблема, и она заслуживает отдельного разговора. К сожалению, в условиях постоянного стресса наши политики равнодушны к этим вопросам. Считается, что можно «инженерным» способом компоновать хорошую политику, беря что-то от социал-демократов, что-то от коммунистов. Я считаю, что КПРФ — партия типичных коммунистов, потому она и имеет шанс вырасти в основную силу. «Демократы» сегодня много делают, чтобы представить ее партией социал-демократов, совместимых с курсом реформ. ТВ назойливо показывает встречи Зюганова с банкирами и американски-

ми капиталистами — но никогда с рабочими или шахтерами. Если удастся создать такой образ и тем самым оторвать КПРФ от поддержки массы населения, а потом раздуть образ какой-то малой партии как «настоящей коммунистической», то оппозиция надолго потеряет стержень и вылезать из оврага будем ценой большой крови.

1995 г.

КОММУНИЗМ И РЕЛИГИЯ: ТРУДНЫЙ ВОПРОС К ВЫБОРАМ

Один из вопросов, часто задаваемых избирателями кандидатам от КПРФ, — отношение к религии. Говорят: большевики взрывали храмы и расстреливали священников. А что будет, если они снова придут к власти?

На этот вопрос обычно отвечают так: нынешние коммунисты другие. Теперь даже устав разрешает члену партии быть верующим — чего же еще? Еще вспоминают, что секретарь райкома помогал отремонтировать храм и что «у меня, коммуниста, бабушка была верующая, а я ее не обижал». Иной раз даже упомянут, что «моральный кодекс строителей коммунизма» — это те же десять заповедей. Что коммунисты сегодня — это как бы просто светские христиане.

На этом диалог обычно кончается, и вроде бы вопрос снят. На мой взгляд, это не так. Во-первых, слащавый тон лишь вредит, так что кое-кто про себя подумает: это сегодня коммунисты такие добрые, пока боятся Ельцина, а придут к власти — отыграются. А следовать заповеди «не укради» — вовсе не значит быть религиозным человеком. Я бы даже сказал, что эти обычные ответы — не о том, они оставляют у людей смутное разочарование.

Я вижу проблему по-другому. Религиозный вопрос был едва ли не главным в перестройке, этой прелюдии к реформе Гайдара — Чубайса. Недаром А.Н. Яковлев твердил о Реформации России. Если бы удалось сломать религиозное чувство русского народа, дело было бы решено. Но этот слом не удался. Как же стоит вопрос? Главный конфликт — не в столкновении большевиков с той организацией (Церковью), в которой оформлялись конкретные конфессии. Хотя это, конечно, драматическое столкновение. Несравненно более глубокой является борьба внецерковного мироощущения с любым

религиозным чувством. Такой борьбы большевики не вели никогда, а вот рыночное общество ведет ее с самого своего возникновения.

Дело даже не в том, что действия большевиков в 1930-е годы были частью Гражданской войны, в которой, на беду России, Церковь в целом не стала арбитром, а активно выступила на стороне одной, к тому же побежденной стороны (а до этого была активной частью царизма, который деградировал и потерял авторитет). Это важно, но не главное. Главное, что сама русская революция была глубоко религиозным движением (хотя и антицерковным). Большевизм был неоднороден, и можно было бы свалить его зверства на антиправославную западническую ветвь. Это было, но не надо и такого упрощения. И почвенные большевики, патриоты и державники, долго были антицерковниками, вплоть до национального примирения в войне с Германией.

Я бы сказал, что этот большевизм был ересью православия, им двигала именно православная любовь к ближнему — но избыточная, страстная. Мы не поняли этой мысли философов-эмигрантов, ни даже этой мысли Андрея Платонова в «Чевенгуре». Академик Шаталин издевался: большевизм — это хилиазм XX века. Хилиазм — ересь ранних христиан, веривших в возможность построения Царства Божия на земле. Шаталин был в этом прав, а вот достойно ли это издевательства — вопрос совести. Большевики разрушали церкви как капища «неправильной» религии, они замещали их другими церквями и другими иконами. Это было страстное столкновение двух религиозных представлений о правде. Такие разломы пережили в молодости все нации, в Европе раньше, чем у нас (и несравненно тяжелее — в Германии было уничтожено 2/3 населения). Когда страсть вошла в берега, конфликт утих. КПРФ такую страсть в принципе не может разжечь, религии по заказу не создаются. С будущим ясно.

А вот первый вывод о прошлом. Русские коммунисты не подавляли религиозного чувства, не посягали на него, они сами были его носителями. Советский человек был (и в большинстве своем остался) глубоко религиозным. Как же это понять? Как же наш атеизм? И русские философы, и западные

теологи объясняют, что основой религиозного чувства является особая способность человека чувствовать, воспринимать сокровенный, священный смысл событий, действий, отношений. Это, а не вера в конкретного бога, главное.

Такой человек ощущает священный смысл хлеба и земли, тайный смысл рождения, болезни, смерти. Для него может иметь сакральную (священную) сторону Родина, Армия, даже завод, построенный жертвами отцов. Такой человек чувствует долг перед мертвыми и слушает их совет при решении земных дел. Говорят, что у тех, кто обладает такой способностью, есть «естественный религиозный орган». У советских людей, включая атеистов, этот орган был очень развит — и даже хорошо изучен нашими противниками. Они его и использовали, и разрушали все эти десять лет.

И государство, созданное «коммунистами и беспартийными», было проникнуто религиозным чувством — в этом была и его сила, и его слабость. Н. Бердяев, отрицавший социализм, признавал: «Социалистическое государство не есть секулярное государство, это — сакральное государство. Оно походит на авторитарное теократическое государство. Социализм исповедует мессианскую веру. Хранителями мессианской «идеи» пролетариата является особенная иерархия — коммунистическая партия, крайне централизованная и обладающая диктаторской властью».

Итак, большевики не разрушили, а даже укрепили главную основу религии — саму способность одухотворять мир священным смыслом. Потому они и увлекли народ, и даже индустриализация была в России типичным религиозным подвижничеством, вроде немислимого по страсти и творчеству строительства соборов в средневековой Европе. Борьба большевиков с Церковью была столкновением сходных сил, которое при общем примирении лишилось смысла и в самом коммунизме не может возникнуть вновь.

А что же мы видим у противника коммунизма — рыночного общества — и легиона его бойцов? Видим именно последовательное уничтожение в человеке «естественного религиозного органа», удушение самой способности к религиозному чувству, покушение на духовную кастрацию вовлеченного

в рыночные отношения человека. И, симметрично большевикам, взрывавшим здания церквей, «рыночники» могут строить и ремонтировать церкви — и быть душителями религии. При наличии кирпича, сборного бетона и наемных турок строить не трудно. Но еще Серафим Саровский предупреждал: «Церкви будут стоять, сиять, а молиться в них будет нельзя».

Обратимся к истокам рыночной цивилизации. Главный ответ — там. Само понятие цивилизации, введенное французскими просветителями XVIII в., означало секуляризованную и рационализованную форму общежития. Нецивилизованной формой признавались средневековый образ жизни и образ жизни неевропейских народов. Подчеркнем эти два признака Запада в эпоху капитализма: секулярность (т.е. освобождение от Церкви) и рациональность (расчет и логика).

Современный Запад и капитализм возникли как плод освободительных революций. В какой же свободе нуждался капитализм? В свободе от Природы, от человека и от Бога. Впрочем, все эти виды свободы — лишь разные ипостаси нового мировоззрения. Освобождение от человека, разрыв общинных связей — появление индивидуума вместо личности — было возможно именно вследствие отказа от Евангелия, от идеи коллективного спасения души. Капитализм возник как общество глубоко антихристианское, несмотря на его внешнюю набожность.

Знаток религиозных корней капитализма Макс Вебер пишет: «Чем больше космос современного капиталистического хозяйства следовал своим закономерностям, тем невозможнее оказывалась какая бы то ни было мыслимая связь с этикой религиозного братства. И она становилась все более невозможной, чем рациональнее и тем самым безличнее становился мир капиталистического хозяйства».

Как показывает Вебер, возникновение духа капитализма сопровождалось сдвигом от евангельских, христианских установок к законам Моисея как «естественному праву» — нужна была «вся мощь ветхозаветного Бога, который награждал своих избранных еще в этой жизни». Нужно было религиозное оправдание наживы, которую отрицало Евангелие.

Но этот скрытый антихристианизм привел к утрате всякого религиозного чувства. Вебер поясняет почему: «Капиталистическое хозяйство не нуждается более в санкции того или иного религиозного учения и видит в любом влиянии церкви на хозяйственную жизнь такую же помеху, как регламентирование экономики со стороны государства. «Мировоззрение» теперь определяется интересами торговой или социальной политики. Капитализм, одержав победу, отбрасывает ненужную ему больше опору».

Капитализм потребовал снять с предпринимателя оковы всеобщей, «тотальной» этики, которая есть в любой религии. Охранителем этой этики чаще всего выступает церковь (в СССР — идеология). Она-то в период буржуазных революций и вызывала наибольшую ненависть («Раздавите гадину!»). Церковь утверждала существование общей для всех совести, пронизывающей все сферы общества. Гражданское общество устранило эту совесть, создав свою этику для каждой сферы, исключив понятие греха. И сегодня любая попытка поставить вопрос об объединяющей общество этике рассматривается неолибералами как «дорога к рабству» (выражение духовного отца гайдаров, фон Хайека). Вот слова «демократа» Н. Шмелева: «Мы обязаны внедрить во все сферы общественной жизни понимание того, что все, что экономически неэффективно, — безнравственно, и наоборот, что эффективно — то нравственно». Это — полный разрыв с православной, а затем советской этикой России: «Лишь то, что нравственно, — эффективно».

Изживание религиозного органа у человека Запада создавало вакуум, который заполнялся идолами, например, идолом прогресса. Возникла цивилизация огня и железа, с культом силы, — ее гордо называли прометеевской. Уже в этой гордости был отказ от христианства и от Бога вообще, ибо Прометей — титан, богоборец.

Сдвиг к идолатрии, к внерелигиозным культам (примерами их могут быть такие разные явления, как масонство и фашизм), с тревогой отмечался самими западными мыслителями, особенно теологами. Они предупреждали, что, когда Запад отбросит ценности христианства, на которых он паразитировал, мы увидим нечто страшное. Немецкий богослов Р. Гварди-

ни писал: «вот нечестность Нового времени: двойная игра, с одной стороны, отвергавшая христианское учение и устроение жизни, а с другой — стремившаяся присвоить все, что они дали человеку и культуре... Теперь двусмысленности приходит конец. Там, где грядущее обратится против христианства, оно сделает это всерьез. Секуляризованные заимствования из христианства оно объявит пустыми сантиментами, и воздух наконец станет прозрачен. Насыщен враждебностью и угрозой, но зато чист и ясен».

Култ силы вел к культу государства (любому, кто знает Запад, Советское государство покажется добрым дядюшкой — достаточно сравнить нашего тогдашнего милиционера и полисмена США). Крупнейший историк Запада А. Тойнби пишет об этом замещении христианства культом Левиафана (так назвал буржуазное государство философ Гоббс): «В западном мире в конце концов последовало появление тоталитарного типа государства, сочетающего в себе западный гений организации и механизации с дьявольской способностью порабощения душ, которой могли позавидовать тираны всех времен и народов... В секуляризованном западном мире XX века симптомы духовного отставания очевидны. Возрождение поклонения Левиафану стало религией, и каждый житель Запада внес в этот процесс свою лепту». Страшные бомбардировки Ирака, одобренные почти всеми американцами, — последний аккорд.

Удар по религиозному чувству нанесла и вторая культурная мутация Запада — рационализация мышления. Мы не говорим здесь о том, какую силу и свободу дал рационализм человеку, — это другая тема. А вот чего он лишил человека? «Никогда не принимать за истинное ничего, что я не познал бы таковым с очевидностью, включать в свои суждения только то, что представляется моему уму столь ясно и столь отчетливо, что не дает мне никакого повода подвергать это сомнению», — писал Декарт. Это — культ Разума.

Антрополог К. Лоренц указывал на тяжелые последствия принятия Западом этой «установки, совершенно законной в научном исследовании, — не верить ничему, что не может быть доказано». Ведь жизнь сложнее объекта науки, и подход к ней исключительно с меркой рационального расчета уроду-

ет человека. Жизнь теряет свою качественную сторону, те ценности, которые не поддаются измерению. Ценности заменяются их измеримым суррогатом — ценой (как сказал философ, Запад — «цивилизация, которая знает цену всего и не знает ценности ничего»). Сам отказ от культурных традиций, во исполнение наказа Декарта, — огромная потеря, ибо, по словам Лоренца, «традиции содержат огромный фонд информации, которая не может быть подтверждена научными методами».

Для нас здесь важно подчеркнуть, что полностью рациональное мышление, свободное от ценностей, которые передаются традицией и не могут быть «научно доказаны», как раз и означает изживание религии.

Что несет западному христианству волна неолиберализма с его фанатичным монетаризмом и идолами свободы и индивидуализма? Возможно, последний удар по религиозному чувству, о котором говорил Гвардини. Вот три сообщения из одного номера газеты, за 24 сентября 1995 г.

В Голландии священник К. ван Флит в Вердене обвинил двух лесбиянок церковным браком, надел им кольца, благословил их семью и призвал прихожан кончать с предрассудками и жить свободно. Это ли не удар по религии?

Но это — мелочь по сравнению с другим событием: «Англиканская церковь с радостью восприняла новое издание Библии, которое совмещает священные тексты с советами и пожеланиями в области сексуальных отношений». Далее дается изложение этой «новой интернациональной версии» Библии. Такое свинство, что даже на мой взгляд неверующего это не просто святотатство, а плевок в душу любого нормального человека.

И вот, пожалуй, главное. Издание в США «политически правильной Библии». Массовый тираж разошелся за неделю. Как же подправили Священное Писание идеологи в сани? Так, что из Библии «вычищены следы чего бы то ни было, что может вызвать раздражение любой социальной группы». Так, выброшено указание на то, что Христа распяли иудеи. Экая мелочь! Не раздражать же из-за нее финансовых магнатов. Чтобы не обидеть феминисток, подчистили анкету Саваофа — он теперь не Бог-Отец, а «Бог отец-мать». «Отче наш!» отменяет-

ся. Даже слово «Господь» как синоним «Бога» устранено — да здравствует демократия!

Любой человек с религиозным чувством скажет, что фальсификация и профанация священных текстов — это и есть удушение религии. Разве замахивались на это большевики! По сравнению с этими акциями разрушение церковных зданий или физическое убийство служителей культа наносят религии ущерб несравнимо меньший.

Что же мы видим в России, у доморощенных рыцарей Запада? Ту же попытку — именно они, в белых перчатках, но эффективно удушают религию, высмеивают и пачкают все священное, все наши культы и сокровенные отношения. Началось это давно, с западников, а сегодня они выродились до русофобов. Утверждения о том, что тормозом развития России является воспитанный православием характер (лень и рабская психология), — элементарная идеологическая ложь. Но ведь за ней — философия. Как тиражировали «демократы» слова Чаадаева: «Повинуясь нашей злой судьбе, мы обратились к жалкой, глубоко презираемой этими [западными] народами Византии за тем нравственным уставом, который должен был лечь в основу нашего воспитания»!

Сегодня утверждается, что по сравнению с Западом православие отличалось нетерпимостью и тоталитаризмом. «Несколько лидеров ереси были сожжены в 1504 г.», — обличают «демократы». И это — в сравнении с католической инквизицией или сожжением миллиона (!) «ведьм» в период Реформации. Порой доходят до того, что православие оказывается как бы и не христианством, и мы выпали из этой религии. Кумир наших «демократов», «грузинский Сократ» М. Мамардашвили, так и пишет: «Любой жест, любое человеческое действие в русском культурном космосе несут на себе, по-моему, печать этого крушения Просвещения и Евангелия в России». Подумать только, любое наше человеческое действие! Да разве имеем мы право на жизнь?

Изживание, по примеру Запада, религиозного органа русских и разрушение традиции было пафосом философии западников. В статье «Культурный мир русского западника» эмигрант В.Г. Щукин так характеризует эту часть интеллигенции:

славянофильской, любая сакрализованная культура носила «В отличие от романтиков. Западная была им в корне чужда: характер — в ней не было места для мирской, посюсторонней хаотичности западников время слепой веры в святыню... Чителем вековой мудрости, не «естественным» залогом непреходящего традиционной, а разрушительного мира».

Сегодня эта псевдорационализация дошла до гротеска. Духовный лидер «демократов» академик Н. Амосов пишет даже: «Бог — материя. Если его нет). К сожалению, для мистики, приносящей пользу обществу только вред. Без теории познания, этику Точные науки поглотят психологию и теорию познания, этику и социологию, а следовательно, не останется места для рассуждений о духе, сознании, вселенском демократический бред, но зле. Все измеримо и управляемо как пороска.

Сегодня мы являемся свидетелями огромного инженерно-идеологического проекта — попытки искусственного разрушения вошедших в культуру огромного народа. Это огромная диверсия, по своим масштабам далеко превосходящая другие им разрушительным масштабом традиций и «иррациональных» божеств, да и то с божественными нормами, запретами и ритуалами. Это лишь упрощенное общество атомизированных индивидов. Сложные поликультурные, а тем более этнические общества устойчивы до тех пор, пока не позволяют навязать им «прогрессивные» западные нормы. Парадокс в том, что в руке, можно защитить от власти эксплуататоров этого человека.

религиозное чувство русских

1995 г.

НА СЕБЯ ОБОРОТИТЬСЯ

В письмах читателей по итогам президентских выборов 1996 г. звучит одна тема, которую наконец-то надо поднять гласно. Первой причиной поражения коммунистов многие считают недоверие людей к верхушке КПРФ — тем, кто маячит за Зюгановым. Поэтому результаты выборов в Думу («голосование за программу») были намного лучше для оппозиции.

Понятно, что, когда партия в периоде становления, с критикой надо быть очень осторожным. Но совсем-то без нее тоже нельзя. Примечательно, что из стана противников серьезной критики КПРФ не раздается — никакого гласного анализа промахов и неувязок. Только мягко помогающая ругань. Что же до писем читателей, то у меня вызывает просто уважение и восхищение — настолько их критика ответственна, настолько взвешено каждое слово, точно расставлены акценты. Какая благодатная и заботливая могла бы быть опора партии! Сколько талантливых мыслителей и идеологических работников!..

Суммируя, можно сказать, что люди видят две явные причины сомневаться в президенте от КПРФ. Первая — что КПРФ, будь она у власти, воспроизведет образ КПСС (только труба пониже и дым пожиже). А этот образ, чего греха таить, людям опротивел. Как вспомнишь эти тупые никчемные морды, которые обузой повисли на шее у общества, — брр! И они совершенно закономерно вырастили Ельцина — он полный и законченный, с детских ногтей, продукт КПСС. Так уж лучше иметь его в чистом виде, с открытым забралом (я с этим не согласен, но не все же такие циники, как я).

Ссылки на Жукова и Гагарина, тезис о «двух партиях» в КПСС не убеждает, КПСС дегенерировала как институт, как система, никакой «второй партии» внутри нее не было — были миллионы честных людей, которые ухитрялись с системой сосуществовать и ее гадости частично нейтрализовать. Но это

было непросто, и последнюю гадость предотвратить не удалось именно потому, что не было «второй партии». Читатель пишет: «Дело не только в том, что безобразничали «верхи», «низы» тоже не отставали — в партию принимали за преданность начальству, т. е. всю шушеру, и простые люди прекрасно это видели. Поэтому при слове «коммунист» сразу возникал образ жадного проходимца».

Когда КПРФ только-только поднималась, Зюганов сказал очень важную и обнадеживающую вещь: нам надо разобраться, каким образом КПСС стала партией, в которой путь наверх был открыт как раз проходимцам и будущим предателям. Все ждали, когда же произойдет этот разбор. По нему можно было бы судить, устранила ли КПРФ в самой себе эти причины. Но после тех слов — молчок. Не только никакого анализа, но и сама проблема снята с повестки дня, как будто ее и не было. Это вызвало большое разочарование.

Конечно, проблема эта очень сложная, на многие вопросы нет ответа, но надо было бы сами эти вопросы поставить, не уходить от них. Одно дело, когда видишь, что проблема мучает, что идет поиск решений, а другое дело, когда подозреваешь, что неприятный вопрос стараются не поднимать, чтобы о нем позабыли. Не позабудут.

К счастью, на местах, в райкомах, номенклатурные стереотипы в основном изжиты, и это очень радует граждан. Но относительно московской верхушки у людей «с мест» такой уверенности, насколько можно судить по письмам, нет. Иными словами, своим стилем поведения руководство КПРФ не доказало, что ему удалось порвать пуповину, соединявшую его с номенклатурным сословием КПСС. Те, кому доводилось бывать в Думе, тоже отмечают: в крыле фракции КПРФ все стало как в хорошие добрые времена, только «дым пожиже» — не как в ЦК, а как в обкоме.

Образ обновленной партии, действительно партии Жукова и Гагарина, сам собой не возникнет просто от декларации. Его надо создавать мыслью, словом и делом. К выборам 1996 г. это еще не удалось. Куда пойдет дальше, увидим.

Вторая причина, которую отмечают читатели, еще более веская. Многих людей грызут сомнения — а хочет ли дейст-

вительно верхушка КПРФ создать «партию Жукова»? Или, спекулируя этим именем и образом советского прошлого, хочет «въехать» на спине избирателей в нынешний режим в качестве солидной оппозиционной парламентской партии, которой власть тайком отдает кусок пирога?

На бытовом уровне, когда ведешь агитацию «от человека к человеку», встречается такое вульгарное объяснение: «В КПРФ собралась та часть номенклатуры, которая не пристроилась к власти. Так она решила пристроиться к оппозиции. Победят на выборах — поменяются местами, будут кормиться по очереди». Если выражаться не так вульгарно, то это — суть устойчивой на Западе двухпартийной демократии, причем одна из партий выступает под левыми лозунгами. Это — социал-демократы разных оттенков. Руководство КПРФ никогда четко не высказало своего отношения к этой системе, а во многих случаях отзывалось о ней с симпатией: «Мы долго в своей политической истории пытались лететь на одном левом крыле. Из этого ничего хорошего не вышло. Теперь оно перебито. А на одном крыле, как известно, далеко не улетишь». Дайте, мол, отрастить левое крыло, и будем махать вместе, вот и ладушки. Красивая метафора, и смысл понятен (непонятна только оценка советского периода. Что значит «ничего хорошего не вышло»? И кто у нас был «левым» — Сталин, Хрущев, Брежнев?). Так что абсурдными «вульгарные подозрения» не назовешь, социал-демократический соблазн не отмечается в КПРФ даже на словах.

Можно сказать, что народ к КПРФ слишком строг. Да, с коммунистов спрос совершенно особый. То, что позволено социал-демократам, для них — предательство. Водораздел в сознании людей проходит четко: ты за советский строй (с его улучшением и т. д.) — или против. Если против, то разница между оттенками несущественна. Верхушка поздней КПСС, как показала история, была сознательно, а в конце и с животной ненавистью против советского строя. Лидеры КПРФ, чей единственный политический капитал пока что только в образе советского строя и заключается, вроде бы за него. Но туманно. Власть захватила, прямо скажем, «контра», какой и белые сильно уступили бы по ярости, но «партией борьбы» КПРФ себя не

считает (подумать только, после октября 1993 г. приглашает Лужкова в свое правительство!). При этом всем ясно, что нейтралитет сегодня невозможен. Что же это тогда за партия?

Ельцин с перепугу дал коммунистам драгоценный подарок — запретил компартию и устроил постыдный, бездарный процесс в Конституционном суде. КПРФ, как гонимая и в гонениях очистившаяся от грехов КПСС партия, сразу завоевала симпатии — хотя бы из стихийного протеста и чувства справедливости. Но больше таких подарков режим давать не будет, совсем напротив. Съезды КПСС уже проходят в Колонном зале, райкомам выделены комнаты в зданиях администрации. А потом и вообще — устроили Думу, здание сделали комфортабельным, унитазы итальянские, у каждого депутата кабинет. Ну как же при такой заботе властей огорчать их плохим поведением!

Реальной власти Дума не имеет, эту соску дали народу, чтобы не хныкал. А депутаты от КПРФ приняли свои должности всерьез и стараются помочь режиму Ельцина управлять государством. Готовят «концепции». Меня один раз пригласили на рабочее совещание фракции — готовить концепцию международной политики. Спрашиваю: это концепция КПРФ? Нет, мы хотим предложить надпартийную концепцию. Чтобы и Козыреву понравилось, и Лукину, и Варенникову? Такого в политике не слыхивали. Бывает, что на Западе, где разница между партией у власти и оппозицией и под микроскопом едва видна, по каким-то вопросам оппозиция выдвигает вместе с властью согласованную программу. Но ведь согласованную, а не надпартийную. Значит, сначала было две программы, а в ходе переговоров нашли компромисс и согласовали позиции — каждый в чем-то уступил. Но чтобы партия оппозиции, которая называет власть «оккупационным режимом», готовила пригодную для этого режима концепцию — странно.

И это, видимо, общая установка. Захожу в Комитет по безопасности — там соратники В. Илюхина готовят концепцию. Что, спрашиваю, концепция КПРФ? Нет, надпартийная, общенациональная. Разве не странно? Общество расколото, интересы несовместимы, а коммунисты считают, что есть какая-то чудесная схема, которая заставит овец и волков обняться и расцеловаться. Да ведь то, что мы считаем смертельной опас-

ностью для страны (приватизацию, внешний долг, сдачу месторождений иностранному капиталу и т. д.), режим Ельцина и все его «партии» считают благом.

А ведь в Думе можно сделать многое, несмотря на ее бесправие. Она, по сути, должна была бы играть очень важную в России роль юродивого — власти никакой, но рот не заткнешь. Но нет, хочется быть «законодательной властью». Кто же такого юродивого будет слушать. Кадеты в первой Думе, стремясь не допустить революции, более честно и смело обращались к народу как его избранные, чем сегодня коммунисты (и шли почти в полном составе депутатов в тюрьму — во все не революционеры, представители старинных аристократических родов).

Если же говорят об идеале государственного устройства, то он никак не советский. Г. Зюганов хвалит разделение властей: «В идеале идея вряд ли может быть оспорена». Как же так? Как раз в идеале-то и может быть оспорена, ибо исключает и державность, и соборность, и советскую власть. Может быть, идеалы еще не определены? Тогда результаты выборов закономерны, и надо бы определить образ желаемого будущего до следующих испытаний.

Вульгарное обвинение («в КПРФ номенклатура, которую более ловкие оттерли от кормушки») скрывает тяжкое и тошливое подозрение: а не второй ли это виток горбачевщины, загодя заложенный «архитекторами» в сопротивление народа? Ясно, насколько разрушительно для образа КПРФ это подозрение, ведь к Горбачеву подавляющее большинство советских людей относится с омерзением. Но что делается, чтобы это подозрение снять? Я бы сказал, ничего не делается — делается вид, что его не существует.

Говорилось о том, что в верхушке КПРФ много ключевых фигур из бригады Горбачева, причем они не объяснились с народом, не дали анализа своего участия. Сейчас вместо А.И. Лукьянова в президиумах сидит Н.И. Рыжков — прекрасный, симпатичный человек. Но ведь хребет советскому хозяйству ломало правительство под его руководством. Как-то избирателям это объяснить надо.

И все же главное — не в фигурах, а в идеях. Все понимают, что дело непростое, у всех нас много горбачевской сладенькой дряни в голове засело. Надо ее вычищать, а это нам непривычно. Идеологи КПРФ в этом отстают от массы. Горбачев и его братия в идейном плане полностью отвергли марксизм-ленинизм, все его главные положения. Они заменили их идеями-ловушками, идеями-вирусами (это даже не идеология, а именно мышеловка).

Очень упрощая, я бы сказал, что марксизм дал русским коммунистам теорию эксплуатации человека человеком и идею возможности преодоления отчуждения между людьми (утопию возврата к братству, к коммуне) через преодоление частной собственности, а также идею всеобщего освобождения трудящихся — в противовес будущим вариантам национал-социализма. А Ленин дал новую, обогащенную идеями русского анархизма теорию государства, восстановил в правах фигуру крестьянина как союзника рабочего и дал понимание современного мира — империализма, с глобализацией процессов, преодолением свободного рынка и господством финансового капитала. Сталин, еще совершенно не оцененный как теоретик, предвосхитил современное понимание огромных возможностей традиционного общества — «индустриализации не по-западному». Современная мысль идет дальше, включает проблему ресурсов и экологической катастрофы, а также нарастающий конфликт Север — Юг. Все это Горбачев «не приемлет». А КПРФ?

Зюганов говорит, что из марксизма-ленинизма КПРФ отвергла учение о революции. На вопрос, что же еще «отвергла», ответа никогда не было. А людям кажется, что очень многое, причем без всякой причины и объяснения.

Отвергнуто понятие о частной собственности как основы отчуждения и эксплуатации. Отвергнут классовый подход — но не путем его развития и преодоления, а через возврат к утопической картине межклассового согласия. Зюганов дает такую формулу (и даже выносит ее в эпиграф главы своей книги, то есть считает очень важной): «Воссоединив «красный» идеал социальной справедливости... и «белый» идеал национально осмысленной государственности... Россия обретет на-

конец вожденное общественное, межсословное, междклас-совое согласие». Что здесь осталось от марксизма-ленинизма?

Как можно достичь не компромисса, а прямо воссоединения красного и белого идеалов, если понятие о справедливости у труда и у капитала противоположны (да и были разве когда-то эти идеалы уже соединены)? В истории была одна попытка их соединить — через национал-социализм (социализм для одной нации путем завоевания других и превращения их в пролетариев), но он не совместим ни с красным, ни с белым идеалом.

А что же стоит за «национально осмысленной государственностью»? Отход не только от советского интернационализма, но уже и от той основы, на которой выросла Россия. Во-первых, важно положение Зюганова о том, что СССР распался в силу внутренних причин, был изначально нежизнеспособен, — ведь это и есть важнейшее положение всей программы «архитекторов перестройки». Читаем у Зюганова: «Держава распалась потому, что были преданы забвению многовековые корни... все-народного единства». Это — об СССР, а не о феврале 1917 г.

В чем же экономическая причина «распада» СССР, по мнению Зюганова? Вот в чем: «Создание некогда мощного союзного народнохозяйственного комплекса и как его прямое следствие подъем экономик национальных окраин, во многом происшедший за счет центра, не только не укрепил интернационализм, но, наоборот, подорвал его основы, привел... к развалу СССР, отделению от него «союзных республик».

Само употребление слов «союзные республики» в кавычках, видимо, означает, что СССР рассматривается как химера, что союза на деле не было.

Здесь, конечно, историческая неточность: никакого «отделения от СССР республик», за исключением прибалтийских, которые никак себя «национальными окраинами» не считали, и в помине не было. СССР разваливали из центра. Но важнее сама мысль, согласно которой подъем экономики национальных окраин привел к развалу СССР, что СССР погубил мощный союзный народнохозяйственный комплекс.

Эта мысль, повторяю, означает не только отказ от всего советского проекта, но и от всего устремления Российской им-

перии. Отказ от Ломоносова с его идеей, что «богатство России прирастать Сибирью будет», и даже от Ермака. Зачем же идти в Якутию, если не вовлекать ее в народнохозяйственный комплекс? И как строить Норильск в ямало-ненецкой окраине, не развивая ее экономику? Эта мысль — чуть измененный соблазн «демократов»: сбросить бы России имперское бремя, разойтись на 30 нормальных государств. Стянуться русским обратно в Московское княжество, ведь уже за Окой — национальные окраины, мари́йцы и мордва.

Без объяснений, как обухом по голове, отбрасывается один из священных принципов коммунизма: «В основе идеологии и практики обновления России не может находиться никому не понятный пролетарский интернационализм». Допустим, не может (хотя это — вопрос совсем не очевидный), но почему же «никому не понятный»? Сто лет был на знамени партии, и оказывается — никому (!) не был понятен. Помогите, как раз на эту тему было много сказано: в этом понятии обрела новую форму именно «всечеловечность», вселенская отзывчивость русской души. Выражаясь суконным языком науки, это — системообразующее свойство русских как этноса. Потому-то они и дошли до Тихого океана, хотя в начале XVII века их было всего столько же, сколько литовцев. Что же, КПРФ теперь будет это свойство изживать из России? Безусловный патриот и уж никак не пролетарский интернационалист философ К. Леонтьев объяснял: «Кто радикал отъявленный, то есть разрушитель, тот пусть любит чистую племенную национальную идею; ибо она есть лишь частное видоизменение космополитической, разрушительной идеи».

Конечно, чего иногда не скажет политик. Но ведь все это издается и переиздается, должно, видимо, стать ядром новой идеологии КПРФ. Как должны к этому относиться советские люди, 85% которых обладают сильным державным мышлением («имперским сознанием»)?

Люди, которые пишут в газету и ставят эти вопросы, не злопыхатели КПРФ. В массе своей это активисты, которые и тянут воз партийной работы, которые ведут всю выборную кампанию и вынуждены на эти вопросы отвечать ежедневно — всем тем, к кому они обращаются за поддержкой компартии.

Если на эти вопросы снова не будет никакого ответа, на следующих выборах еще больше голосов соберет очередной генерал с птичьей фамилией, да уже не с такой приятной, как у Лебеда, а какой-нибудь генерал Коршун.

И самое для меня грустное в том, что ответить не только нужно, но и можно. Ибо я убедился, что те подозрения, о который я сообщил выше, глубоко несостоятельны. Не ради кус-ка пирога и не для повторения махинаций Горбачева хлопочут люди, воссоздающие компартию. А попадают они в ловушки слов и идей, потому что за суетой оставляют осмысление слов и идей на потом. Я считаю, что это — принципиальная ошибка. Она уже обходится очень дорого, а может стать фатальной.

1996 г.

ПРАВДА — ИЛИ СОН ЗОЛОТОЙ?

Ядром оппозиции режиму Ельцина (уже, видимо, правильнее говорить «режиму Чубайса») является КПРФ. Значит, программные заявления, которые делаются от ее имени, не являются сугубо партийным делом. По ним можно и нужно высказывать суждения и «попутчикам».

Конечно, на этапе становления партии то, что говорится разными ее руководителями, не всегда согласуется между собой и тем более не всегда отражает установки партийной массы, так что выражение «КПРФ заявила то-то» надо понимать как условное. Понятно также, что сегодня нельзя ожидать, чтобы КПРФ предъявила четкую теорию общественного развития или хотя бы свою социально-философскую концепцию. Все такие теории, включая марксизм, переживают кризис, вызванный кризисом самой промышленной цивилизации. Он потряс основные идеи, на которых строились идеологии (например, идею прогресса).

Как же партия формирует свой проект и свой образ в обществе? Придется нам для краткости ввести иностранное слово — «дискурс» (от латинского слова «речь»). Это все то, что в совокупности выражает мировоззрение, намерения, оценки, образ мыслей и даже эстетику партии. Это не только четкие высказывания, а именно все «знаки» в целом — зрительные образы, манера поведения, стиль одежды, шутки и намеки, хотя все же главное — слово. Можно говорить о разных дискурсах большевиков и меньшевиков, ленинской гвардии и сталинской ВКП(б) и т. д. Красный пиджак Семаги — такая же часть дискурса, как сапоги и трубка Сталина. Оформился ли уже дискурс КПРФ? Думаю, что лишь в основных чертах. Он еще настолько свеж, что его можно поправлять без травм. Чем дальше, тем труднее, так уж лучше поговорим сейчас.

Первое — выбор типа дискурса. Всегда в основе лежат идеалы, но они «упаковываются» в два разных типа — рациональный или популистский. Рациональный (от латинского слова *ratio* — разум) делает ставку на разум, ответственность и способность к предвидению в человеке. Популизм «давит» на эмоции, использует впечатлительность, подсознание и художественное чувство людей. Оба эти типа хорошо изучены, известны мастера каждого жанра. Например, Ленин — великий мастер рационального дискурса, так что даже в мировую философию науки вошел разбор его работы «Детская болезнь левизны в коммунизме» как шедевра этого жанра. Муссолини и Франко — два мастера популизма (с Гитлером сложнее, у него много мистики). У нас блестяще использовали этот жанр Ельцин, Жириновский и Лебедь.

Компартии, начиная с Маркса и до нынешнего кризиса, принципиально работали в жанре рационального дискурса. Сегодня мы видим попытки включить приемы популизма. Это тактически привлекательно, ибо граждане России ошарашены жизнью и телевидением, с трудом воспринимают рациональные рассуждения и выводы. Но если уж строить дискурс КПРФ по законам популизма (а это смелое новаторство и разрыв с традицией), то надо было потрудиться. А если нет квалифицированных сил, то, по-моему, лучше бы оставаться в рамках традиции и обращаться к рассудку. Смесь жанров редко приводит к успеху. Показателен провал патриотов-антикоммунистов (включая Солженицына). Как только они увязали свои популистские лозунги, которые вызывали эмоциональный отклик, с крупной рациональной идеей (Россия как цивилизация), произошло «взаимоуничтожение» жанров. Стало видно, что концы с концами не вяжутся — и люди отхлынули.

Кстати, на поле популизма соревноваться с теми, кто контролирует ТВ, очень трудно — тебя заплюют, а противнику позволено все. Вот, перед выборами бригада Ельцина выпустила плакат: «Одна страна — один народ — один президент!». Это — обладающий мощным воздействием на подсознание, хорошо известный лозунг немецких фашистов «Одна земля — один народ — один фюрер!», слегка перефразированный. Штаб Ельцина на это пошел, т. к. разоблачение было невозможно.

В стратегическом же плане, думаю, будущее компартии может быть связано лишь с рациональным дискурсом, ибо для разрешения кризиса в России надо иметь концепцию решения задачи более высокого уровня — выхода из кризиса промышленной цивилизации в целом. Это — общий закон: ближней цели не достигнуть, если не ставить перед собой цели более высокой. Значит, речь идет об освоении и облечении в социальные и политические категории новой научной картины мира. Тут популизмом не отделаешься.

Но поговорим о текущем моменте. В нем на первый план выходят не сокровенные ценности, а идеологические. Они наведены в умонастроении масс искусственно и даже вопреки сокровенным идеалам. Успех демократов был основан на том, что они сумели на время заместить в верхнем слое сознания идею солидарности соблазном конкуренции.

Все изменения 1985 — 1996 гг. в СССР стали подтверждением теории Антонио Грамши о культурной гегемонии и роли интеллигенции. Думаю, надо признать, что эта теория верна и имеет большое прикладное значение. Демократы, опираясь на значительные интеллектуальные силы в стране и на Западе, пользовались ею умело. Деятели оппозиции не только не опираются на эту теорию, но и не желают о ней знать. Они уповают на то, что сама реальность научит людей уму-разуму. Но власть имеет большие возможности идеологического давления и до сих пор успешно компенсирует воздействие реальности на сознание.

Сегодня можно восстановить в памяти поэтапно процесс того, как переродившаяся верхушка КПСС, пользуясь культурной гегемонией над обществом, обращалась именно к социалистическим идеалам (равенство и социальная справедливость), чтобы ликвидировать советский строй. Напротив, «советская» часть КПСС утратила культурную гегемонию над критической массой граждан и не смогла оказать сопротивления. Пока что КПРФ реально не имеет проекта восстановления культурной гегемонии даже над той частью общества (а это около 70 процентов), что осталась сознательно привержена идеалам солидарности и справедливости.

Соппротивление режиму Чубайса в большой степени является поэтому стихийным. Оно подобно крестьянским восстаниям, которые, даже несмотря на временные победы, не способны установить культурную гегемонию и обречены на вырождение (измену верхушки) или поражение. Единственной возможностью для рядовых членов КПРФ и массы сочувствующих создать для себя какой-то связный идейный каркас для объяснения своих стремлений и действий является фундаментализм — идея возврата к истокам, восстановления советского социализма. Как временная подпорка это — лучше, чем ничего. Но фундаментализм не ведет к победе, из кризиса не выходят «назад». С другой стороны, социалистическая риторика лидеров КПРФ порой выглядит как вынужденная уступка «низам». Растет опасность разрыва между верхами и основой КПРФ. Этот разрыв демократы непрерывно «измеряют» и всеми силами углубляют. Если ситуация в сфере идеологической борьбы не изменится принципиально, КПРФ может быть «переварена» режимом.

Сегодня в конфликте идеалов и интересов распределение населения таково, что ни одна часть не может подавить другую силой. Но в среднесрочной перспективе демократы смогут, при условии удержания ими культурной гегемонии (школа, ТВ, идеологический контроль над армией), обеспечить «контролируемое вымирание» противников. КПРФ почти не имеет резервов среди молодежи и не слишком старается их создавать. Ее главный идеологический ресурс — образ прошлого. Но он во многом уже стерт в сознании молодежи. Запас времени для использования этого ресурса у КПРФ — не более десяти лет, после чего весь дискурс партии может вытекать лишь из «невзгод настоящего», то есть станет синдикалистским, в лучшем случае социал-демократическим. Нить прервется, и проект демократов будет успешно завершен. Даже без шумного забивания гвоздей в гроб коммунизма.

Суть дискурса политической партии — в определении смысла происходящего в обществе конфликта и стоящих по разные стороны баррикады сил. Ведь конфликт не надуманный. Для тех, кто ориентирован на «конкуренцию» и откры-

тость Западу, противны тот образ жизни и труда, способ распределения богатства, которых желают люди, ориентированные на «солидарность». Можно было бы для упрощения говорить о людях, ориентированных на капитализм или на социализм (как это и делают коммунисты-ортодоксы). Но это было бы слишком большим искажением. Капитализм и социализм могут быть реализованы и в солидарном, и в конкурентном обществе (капитализм Тайваня или Южной Кореи опирается на солидарность общины и сословия, а социализм Швеции — на гражданские права индивида). Главный конфликт в России — попытка переделки традиционного общества именно на западный манер, то есть с уничтожением основных культурных, политических и экономических устоев. К сожалению, КПРФ не освоила ни знание об этом типе конфликтов, ни тот язык, в котором этот конфликт может быть описан и понят. Это, конечно, все равно придется осваивать, но пока рассмотрим вопросы проще и очевиднее.

Как соблазнительны ловушки популизма в трактовке сути кризиса, думаю, показывает интервью Г.А. Зюганова программе «Итоги» 20.10.96. По форме это было удачное выступление — уверенное, динамичное, с юмором. Киселев просто скис (или ему велели спрятать в карман свое хамство?).

Картину бедствия Зюганов нарисовал верную: этой зимой во многих местах речь идет о физическом выживании людей, они у последней черты. Каков же выход, с точки зрения оппозиции? Собраться трем ветвям власти и дружно работать вместе! Вот если смогут сесть рядышком Чубайс, Черномырдин и Селезнев, пожмут друг другу руки, скажут: «Кто старое помянет, тому глаз вон!» — и появятся в Прокопьевске тепло да хлеб.

Может быть, такое толкование ситуации и успокоит шахтеров, но человека рассудочного — наоборот. Выходит, оппозиция отказывается от утверждения, что бедственное положение трудящихся — закономерное и неизбежное следствие всего курса «реформ»? Что может дать «примирение властей»? Если здесь от популизма перескочить к логике, то надо предположить, что у Чубайса и Лившица денег куры не клюют, и если Селезневу удастся с ними по-хорошему поси-

дет, он их уговорит поделиться с шахтерами и учителями. Но ведь это не так!

Далее Зюганов указывает и на механизм, с помощью которого можно очень быстро (до зимы?) наполнить казну и накормить народ: «налоги снизить, но собрать». То есть принимает и начинает распространять сказочку Лившица о том, что вся беда в неуплате налогов предприятиями. Но делает эту сказочку более приятной: налоги надо снизить! Помогает подкорректировать Чубайса и Черномырдина.

Это — популизм, обещание чудесного разрешения проблемы, которого не видят правители, «занятые разборками». Мол, деньги-то вот они, закопаны на заводских дворах. То есть уже снят и очевидный тезис о том, что беда — в параличе производства. Тракторов в РСФСР производилось 300 тыс. в год, а сегодня 12 тыс. Сколько можно собрать налогов с этой промышленности, даже если их снизить?

Таким образом, продолжается основная линия дискурса КПРФ, принятая во время выборов президента. Тогда она оправдывалась необходимостью «успокоить электорат». А сейчас? Выборная кампания важна тем, что служит экзаменом бригаде, которая «лепит» образ партии, шлифует наиболее выигрышную часть дискурса. Схема предвыборного дискурса КПРФ, на мой взгляд, была выбрана не лучшим образом. Она, конечно, мало повлияла на результаты, т. к. люди, решившие голосовать за Зюганова, делали это независимо от того, что он говорит. Но если и дальше следовать логике предвыборной речи, опасность оторваться от своей социальной базы у КПРФ будет нарастать.

И весной говорилось: «Мы лучше, чем режим Ельцина, проконтролируем инфляцию». При этом давался перечень мер, которые совершенно не противоречат монетаристской программе МВФ, а даже предусмотрены ею. КПРФ как бы обязывалась быть более рачительным управленцем, чем Черномырдин, и точнее следовать указаниям МВФ, чем Чубайс. КПРФ даже не обозначала инфляцию как результат неолиберальной реформы, а сводила проблему к «плохому ведению дел». Сейчас разница в том, что речь уже не идет о замене Ель-

цина или Чубайса, а только о «взаимодействии трех ветвей», о коалиционном управлении.

В борьбе с инфляцией КПРФ не осмеливается принять даже чисто буржуазную концепцию Кейнса, которой воспользовался Рузвельт (подавление инфляции не за счет обеднения населения и снижения потребления, а за счет резкого роста производства при большом дефиците госбюджета), не говоря уже о восстановлении социалистических антиинфляционных механизмов. Но ведь любой разумный человек понимает, что в рамках монетаризма Чубайс и Гайдар вели бы дело лучше, чем КПРФ, — они не связаны социальным договором с трудящимися.

Во время выборов говорилось: «Происходящее в России — не реформы, ибо производство падает и т. д.». Это — тезис о «неэффективном правительстве» (мол, нет команды, нет программы). Сегодня он повторяется, хотя все понимают (а демократы и не скрывают), что речь идет именно о реформах, цель которых — демонтаж советской социально-экономической системы. Эти реформы идут по плану и очень эффективно. Сейчас — этап разрушения, и спад производства необходим. Утверждение КПРФ дает не просто слишком мягкую трактовку сути главного противоречия в России. Хуже, что эта трактовка не принимается ни одной из конфликтующих сторон и ставит руководство КПРФ как бы вне конфликта, вне реальности. Это — один из самых тяжелых дефектов любого дискурса.

Ведь было сказано совершенно четко первым вице-премьером Сосковцом: в России осуществляется деиндустриализация. То есть расчистка площадки, уничтожение народнохозяйственного комплекса для построения затем, с иностранными инвестициями, «дополняющей» экономики, работающей на Запад, — уже не нашей экономики. В Давосе, в ежегодных докладах Всемирного экономического форума, это говорится совершенно открыто. Ни Чубайс, ни Черномырдин никогда ни словом не намекнули на готовность изменить этот принципиальный курс. Ну как в этих условиях можно помочь делу «согласием ветвей» и сбором налогов? Кого должны успокоить эти обещания?

Традицией коммунистов было сообщать людям суровую правду, но не «торговать страхом» (это — тоже популизм). Сегодня — наоборот. По эмоциям ударяют рассказом о замерзающих детях Прокопьевска, а затем успокаивают возможностью отвести беду шевелением стульев. И уже ни слова о том, что все ресурсы страны изъяты и переданы авантюрному торговому капиталу и сосредоточены в банках. Что это сделано в полном соответствии с программой реформы, утвержденной МВФ.

Возьмите хотя бы такое суперсовременное и рентабельное производство, каким была наша оптико-механическая промышленность. Да, 90 процентов ее работало на оборону, но те 10 процентов, которые давали ширпотреб (фотоаппараты, бинокли и т. д.), полностью покрывали расходы всей отрасли. Эту промышленность начали уничтожать «конверсией» уже при Горбачеве. В 1989 г. состоялась последняя в СССР варка ситаллов — материала для современного оптического стекла. Подумайте, каков был запас прочности советской системы, если тех ситаллов хватило на семь лет! Но сегодня-то они кончились. А рабочие с заводов согнаны. Они стали челноками да спекулянтами, у них уже руки трясутся. Хорошего шлифовальщика заботливо выращивают шесть лет. Можно ли сейчас обещать детям Прокопьевска, что вот, мы помиримся с Чубайсом, завалим весь мир фотоаппаратами, соберем с ЛОМО налоги и накупим конфет и игрушек?

Тот факт, что до последней черты дошли люди — прямое следствие того, что парализовано хозяйство в целом. Безумная, тупая расточительность государства (этого коллективного «нового русского») на этом фоне — мелочь, хотя и показательная. Если режим Чубайса не хочет или не может сменить курс и вернуть хотя бы минимум ресурсов в наше, российское хозяйство, то не имеет права КПРФ успокаивать граждан. У них не остается никакой другой надежды на выживание, кроме как устранить этот режим. И не надо пугать бунтом, взрывом — диапазон средств давления на режим без насилия огромен, он еще не использован и в малой степени.

Пока же мы видим небывалое: КПРФ предлагает себя в коалицию как средство предотвратить перерастание социального протеста в политическую борьбу — «это будет самое

страшное». И речи нет о том, чтобы возглавить борьбу, дать трудящимся программу и идеологию — но зачем же стараться помочь удержаться режиму Чубайса у власти? Ну не может же этот режим измениться, в него заложена разрушительная матрица, хоть ты отправь в министры десять Тулеевых. Да там и сейчас полно приличных и честных людей, но разве от этого меняется дело? Они лишь чуть-чуть смягчают удары, мы умираем под наркозом — спасибо и за это.

Продолжение неолиберального проекта, но уже при участии коммунистов, означает полную и необратимую ликвидацию КПРФ как политической силы. То, что с большим скрипом удается в Венгрии и Польше, невозможно повторить в России. Этого не позволят ни массы коммунистов, ни наш криминальный капитал, ни Запад — каждый по своей причине.

1996 г.

ОТВЕТ ТАИНСТВЕННОМУ НЕЗНАКОМЦУ

Со мной начал спор «Неизвестный читатель» («Советская Россия», 3 окт. 1996). Поскольку он прямо обращается ко мне: «уважаемый С. Кара-Мурза», нельзя не отвечать. Хотя меня он использует как зацепку, а разговор ведет вообще о другом — излагает свою платформу.

С моими взглядами она несовместима, и вроде бы спорить не о чем. Тем более что обращается он ко мне, оппоненту, с нахальством преподавателя научного коммунизма: «не мешало бы [мне] задуматься над собственной логикой, прежде чем поправлять других». Мол, сам дурак. Ну это потерпим. Хуже — упоминание в ироническом плане, что советский строй основан «на народных костях». Интересно, иронию у него вызывают народные кости всегда и везде — или только в связи с советской историей? Так же коробит ирония по отношению ко всей нашей программе развития: «индустриализация развивалась неслыханными темпами, но сельское хозяйство терпело крах, потребление отстало. Зато войну выиграли, хотя это и была «пиррова победа».

Судя по тону, автор предпочел бы, чтобы потребление не отстало, но войну проиграли. А как было бы с потреблением в этом случае? «Не мешало бы задуматься над собственной логикой».

Вся концепция «неизвестного читателя» до запятой совпадает с платформой нынешних троцкистов. Я, однако, не утверждаю, что он сознательно причисляет себя к ним, — есть люди, которые всю жизнь не подозревают, что говорят прозой. Относительно советского строя радость: «Неудивительно, что этот гнилой строй рухнул. Но это не был крах социализма!» Социализм, по мнению «читателя», жив и развивается правильно — там, где ему и следует быть, в цивилизованном мире.

Итак, «неизвестный читатель» считает советский социализм «выкидышем» цивилизации, одобряя лишь краткий миг нэпа. Сталин «ликвидировал рынок, учинив кровавый режим государственного терроризма», а «брежневский застой был политикой и экономикой абсурда, с какой стороны ни посмотри». Это — официальный вывод антисоветчиков типа А.Н. Яковлева. Так что расхождение у нас не в логике, а в исходных постулатах и даже идеалах, о которых, как известно, спорить бесполезно.

Что же до логики, то она у «неизвестного», на мой взгляд, тоталитарна, как у адвоката Андрея Макарова на суде против КПСС. Во времена Брежнева — экономика абсурда «с какой стороны ни посмотри». Какое самомнение — так сказать о целом периоде. Вот вам одна «сторона»: за время этого застоя (1965—1980) была построена основная масса жилья — 1,6 млрд. кв. м, почти по 7 кв. м на каждого гражданина СССР. В каком смысле это — абсурд? За этот период втрое возросли основные фонды народного хозяйства, мы их уже десять лет проедаем и проесть не можем. Если бы не этот «абсурд», все неизвестные читатели в России уже протянули бы ноги с голоду.

Это был период интенсивного дорожного строительства. Вещь незаметная, а сеть дорог с твердым покрытием выросла втрое. Была создана мощная система авиаперевозок, надежно связавшая огромную страну, — фактор интеграции посильнее пушек и танков Грачева. Я уж не говорю о том, что сентенции из арсенала Гайдара и Чубайса, вроде «сельское хозяйство терпело крах и потребление снижалось», рассчитаны на придурков без памяти.

Между прочим, за те же годы «застоя» СССР, укрепляя дружественные отношения, оказал зарубежным странам помощи на 80 млрд. долларов, а США за те же годы только из Латинской Америки перекачали богатств на 800 млрд. долл. (это — по подсчетам видного американского ученого Н. Хомского). Попробуйте эти деньги у американцев отнять — что у них станет с потреблением?

Но это — расхождения второго уровня. Главная несовместимость наших взглядов — в понимании сути столкновения, происходящего в России, и в смысле понятий рынок и социализм.

Половина всего обращения ко мне, «контуженному парадигмой», состоит в доказательстве, будто транснациональные корпорации строят самый настоящий социализм, ибо «с точностью до минуты планируют весь производственный процесс». «Неизвестный читатель» идет дальше и утверждает, что изменилась сама цель производства на Западе и оно перестало быть капиталистическим. То есть благодаря менеджменту сменилась формация, произошла революция в производственных отношениях: «Целью производства становятся повышение производительности, качества труда... и т.д., и прибыль рассматривается как следствие, а не цель».

Знаменосец этого «правильного» социализма, конечно, США. Здесь уже в середине 80-х годов свыше 130 фирм «что-то изучали». «Неизвестный читатель» восхищен: «Вы думаете, они рынок изучали? Потребности человека!.. Если это не основной научный принцип социализма, так сказать, на марше, то где?..» и т.д. Это уже логика Шуры Балаганова. Если перед глазами гиря, то, конечно, золотая — а какая же еще?

И вот фатальный вывод: «Социализм не выбор, а осознанная необходимость!» Так что можно распускать все компартии, необходимость себе дорогу пробыет, а сдача России американским корпорациям означает наконец-то утверждение социализма на нашей многострадальной земле, измороженной Сталиным и Брежневым. И далее: «В XX веке прогресс совпадает с движением: от рынка — к плану и от диктатуры — к демократии, такова диалектика исторического развития. Все разумное неизбежно, как сказал бы Гегель».

Сначала о «правильном социализме» в США. Когда страна с богатейшими природными ресурсами и высокоразвитой промышленностью Бразилия почти целиком работает на Запад, а 42% бразильских детей физически и умственно деградируют до наступления половой зрелости из-за нехватки белка в питании — это делается ради прибыли или ради удовлетворения потребностей человека? А когда «Чейз Банк» организует отряды бандитов для массовых убийств мексиканских крестьян в штате Чьяпас, ради каких «ценностей и запросов» это делается?

Обеспечив себе гарантированные высокие прибыли, капиталисты Запада за счет ограбления 80% человечества подкармливают свой пролетариат, снижая его эксплуатацию на 40%. Это — колоссальная величина. И это — социализм?

Нет, это — национал-социализм, только нового поколения. В этом глобальном фашизме уже не одна нация (немцы) эксплуатирует другие народы, превращая их в пролетариев, а десяток наций, соединившихся в «золотой миллиард». От этого социально-экономическая суть фашизма нисколько не меняется, он только становится интернациональным, но вычеркивает из списка человеческих существ 4 миллиарда «слаборазвитых». Народы России в том числе. Мешает ли этому план? Нисколько. Видна ли демократия в этой «диалектике исторического развития»? Даже смешно спрашивать.

В реальной «диалектике» XX века Запад пришел к такому типу человеческих отношений, о котором один западный философ недавно сказал словами Братца Лиса из старой сказки: «Эта демократия похожа на нож без рукоятки, у которого отломили лезвие». (Этот нож остался без рукоятки, когда демократия оторвалась от демоса, народа, а теперь она потеряла и кратию — власть в руках ТНК).

Насчет демократии ТНК надо спросить у сомалийцев, сербов и матерей Ирака. Не видели фотографию из морга центральной детской больницы Багдада? Штабеля коробок изпод обуви, и в каждой — мертвый младенец.

Ну, скажет мой «неизвестный» социалист, это неизбежные изъяны. Строить социализм руками капиталистов — дело новое, неизведанное, допускают и ошибки. Главное, формула-то какая замечательная: «Соедините плановую экономику с демократией, и вы получите реальный социализм... А свободный рынок пусть остается для согласования спроса и предложения, только и всего». И это пишет поклонник Гегеля! Когда мы слышали такое от ушибленного перестройкой Селюнина или врунишки С.Алексеева, это не удивляло, но ведь сам «Неизвестный читатель» пишет в «Советской России»! Это почти как если бы Неизвестный Солдат встал из Вечного огня и сказал нам правду о войне.

Давайте разгребать винегрет этой формулы. Сначала о демократии. О какой демократии речь? Как в Афинах, для рабовладельцев? Или как в древнем Новгороде — на площади? Или вайнахской, которую установил Дудаев (тем более, что и планирование у него явно было)? «Неизвестный» умалчивает, но я подозреваю, что он имеет в виду западную демократию как политическое воплощение гражданского общества. Это именно тот сломанный нож, о котором говорил Братец Лис. В ее основе лежит как гранитное основание частная собственность. Ни голоду Сомали, ни геноциду в Ираке эта демократия не препятствует ни капли. Это — принципиально антихристианский способ человеческого общежития. Его формула — «война всех против всех». Теоретик гражданского общества Локк был ярким сторонником рабства в США и компаньоном работорговой компании. Негры в гражданское общество не входили и правами человека не обладали по определению. Спросите манси и удеге, хотят ли они в такую демократию и в основанный на ней социализм. Думаю, разве что мадам Гаер захочет.

«Отберите у Борового и Коржакова лозунг демократии — и Ельцину капут!» — уверен «Неизвестный». Какой год-то на дворе? Кто вспоминает о демократии? Только Сергей Адамович Ковалев в больнице под наркозом (да и то притворяется). А Ельцин — живее всех живых, не говоря уж о его режиме.

Меняет ли дело введение планирования? В принципе не меняет. Планирование — это технология, которая может служить и Рузвельту, и Гитлеру, и Сталину. Молоток, которым можно строить дом — или дробить черепа. Ни частной собственности в руках капиталистов, ни отчуждения пролетариев планирование не отменяет. Никакого отношения к социализму это, по большому, счету не имеет.

Теперь о рынке. Как это невинно: «рынок — для согласования спроса и предложения, только и всего». Когда я такое читаю, всегда закрадывается мысль, что тебя разыгрывают. Все-таки, о смысле рынка писали великие умы, начиная с Аристотеля. Утрясать спрос и предложение автомобилей и бюстгальтеров — функция чисто технологическая (как и у планирования). Главное же не это. Рынок создает человека! Каждого де-

дает собственником: у одного капитал, у другого — только его тело. И он его выносит на рынок и продает в качестве рабочей силы. Еще рынок создает определенное общество, основанное на этой купле-продаже и конкуренции. Так что купля-продажа становится всеобъемлющей метафорой, смыслом этого общества — от политического рынка («демократия») до рынка любви (законная и морально оправданная проституция).

В этом вопросе нет ни проблемы идеалов, ни проблемы логики. Как говорил любимый актер демократов, «Лелек, это надо знать».

Сравнивая западную демократию со сломанным ножом («демократия без власти народа»), тот философ продолжил мысль о «диалектике исторического развития». В конце XX века, сказал он, нас захлестнул поток продуктов «без»: молоко без жира, кофе без кофеина, табак без никотина, социализм без Маркса, коммунизм без Ленина. Думаю, если бы Гегель это узнал, он бы уже не утверждал, что все сущее разумно.

1996 г.

ОПЯТЬ ВОПРОСЫ ВОЖДАМ

Четыре года я ставлю в статьях вопросы КПРФ. Я их не выдумываю — их задают люди на всех встречах, особенно во время выборов. КПРФ, как сфинкс, на вопросы не отвечает. Наконец я понял неприличие моего поведения и стал писать, не беспокоя вождей. Но тут меня включили в координационный совет Народно-патриотического союза России и дали мандат за подписью Г.А. Зюганова с почетным номером «7». Теперь уже я обязан высказаться о тех тезисах КПРФ, от которых зависит политика НПСР.

Секретарь ЦК КПРФ Н. Биндюков изложил на недавнем Пленуме ЦК предложения программной комиссии и группы ученых-экспертов по уточнению Программы КПРФ. В частности, он сказал: «Предлагается со всей определенностью заявить о том... что процесс становления буржуазного государства был завершен кровавым октябрём 1993 г.». Раз «со всей определенностью», значит, сами считают этот тезис важным.

Замечу сразу, что он входит в неразрешимое противоречие с другим тезисом КПРФ: «политический и социально-экономический курс, проводимый президентом и правительством, полностью обанкротился». Как же обанкротился, если удалось добиться главного — завершить становление принципиально нового, «своего» государства? Или Н. Биндюков считает, что Ельцин с Чубайсом строили коммунизм, да у них все вышло не так, как они хотели? Как можно по одному и тому же вопросу делать несовместимые утверждения? Или мы не должны принимать их всерьез? Но вернемся к главному утверждению — что завершен процесс становления буржуазного государства.

Я надеюсь, что тов. Н. Биндюков искренне не понимает, насколько фундаментальное значение для судьбы КПРФ и всей оппозиции имело бы это положение, будь оно принято съез-

дом КПРФ. На мой взгляд, это положение, неверное по самой своей сути, оказало бы к тому же крайне плохое воздействие и на политическую практику. Изложу сначала суть.

Очевидно, что советскому жизнеустройству и государству (что не одно и то же) нанесен тяжелейший удар. Допустим даже, что советское государство уничтожено, что, впрочем, вовсе не факт — имеется много признаков того, что оно во многом еще дееспособно, хотя и работает неявно и вопреки политическому режиму. Однако сделаем это необходимое для тезиса Н. Биндюкова допущение.

Значит ли это, что вслед за уничтожением советского государства произошло и даже завершилось становление государства иного типа? Совершенно не значит. Завершено или нет такое становление — вопрос, ответить на который можно только изучив состояние всех необходимых для государственности институтов.

Я утверждаю, что становление нового государства не только не завершено, но и весь этот процесс забуксовал очень далеко от финиша. Более того, многие из рыхлых структур новой государственности начали распадаться (а во многих случаях уничтожаться самим режимом ради предотвращения срочных угроз).

Начнем с главного, предельного признака государства — системы легитимного насилия. Теоретики государственности недаром ввели этот термин — «легитимное», а не просто «законное». Легитимна только та власть, которая в общественном сознании превратилась в авторитет. То есть когда использование этой властью насилия оправдано не просто законом (под дулом пистолета любой парламент наштампует каких угодно законов), а и господствующими в данном обществе представлениями о правде. Когда внутренний голос человека скажет: «Эта власть — от Бога» или что-то в этом роде.

Произошло ли это в России? Ни в коей мере, и даже напротив. Все эксперименты режима по легитимации нового типа насилия показали, что общественное сознание их отвергает. Попытки идти напролом (весь 1993 год) лишь ускоряли «развод» народа с тем государством, которое пытался построить режим Ельцина. Несоветский тип насилия легитимным не

стал. Ну, переодели часть милиции в иностранные картузы — и сами милиционеры их стесняются. Средний же человек сразу добрее, увидев милиционера в форме с русским силуэтом. Кадры милиции в массе своей подчеркнуто ведут себя так, будто они сохраняют культурный тип советской милиции, а не полиции буржуазного государства.

Важен уже тот символический факт, что в обращении между одетыми в форму людьми политический режим не осмеливается устранить слово «товарищ». Когда Ельцин посещает даже Таманскую дивизию, он вынужден проглатывать обращение «товарищ президент». И это — не мелочь. Вспомните переход от царской полиции и армии к советской милиции и Красной армии. Вот там можно было говорить, что произошло становление нового государства (по этому признаку).

Другое дело, что политический режим тайно способствует формированию иных институтов насилия — охранных служб, преступных групп, наемных убийц и пр. Повторяет путь латиноамериканских диктатур. Но это вовсе не признак становления государства. Это — признак криминализации власти, которая не смогла достичь легитимации. Не всякое насилие есть признак государственности, а появление организованного преступного насилия как раз и говорит о том, что становление нового государства не состоялось и вряд ли состоится.

Мы даже видим редкое в истории явление: власть демонстративно пресекает попытки восстановить государство. Вспомните, как на глазах всей страны третировали перед телекамерами должностных лиц, которых сама их служба заставляла быть государственниками — министра Куликова, генпрокурора Скуратова. Это — акты, противоестественные для любого государства. Таков же смысл постоянного и планомерного очернения в глазах общества депутатов Думы — вовсе не как оппозиции, а именно как важнейшего института государства (а уж тем более государства буржуазного, которое немыслимо без сильного парламента).

Второй признак государства — идеология. Для буржуазного государства это признак абсолютно необходимый, ибо в прежних, сословных государствах обходились религией. И религия, и идеология в интересующем нас плане есть тот свод

представлений о мире, человеке, обществе и власти, который принимается большинством граждан и убеждает их в том, что данная власть — праведна. Это и есть легитимация власти, без которой нельзя говорить о становлении государства.

Политический режим, установившийся в 1993 г., принципиально не имеет и не может иметь идеологии, сколько бы ни корпел на даче Сатаров. Претендуя быть строителем гражданского общества и рыночной экономики, он всей своей практикой и даже риторикой отвергает самые фундаментальные принципы этого типа жизнеустройства. Не буду здесь тратить место на доказательства того, что режим Ельцина не имеет абсолютно ничего общего с открытым обществом и правовым государством (достаточно посмотреть на положение с информацией, например, с доступностью телевидения для основных партий). И речь не о деформациях, а именно о сути режима и всей философии его социальной базы.

На чем же такой режим может строить свою идеологию? Только на обмане. Этого не достаточно. Сегодня любой ученый, независимо от ориентации, знает, что нынешний политический режим уже не может рассчитывать на легитимацию и обладание идеологией. Обман рассеивается, и режим может держаться только на страхе (перед гражданской войной, голодом, местью обворованных людей, репрессиями преступных банд — у каждой группы свои страхи). Ничего общего со становлением государства эта ситуация не имеет. Поразительно, что именно КПРФ — единственная крупная партия — своим авторитетом пытается легитимировать режим Ельцина как якобы состоявшееся государство. Добавка «буржуазное» ничего по сути не меняет (она — как ругательство, призванное подбодрить коммунистов).

Третий признак наличия государства, начиная от Урарту, — обладание финансовой системой, обеспечивающей безопасность страны и ее воспроизводство во всех главных ипостасях. Это — независимо от экономической системы и социального строя. Налоги в любом виде (хотя бы и как беличьи шкурки) стекаются, как кровь по венозной системе, в казну; монарх — «сердце государства» — чеканит монету и пускает ее в обращение, как кровь через артерии. И это должен быть стабильный процесс.

Что мы видим в России? Власть обкрадывает и страну, и предприятия, и граждан. Украденные средства исчезают в каких-то черных дырах, значительная их часть оседает за рубежом. Соки высасываются из всех систем, которые необходимы для существования любого государства, вплоть до их полной гибели. Даже из армии! То есть этот политический режим не только не обеспечивает воспроизводства страны и населения, но и самого себя. Весь этот созданный усилиями Ельцина и его чубайсов механизм есть нечто, никак не могущее быть названо государством. Из этого «нечто» государство и не может вырасти, пусть даже со страданиями для народа. Все, что есть у нас государственного, вынуждено действовать почти в подполье, вопреки режиму. А секретарь ЦК КПРФ нас убеждает, что не только идет процесс становления государства, но и что этот процесс уже завершен чуть ли не четыре года назад. Меня это просто изумляет, честно скажу.

Возможно, назвать это «нечто» государством соблазнил факт социальной стабильности в России. Рассуждают так: раз люди друг другу горло не перегрызают, а трупы на улице почти не валяются, значит, есть государство. Это объяснение не годится. Во-первых, люди по природе своей не волки. Они способны к самоорганизации и сохранению жизнеустройства и без государства. Особенно если еще не подорваны устои культуры и морали.

Это мы и наблюдаем в России. Большинство граждан уже поняли или хотя бы почувствовали, что в Москве возник странный режим власти, который государством не является. Он не просто не обладает благодатью. Он — как упырь, который под видом человека (бывает, даже близкого) приходит сосать у людей кровь. Веками воспитанное государственное чувство не обмануло русских и другие народы России — от Москвы отшатнулись. Закрылись, насколько можно, расстоянием, суверенитетами, сепаратизмом, лицемерием. А сами живут, покуда можно, без государства и вопреки оккупантам Кремля. Это тяжело, мы слабеем, но пока что запаса прочности нашей культуры хватает. И поразительно, насколько чище воздух общения людей уже в часе езды на электричке от Москвы. Произошел развод народа с режимом-оборотнем. А КПРФ уговаривает признать его за государство.

Во-вторых, выживать помогают ушедшие в тень структуры и навыки советского государства. Не буду рассказывать об их образе действия, разоблачать их перед опричниками режима. Но неужели эксперты КПРФ не знают об этом? Ведь если бы режим Ельцина мог в полную силу действовать согласно своим идеалам, жизнь в России была бы уничтожена.

Зачем нужна эта поддержка режима? Я выше предположил, что эксперты КПРФ не ведают, что делают. А если это не так? Тогда единственной разумной целью я нахожу потребность в обосновании той мысли, которая в разных вариациях высказывается рядом руководителей оппозиции: бороться с режимом Ельцина не следует. Этот режим якобы уже создал легитимное государство, его надо подправлять усилиями конструктивной оппозиции.

Я считаю это ошибкой исторического масштаба. Именно сейчас, пока не произошло становления нового государства под властью Ельцина — Чубайса (а оно может стать только как криминальное государство), задача оппозиции — сдвинуть процесс к превращению хаоса в новый, приемлемый для жизни государственный порядок. Это еще можно сделать без войны, бескровно. Если же признать возникновение государства Ельцина свершившимся фактом, то он и свершится. И это будет губительно и для России, и для народа — надежд на патриотическое перерождение бригады Ельцина уже нет никаких. Если в рядах оппозиции эту пока что теоретическую ошибку не удастся исправить, я могу лишь уповать на то, что появятся иные силы, которые «пойдут другим путем».

Теперь о второй части тезиса — о том, что государство, становление которого якобы произошло, есть государство буржуазное. На мой взгляд, ошибочность этого утверждения даже намного очевиднее, чем первая ошибка.

Вообще вся классовая фразеология, которую использует левая оппозиция, настолько вульгарна и поверхностна, что просто кричать хочется. Нельзя так безответственно относиться к слову — оно выстрелит в нас из пушки пострашнее, чем История. Ведь язык — главное средство власти. Слово движет народами.

Вот Н. Биндюков предлагает записать в Программу тезис о «насильственной капитализации страны». Кто изобрел это словечко — «капитализация»? Что такое «капитал»? Это базовое производительное богатство — основные фонды хозяйства. При соединении капитала с трудом производятся материальные блага. Капитализм — это строй, где капитал находится в частной собственности. При социализме капитал становится общественной собственностью. Но ведь не исчезает! Ведь были у нас до Горбачева капиталовложения!

Что же такое капитализация? Это создание капитала. Буржуазия смогла создавать капиталы благодаря гениальному изобретению — акционерным обществам. Они собирали малые денежные средства и превращали их в капитал. У нас почти весь капитал создавался в виде общенародной собственности. Вплоть до 1988 г. шла быстрая капитализация страны. А сегодня через «акционирование» (сознательно ложный термин) созданный капитал растаскивают. В России идет быстрая «декапитализация» — распыление, разрушение и вывоз капитала. Зачем же в Программу вставлять новоизобретенное слово, которое искажает суть процесса и будет служить для людей блуждающим огоньком?

Кстати, нередко в документах КПРФ говорится, что происходит «колонизация» России. Но ведь это несовместимо с «капитализацией» в понимании Биндюкова! Захватывая колонии, Запад первым делом уничтожал в них ростки капитализма и создавал совершенно особый тип хозяйства — колониальную экономику. Что никакой колонизации России не происходит, что идет гораздо более разрушительный процесс — особая тема. Но поговорим о якобы буржуазном характере режима Ельцина.

Вспомним азы. Что такое буржуазия? Считать, что это те, кто овладел собственностью (богатые), — заблуждение. Оно простительно детям, которые употребляют название «буржуй» как ругательное слово. Посудите сами. Имеется множество способов захватить собственность. Несметные богатства захватывали орды Тамерлана или отряды Кортеса в Мексике. Никакой буржуазии от этого не возникло. Шайки феодалов и прочих разбойников грабили купцов на дорогах, но в буржуа

при этом не превращались. Евреи-ростовщики брали с рыцарей и королей громадный процент и накопили богатства, из которых потом возник финансовый капитал. Но это был капитал авантюрный, капитал париев, отверженных. Финансисты не образовали буржуазии, они прилепились к ней как приبلудное дитя.

Буржуазия как класс возникла вместе с «духом капитализма». Буржуа (то есть горожане) — это те, кто трудились, как муравьи, над превращением денег в капитал, с помощью которого они организовывали производство. Основой буржуазии были небогатые протестанты-пуритане, которые отказывали себе во всех излишествах, много учились, трудились с утра до ночи и вкладывали каждую добытую копейку в производство (как говорил Салтыков-Щедрин, «не без кровопивства» — эксплуатации рабочих). И так — много поколений, пока система не стала работать стабильно и не появился слой профессиональных управляющих.

Нам сослужила дурную службу пропаганда, представлявшая буржуев ворами и обманщиками. Конечно, такие попадались, как попадают среди священников пьяницы и жулики. Но это же не выражает сущности класса. Известно, что воры как социальная группа и как культурный тип буржуазией стать не могут. Об этом и Салтыков-Щедрин много писал — о наших ублюдках крепостного права, Колупаевых да Разуваевых, которые рядились в буржуа — но буржуа не были.

Сегодня у нас появился слой «новых русских» — ублюдков номенклатурного права, новых Колупаевых и Разуваевых, которые, как и те, прошлого века, «чудом избежали каторги». Их вожденная мечта — чтобы их признали как класс, как буржуазию. Такое признание сразу закрывает вопрос о происхождении их собственности, узаконивает ее. Воры, которые при любом правовом политическом режиме должны быть судимы (хотя бы мягко, символически), вдруг в документе КПРФ возводятся в ранг законного и признанного социального класса. Почему? Зачем?

Могут ли эти Колупаевы, получившие от Чубайса украденный у нас капитал, претендовать на звание буржуазии? В целом, как социальное явление — нет, не могут. В личном плане

среди них, конечно, есть хорошие хозяева, которые спасли и наладили производство, — честь им и хвала. Но их-то как раз «государство» Ельцина душит. Да речь у нас не о личностях, а именно о классе.

Класса буржуазии не возникло, новые собственники угробили производство, многие из них ограбили свои же «собственные» заводы, распродали сырье и даже оборудование. Почти никто из них не превращает денег в капитал, а наоборот — обращает капитал в деньги и вывозит их за рубеж. Или тратит в России на безумную роскошь и капризы. Отдыхавший на Канарских островах «новый русский» проникся симпатией к переводчику, который помогал ему всего три дня, и на прощанье подарил ему 10 тысяч долларов — почти 60 миллионов рублей. Это по-русски — по-купчески или по-княжески. Но несовместимо с этикой буржуа. Большевик ближе к капиталисту, чем этот рубаха-парень.

Посмотрим на новых собственников с другой стороны. Являются ли буржуазными их отношения с рабочими? Ни в коей мере. Вот не платят рабочим зарплату — для буржуа такое противоестественно. Не заплатить за купленный товар (каким является для буржуа рабочая сила) — немыслимое дело. У нас же это сплошь и рядом. Потому что нашим «хозяевам» заводов совершенно чуждо мышление буржуа. Как же они могут превратить свой режим в «буржуазное» государство?

Другое столь же обычное явление: новые хозяева, вопреки всем рыночным законам и даже вопреки приказам Ельцина, не только не отшвырнули все социальные службы заводов (жилье, детсады, пионерлагеря и пр.), а даже увеличили расходы по их содержанию — ввиду краха государства. Сегодня на одно только жилье многие акционерные общества тратят больше, чем весь их годовой доход (некоторые предприятия в 23 раза больше своего дохода) — проедают основной капитал. «Хозяева» знают, что люди не в состоянии платить за жилье, но у них не поднимается рука отказать им в помощи, да и побаиваются. Опять-таки, это несовместимо с принципами буржуазии и ее государства. Это — откат к уродливому феодализму: мужик на барщине бесплатно спину гнет, зато барин о нем порадеет.

Не будем пытаться определить, что за социальный строй у нас возник и может ли он существовать долгое время (на деле строя еще нет, пока что мы живем в состоянии социального хаоса с элементами разных порядков — от советского до рабовладельческого и даже первобытнообщинного). Одно ясно: попытка «по плану» создать у нас капитализм провалилась. Буржуазии не возникло, а потому не сложилось и буржуазного государства.

Вспомним, что либералам, разрушившим царскую Россию в феврале 1917 г., не удалось создать новую, буржуазную государственность, даже несмотря на то, что в России уже имелась более или менее развитая буржуазия. Тогда государство разваливалось на глазах, и уже в октябре большевики просто «подобрали» власть. Сегодня такого распада еще нет только потому, что целы многие структуры советского государства. Хотя бы ракетные войска стратегического назначения. Без них Олбрайт совсем иначе заговорила бы с Россией.

Таково мое мнение по сути сделанного Н. Биндюковым заявления. Теперь о том, что оно будет означать на практике — если КПРФ от него не откажется. Скажу о моих личных чувствах. Учитывая, что значительную часть КПРФ составляют люди моего возраста и старше, могу предположить, что я в моих чувствах буду не одинок.

Что меня заставляет расходовать оставшийся мне в жизни запас сил и времени на работу в оппозиции? Чувство, что я не уберег то, что мне было поручено, — достойное жизнеустройство нашего народа и независимость Родины. Всему этому нанесен страшный удар. Но удар этот еще не смертелен, врага можно остановить. И мы ведем тяжелые бои в отступлении, цепляясь за каждый рубеж и ожидая подкреплений. Я уверен, эти подкрепления придут, надо только продержаться. Исход борьбы еще не решен. Становления государства, в котором моему народу не будет места, еще не произошло. И пока я в это верю (а я в этом уверен хладнокровно), мои усилия имеют смысл.

Если же мне докажут, что вся война проиграна и советский строй убит, ничего похожего мы не восстановим, а должны будем вести «нормальную классовую борьбу в буржуазном государстве», я уйду. Приму все будущие проклятия внуков и

правнуков — и уйду. Пусть уж молодые ведут свою классовую борьбу — сначала за лучшие условия продажи своей рабочей силы, а потом и до политических требований когда-нибудь дойдут. Но это будет уже другая эпоха, за которую я не отвечаю. Свою войну, как мне объявила КПРФ, я проиграл.

Вот какие чувства породит новая программа КПРФ, если в ней будет записан вывод Н. Биндюкова и его экспертов. Я им, конечно, не верю. Но если они на съезде возьмут верх, они нанесут оппозиции большой ущерб. Бывает, что политическая партия, чтобы мобилизовать людей, искажает суть вещей, вселяет надежды. Но выдвигать неверный тезис, который к тому же разоружает, деморализует большую часть партии и ее союзников, — это уникальный шаг. Не надо его делать!

1997 г.

ПЕРВЫЙ «НАРОДНЫЙ ПРИНЦИП»

Нынешний кризис в России дошел до такой стадии, что и политический режим, и оппозиция осознали потребность в выработке идеологий, скрепляющих хотя бы «критическую массу» граждан в подобие общества. Без этого уже невозможен никакой проект выхода из кризиса — ни через рынок, ни через план, ни через «смешанную экономику». Нужен набор представлений о человеке и обществе, который может обосновать трудные решения, повести людей «через огонь» лишений ради восстановления хозяйства.

Сейчас обсуждают, в разных вариациях, четыре блока ценностей и интересов, которые могут быть положены в основу объединяющей идеологии. Условно их можно обозначить как «православие», «национализм», «капитализм» и «социализм». Важный в перестройке блок «общечеловеческих» ценностей под условным названием «возвращение в цивилизацию» исчерпал себя и не упоминается даже безумными западниками.

Рассмотрим проблему национализма как основы идеологии. Это понятие нередко толкуют расширительно, как следование национальному духу или даже как синоним патриотизма. Но патриотизм не сводится к национализму, он даже перекрывается с ним лишь в малой степени. Патриотизм — необходимая часть любой государственной идеологии, но сам по себе несущей опорой не служит — он должен быть сцеплен с идеями, устремленными в будущее и «гарантирующими» реализацию патриотических ценностей.

Говорят, что русский национализм не содержит шовинизма и отражает вселенскую отзывчивость нашего национального духа. Однако когда речь идет об идеологии, термин «национализм» употребляется политиками в его стандартном европейском смысле — как возведенный в ранг государст-

венной политики эгоизм титульной нации. Конечно, в таком виде национализм отпугивает всякого коммуниста, и левые силы отдали его «патриотам», называя себя туманно «государственниками».

В ряду «капитализм — социализм — национализм» последний, как считают, набирает силу и обладает большим потенциалом. Исчерпание ресурса, утрата внутренней энергии двух «тотализирующих» всеобъемлющих идеологий индустриальной цивилизации — либерализма (капитализма) и социализма — начали ощущаться уже в 60-х годах нашего века. Видимо, уже давал себя знать назревающий общий кризис индустриализма (проблема ресурсов, гонка вооружений, экологические проблемы). Возникли идеи постиндустриализма, «третьей волны» цивилизации. Уже в те годы историк А. Тойнби писал, что капитализм и социализм отступают перед напором национализма. Он видел в этом огромный регресс цивилизации, был проникнут тяжелыми предчувствиями.

Конечно, это — взгляд из благополучной Европы. Когда Запад силен, космополитизм служит ему мощным оружием для ослабления конкурирующих культур — этот вирус очень легко внедряется в сознание европейски образованной интеллигенции. Как только какая-то часть Запада чувствует угрозу своему существованию, здесь, как по щелчку выключателя, возникает самый яростный национализм (вспомним хотя бы Германию в нашем веке или Францию после 1871 г.). Давайте глядеть из России и исходить из здравого смысла.

Трудности включения национализма в государственную идеологию России очевидны. Россия, по выражению Д.И. Менделеева, находится «между молотом Европы и наковальней Азии», и официальный национализм создаст натянутые отношения с этими цивилизациями вместо традиционной роли моста между ними. Сегодня ослабленная Россия нуждается в длительной стабильности ее внешних отношений, чтобы «сосредоточиться». Официальный национализм делает упор на отличии своих интересов от интересов соседей, резко определяет границу «свой — чужой».

«Внутренние» трудности еще основательнее. Россия — многонациональное государство с русским народом в каче-

стве ядра. Россия — «не нация, а целый мир». Когда сложилась Российская империя, основой государственного чувства стал не национализм «титულიной» нации, как в государствах Запада, а державный патриотизм. Если говорить о государственной идеологии, то главной ее метафорой и в царской России, и в СССР была семья народов. Все ее распады, хоть после февраля 1917 г., хоть сегодня, были не «отпадением» окраин, а разрушением центра — шли из столицы.

Это чувство державы и создало русский народ, как мы его сегодня знаем. Ведь исторически совсем недавно литовцев было больше, чем русских. И не только умножились русские, но и собрали огромную силу, знания и искусство множества народов. Сегодня русских «отстранили» и велят вытравить «имперское» сознание. Развалом СССР не ограничатся, Россия все еще огромная империя. И создают соблазн: сбросить бремя державности. Это чревато пресечением корня России, хотя и обещает свои удобства. Это — стягивание России обратно в Московское княжество. Безусловный патриот К. Леонтьев объяснял: «Кто радикал отъявленный, то есть разрушитель, тот пусть любит чистую племенную национальную идею; ибо она есть лишь частное видоизменение космополитической, разрушительной идеи». Это противоречие подчеркивал и Г. Федотов: «Задача каждого русского в том, чтобы расширить свое русское сознание (без ущерба для его «русскости») в сознание российское. Это значит воскресить в нем, в какой-то мере, духовный облик всех народов России». Вл. Соловьев даже считал, что национализм представляет угрозу для русского самосознания, для самого существования народа: «под предлогом любви к народу желает удержать его на пути национального эгоизма, т.е. желает ему зла и гибели».

Эти русские философы исходили прежде всего из всечеловечности христианства. Вл. Соловьев писал: «Христианская истина утверждает неизменное существование наций и прав национальности, осуждая в то же время национализм, представляющий для народа то же, что эгоизм для индивида: дурной принцип, стремящийся изолировать отдельное существо превращением различия в разделение, а разделения в антагонизм».

Все эти предупреждения надо иметь в виду, их внимательно осмыслить. Но возводить в закон нельзя. Высказаны они были в совсем иное время. Мечты о «христианском общежитии» были разрушены двумя мировыми войнами. «Возлюбите врагов своих», на что упирал Вл. Соловьев, теряет смысл, если враг тебя уничтожает. Да и смысл понятия «национализм» гораздо шире.

Можно считать, что национализм был одной из главных движущих сил русской революции, хотя это было и непросто выразить на языке марксизма. Потому-то революции в Мексике, России, Китае, Вьетнаме, на Кубе, с их опорой на крестьянство, принадлежат к совсем иному классу, нежели революции в Англии и Франции, в Европе 1848 г., Парижская коммуна или в Германии в 1918 г. Крестьянство восставало против капитализма, движимое не только социальным, но и этническим чувством, — как против космополитической силы, уничтожающей всякую самобытность (и прежде всего связь с землей). «Индивидуализм губит индивидуальность людей и наций» (К. Леонтьев) — это крестьяне всегда понимали. Поэтому понятие «национализм» в России резко усложняется, оно не поддается простому делению «буржуазный национализм — пролетарский интернационализм», данному в «Манифесте» Марксом и Энгельсом.

Это проявилось в революции и гражданской войне: нерусские народы России, за исключением «западных» по духу, не поддерживали своих буржуазных националистов. Они предпочитали остаться с Россией и подчиниться русским большевикам как более надежным защитникам их земли и их этничности. СССР сложился благодаря державному национализму трудящихся масс множества народов, пошедших за русскими. В то же время буржуазные националисты рвали Россию, ища покровительства иностранных держав. Украинская Рада звала французов, потом призвала немцев, а под конец Петлюра отдался Польше, чего крестьяне стерпеть уже не могли никак.

Если за риторикой Ленина о союзе рабочего класса и крестьянства в России и о возможности построения социализма в одной стране (предмет спора Сталина с Троцким) видеть суть, то она именно в возрождении державного русско-

го национализма. Сталинизм — это огромный социальный проект, основанный на таком национализме. И оппоненты Ленина и Сталина поняли это быстро. Один из лидеров Бунда М. Либер (Гольдман) писал в 1919 г.: «Для нас, «непереучившихся» социалистов, не подлежит сомнению, что социализм может быть осуществлен прежде всего в тех странах, которые стоят на наиболее высокой ступени экономического развития — Германия, Англия и Америка... Между тем с некоторого времени у нас развилась теория прямо противоположного характера... Эта теория очень старая; корни ее — в славянофильстве».

На Западе оценки были еще жестче. П. Шиман, ссылаясь на Каутского, писал: «Внутреннее окостенение, которое было свойственно народам Азии в течение тысячелетий, стоит теперь призраком перед воротами Европы, закутанное в мантию клочков европейских идей. Эти клочки обманывают сделавшийся слепым культурный мир. Большевизм приносит с собой азиатизацию Европы». Если отвлечься от ругани, то это — признание краха западнического крыла в большевизме. Под «мантией» марксизма большевики скрывали национализм, проект возрождения особой, незападной цивилизации — России. Поразительна близорукость наших «патриотов-антикоммунистов», которые за мантией не разглядели сути.

Наша история такова, что национальный вопрос был исключен из официальной науки и идеологии, а из национализма было сделано пугало. Кто же даст совет, чтобы нам разобратся хотя бы в понятиях? Я считаю, что сегодня, и именно сегодня, ценнейшим для нас источником является труд великого революционера и гуманиста, первого президента Китая Сун Ятсена «Три народных принципа». Это — огромная программа, которую выполняют, хотя и по-разному, компартия в КНР и гоминдан на Тайване. Кстати, обе с большим успехом. Три народных принципа — национализм, народовластие и народное благоденствие. Понятие национализма Сун Ятсен успел изложить в 1924 г. в шести лекциях, которые сам отредактировал перед смертью.

Здесь я упомяну лишь несколько мыслей, которые покажут, на мой взгляд, актуальность всего труда для нас. Для Сун

Ятсена «Три принципа» были программой спасения Китая, ибо Китай находился «между жизнью и смертью» и, по оценкам Сун Ятсена, мог быть уничтожен с гибелью всего народа (400 млн.).

Сун Ятсен считал национализм сложным явлением — из тех, что «легче сделать, чем осознать» (в противовес категории явлений «легче осознать, чем сделать»). Причиной плачевного положения Китая в начале XX века Сун Ятсен назвал именно утрату китайским народом национализма за несколько веков до этого. Тогда государственное чувство настолько ослабло, что власть захватили манчжуры — народ численностью около ста тысяч. Два века государственники пытались сохранить «сокровище» национализма, передав его низшим, неграмотным слоям народа и создав для этого огромное число тайных обществ. Некоторые восстания были успешными, но в целом «вернуть сокровище народу» не удалось, его не принял культурный слой (интеллигенция).

Почему же был утрачен национализм? Сун Ятсен видит истоки болезни во «вселенности» китайского мышления. В течение тысячелетий Китай вбирал в себя народы и государства Азии — в основном без войны, «светлым путем князя», обеспечивая мир и порядок. Китай, Срединное государство, стал так велик, что у китайцев возникло космополитическое чувство и утратилось чувство опасности. Раз Китай центр мира, то «все чужеземцы, и с запада, и с востока, могут быть его императорами».

Проводя сравнение с Россией, Сун Ятсен видел залог ее спасения и развития как раз в том, что, несмотря на свою «вселенность», славяне сохранили национализм благодаря опасным, но несмертельным угрозам (последняя — интервенция Запада во время гражданской войны). Посмотрел бы он на нас сегодня!

Для Сун Ятсена национализм есть «принцип единой государственной семьи (нации)». Это — совсем не то, что национализм гражданского общества, образующего государство-нацию. Здесь — идея семьи, «сыновней почтительности», и нация образуется под влиянием «естественных» сил, когда общество развивается «по пути справедливости (светлым путем)», в то время как государство есть общество, прошедшее по пути тирании. Цель национализма — создать единую се-

мью на соединении этих путей. Утратив национализм, Китай стал «кучей песка» — люди крепко сплочены в семьи и кланы, но нет их соединения в «государственную семью».

У Сун Ятсена национализм не только не противоречит интернационализму, но и служит ему необходимым условием: «национализм — это то сокровище, которое предопределяет существование человечества» (или: «национализм это инструмент, который дает возможность существовать человечеству»). Если бы национализм угас повсеместно, западные державы полностью вытеснили бы и «переварили» все другие народы, как индейцев. И именно если Китай преодолееет космополитизм и вновь обретет сокровище национализма, он «станет фундаментом интернационализма в Азии» — так же, как русские стали им в Европе. (Хорошо бы это прочесть нашим «державникам», которые вдруг начали клеветать интернационализм).

Многие наблюдения Сун Ятсена поразительно напоминают то, что мы видим сегодня в России. Первым условием возрождения национализма он называет объяснение всему народу истинного положения Китая. Барьером здесь была интеллигенция, которая описывала это положение в европейских привычных, но негодных понятиях. Тогда утвердилось мнение, что Китай — полуколония. Сун Ятсен много места уделяет доказательству, что это совершенно не так. Положение гораздо хуже: не будучи колонией, Китай стал объектом эксплуатации всех западных держав. Колония — как бы собственность метрополии и никогда не «высасывается» ею до конца. Китай же, по расчетам Сун Ятсена, при том уровне выкачивания средств, что установился к 1924 году, мог быть полностью обессилен всего за десять лет.

Объясняя реальное положение Китая, он указал на обычное явление. В прошлом китайцы возмущались налогами, установленными своим правительством, но совершенно равнодушно отнеслись к несравненно более крупным изъятиям, совершаемым с помощью экономических рычагов иностранцами. Не просто равнодушно — они не замечали этих изъятий и не верили сообщениям о них. Более того, они были крайне благодарны иностранным державам за ничтожную гу-

манитарную помощь, которую те иногда оказывали по случаю стихийных бедствий. Думаю, тут Сун Ятсен подметил симптом, позволяющий предположить, что Россия заболела сходной болезнью.

Конечно, не следует преувеличивать аналогий, не годятся для России и те подходы, которые Сун Ятсен предлагал для возрождения «державного национализма» в Китае. И все же, этот мудрый человек и большой друг России сказал очень много важного, и его слова заставляют думать. И думать по-другому, чем мы привыкли. А это очень полезно, когда и мы находимся «между жизнью и смертью».

1997 г.

«СЛЕПОК ДУШИ» СОЦИОЛОГА

В первом номере за этот год «Завтра» предлагает нам «чутким ухом» послушать, «что говорят мужики и бабы в неведомых нам русских селах». Послушать через социологов, которые ведут в селах т.н. «включенное наблюдение» — «приучив деревенский люд к диктофону, увозят на пленке слепки душ». Как этнографы из индейских племен. Ведущий рубрики даже утверждает, что это — научная работа, «по объективности превосходящая художественный очерк, рассказ». Надо же, до каких высот докатилась наша общественная наука. То была всего лишь объективнее сказки, а теперь уже и рассказа.

Сообщается также, что «патронировал (оплачивал, что ли? — К.-М.) и руководил экспедициями по нашим деревням английский профессор Федор (всегда он был Теодор. — К.-М.) Шанин из Манчестерского университета». Это, мол, не проект «Камелот», который ЦРУ проводило в Латинской Америке, это что-то новое. Надо было только добавить, что над «патроном» есть и начальник — Т.И. Заславская. Такое умолчание может быть обидно уважаемому академику-«крестьяноведу».

Газета в материале «Баять — значит говорить» приводит малую толику «слепков» — из 15 тыс. страниц, собранных доктором философии В.Г. Виноградским, «соавтором (?) этих монологов». В монологах русские крестьяне любовно называют соавтора «Валерья», что подтверждает достижение «особенной с ними душевной близости».

Исследование, о котором идет речь, наверное, ценно. Но из 15 тыс. страниц можно выжать все что угодно. И данная выжимка в 56 страниц — это уже чистая идеология, отвечающая установкам философа. А когда идеология рядится под объективную науку, надо слушать ее не просто чутким, а и критическим ухом. И даже подключать к уху голову.

В.Г. Виноградский отмечает известное: «по моим наблюдениям, в последние годы буквально на глазах происходит расслоение деревни — и по уровню зажиточности, и по способу повседневного выживания» (хотя и так ясно, что «выживают» богатые, если к ним применимо это слово, иначе, чем бедные). Своей оценки факту этого расслоения автор не дает, но косвенно она вытекает из того, что в «выжимке» нет голоса обедневших. Их «слепки душ» в газету «Завтра» не попали.

Зато как глас мудрости приведено извечное объяснение бедности — негодный человеческий материал: «лентяями были преимущественно члены бедняцких семей». Некая мудрая старушка так и объяснила доктору философии: «Были люди такие — они не старались потеть, не старались огороды обработать... Они к нам не касались, и мы к ним не касались. И какая их была жизнь между себя и как они с людьми обращались — не знаю! Ну, жили они как-то так... В общем, не стремились ни к чему... Ты знаешь, Валерьяка, это — природа. Погляди вот — родители плохо жили, и дети сейчас так же живут». Может, это философ Дм. Фурман старухой переоделся — обычно он такие идеи толкал.

Это — наивное мальтузианство, которому привержена часть всех слоев общества. Уделив порядочно места этому «монологу» и не дав противоположного «слепок», автор подводит читателя к мысли, что мальтузианство сегодня широко распространено среди русских крестьян. Это — исключительно сильный тезис. Если бы он был верен, это означало бы, что крестьянство, вслед за большой долей интеллигенции, отщепилось от русской культуры, которая была крайне нетерпима к этой идеологии. Вопрос поднимал в 1925 г. А.В. Чаянов. Отмечая, что во Франции сильна приверженность мальтузианству зажиточного крестьянства, он показал, что этого не было у русских крестьян. Он дает этому объяснение исходя из принципов землепользования в общине.

Приведенные автором данные не позволяют поверить в его намек или отвергнуть его — они вообще ни о чем не говорят. Поражает же его равнодушие и даже благосклонность к оживлению установок социал-дарвинизма (под воздействи-

ем резкого расслоения). Это — знаки грядущей трагедии, новой вражды на селе.

Второй тезис, даже лейтмотив всей статьи — благоденствие, якобы принесенное реформой Ельцина в русскую деревню. Тут газета «Завтра» начала год с явно нетривиальных утверждений. Просто смена вех. (Странно, что тут же, на другой странице, оппозиция критикуется за мягкотелость.)

Конечно, когда есть расслоение, перераспределение богатства, то нетрудно набрать восторженные монологи. Вопрос — насколько это научно? Можно же было бы дать в комментариях не мнения, а объективные данные — что получило село от реформ.

Тот факт, что благостные выводы собраны отовсюду — из Поволжья и с Алтая, из Сибири и с Севера, дела не меняет. «Лучше стали жить. Недавно зажились...», «Сейчас люди богаче живут — трактора, грузовики покупают... По-моему, богаче. А то ли не богаче?!», «Стараются питаться разнообразно, ни в чем себе не отказывать... Молоко, сметана, творог, сливки есть в каждой семье. С мясом проблем нет» — и т.д. Спасибо товарищу Ельцину за нашу счастливую старость.

Автор, описав всю эту благодать, делает второй сильный вывод: «Очень характерно такое высказывание: «Нам голод не страшен. Это вы там в городе повымрете». Явно крайнее, надрывное высказывание социолог выдает за «очень характерное», за якобы утвердившуюся в крестьянстве установку. Мол, наконец-то реформа пошла, союз рабочего класса и крестьянства разорван. Это — чистая идеология, под ней никакой «объективности» не видно.

Но предположим даже, что автор в своем выводе уверен. Поразительно, что социолог приводит его бесстрастно, считая, что он всего лишь «резюмирует проблему питания». Ведь если принять тезис, то речь идет о расколе народа, об «отделении села от России», об уже идущей в умах крестьян холодной гражданской войне против города. Контраст смысла с благостным контекстом просто вопиет.

Особо напирает В.Г. Виноградский на то, что крестьяне якобы много покупают тракторов. Старушке, увидевшей у соседа два трактора, простительно сказать: «много». Наука же

более трех тысяч лет оперирует числами. Известно, что фермеры в России имеют 3 трактора на тысячу га пашни при среднеевропейской норме 100—120. Много это или мало — три? А если брать не соседа Володю, а село в целом, как экономический организм — много оно стало получать тракторов при Ельцине? Вот закупки тракторов внутри России (тыс. штук): 1991 — 216; 1992 — 157; 1993 — 114; 1994 — 38; 1995 — 25; 1996 (прогноз) — 25. В целом на всю сельскохозяйственную технику спрос в России за четыре года реформ снизился более чем на 90%. Разве не обязан был бы ученый дать эту справку к восторженному мнению бабы Мани из села Уткино?

Коллективные хозяйства «Валерья» явно не жалуется. Когда о них заходит речь, к монологам его «соавторов» он добавляет свои ремарки: «Везут, воруют, по ночам не спят. (Добродушно смеется.) Растаскивают колхозное имение!»; «Самое главное — мое! Ты понял? Мое! А в колхозе?! Тащат вовсю! И ничего там никогда не будет, в колхозе-то! (Смеется, весьма язвительно.)» И сколько тут восклицательных знаков, как их только диктофон засек.

В авторских комментариях сказано многообещающе: «Вся проблематика существования новейшего двора так или иначе вращается вокруг вопроса о форме собственности на землю. Во всяком случае, об иных проблемах крестьяне говорят мало... Идея своей земли, чувствуется, их очень волнует». Чувствуется! Тут бы и дать крестьянам слово, пропорционально важности вопроса. Но, видно, диктофон заело. Приведена всего одна фраза — того, «язвительного»: «Без частной собственности и без спекуляции ничего на базаре не будет». Негусто на 15 тыс. страниц, на которых «об иных проблемах крестьяне говорят мало».

Сам этот способ создать впечатление, будто «голоса крестьян России» — за частную собственность на землю, для ученого недопустим. Ведь известно, что крестьяне — против, и год за годом эта их установка подтверждается. Как же можно давать «монологи» без комментария?

А что нам говорят о производстве? Судя по всему, В.Г. Виноградский, вслед за своим патроном из Манчестера, уповает на фермера. Он пишет: «Работа в коллективном хозяйстве

не очень волнует, по словам рассказчиков, членов (?) современного двора. Зато все продуктивные усилия развернуты сегодня в сторону собственного хозяйства». Это — после пяти лет таких ударов по колхозам, каким подвергалась кроме них, пожалуй, только армия. Да, после всех этих ударов «село отступило на подворье» — силы были неравны. Это и привело к тому, что производство упало вдвое и Россия, войдя в режим полуголода, утратила продовольственную независимость.

Это означает, что быстро свертываются созданные за советское время «цивилизованные» формы производства. Восстанавливаются архаичные технологии и организация труда — с огромным откатом из-за того, что на селе уже отсутствует тягловый скот. Возникает никогда не существовавшая, неизвестная миру система, сочетающая остатки современной электротехники с технологией раннего земледелия.

Снижается товарность производства, оно еле обеспечивает само сельское население. По сравнению с «нерыночным» 1985 годом в «рыночном» 1992 году товарность зернового производства снизилась в России с 40 до 24%, а картофеля — с 22 до 8%. Уже на первом этапе рассредоточения скота с ферм на подворья при потере всего 1% поголовья коров товарность молока в России упала на 26%. Умиление либеральных идеологов таким усилением подворья вызвано лишь тем, что оно внешне напоминает частное («фермерское») хозяйство. На деле подворье является укладом средневековым, докапиталистическим. Его усиление — признак разрухи.

А что же фермеры, как они «накормили Россию». Ведь эксперимент поставлен крупномасштабный — крупнее некуда. Фермерам отрезали огромный клин угодий — 10 млн. га. С них они дают чуть больше 1% всей продукции. Продуктивность в семь (!) раз меньше, чем даже в сегодняшних полузадушенных колхозах. Чему тут можно радоваться?

Социолог В.Г. Виноградский умиляется: «Таким образом, заметно изменившийся за 60 лет крестьянский двор начинает постепенно, на ощупь восстанавливать свои родовые качества, привычки и знания». Мол, слава богу, советский морок кончился, русские мужички станут самими собой. Что же это такое, если на доступном языке? Сам же социолог поясня-

ет: «Ради интенсивного использования ресурсов доколхозного двора хозяин не жалел ничего, даже подрастающее поколение, очень рано включая его в дворовую работу... Много и тяжело работали все члены семьи. И заставляли их не привязанность и любовь к земле, а, скорее, нужда. Ради этого — постоянная самоэксплуатация». И вернуться к этому — благо? Благо — для кого?

Из рассказов матери, которой с пяти лет пришлось работать в поле, я знаю, как к вечеру на всех «собственных» надеждах плакали дети, весь организм которых содрогался от тяжелого труда. Наши социологи и философы уверены, что их детям и внукам плакать в поле не придется. Скорее всего, они правы, но как грустно, что бытие действительно определяет сознание интеллигенции.

Примечание: эту статью я, как водится, отнес в газету «Завтра». Но там ее не взяли — «слишком интеллигентная». Видно, и впрямь слово «интеллигентный» в Газете Государства Российского считается ругательным. Слава богу, «Сов. Россия» пока относится терпимо.

1997 г.

СНОВА К ВОПРОСУ О КОНТРРЕВОЛЮЦИИ И КАПИТАЛИЗМЕ

Когда оппозиция выдвигает какое-то программное положение, люди ждут сначала ясного представления, что происходит в нынешней действительности, чего мы хотим в будущем, каков путь от настоящего к будущему. 17 октября в «Советской России» под рубрикой «советы мудрых людей» напечатана статья уважаемого деятеля КПРФ Юрия Белова «Не бояться истины». Вообще-то ни рубрика, ни заглавие к дискуссии не располагают — как спорить с истиной, тем более если ее сообщают люди, официально признанные «мудрыми». К тому же статья дана в разделе «КПРФ перед выбором». Это выбор КПРФ, и спорить бесполезно, это дело самой партии. Но по одному частному вопросу выскажу замечание.

Вот тезис Ю. Белова: «Когда в нашей стране победила контрреволюция, то не государственный капитализм пришел на смену социализму, тоже государственному, а капитализм свободного рынка. Довольно быстро он был назван диким и варварским людьми, хорошо знающими, когда и почему от такого капитализма отказался Запад».

Здесь в одном абзаце выражена сложная концепция, которая излагает и представление о том, что произошло в СССР и России после 1988 г., и трактовку того, что произошло на Западе за последние 300 лет. Из этой концепции, весьма распространенной, выводится не только программа действий КПРФ, но и ее «выбор» — вещь более важная и долгосрочная, нежели программа. Я считаю всю концепцию и ее отдельные части неверными. Думаю, они противоречат и историческому опыту, и тому, что мы видим сегодня воочию, и теоретическим выводам марксизма. В результате они задают КПРФ ложную цель.

Первый тезис: капитализм свободного рынка — дикий и варварский. Запад от него отказался.

Капитализм свободного рынка — главный тип хозяйства и буржуазного общества Запада вплоть до кризиса 20—30-х годов нашего века. Этот кризис привел к «кейнсианской революции» — признанию необходимости государственного вмешательства в экономику. Это был не отказ, а преодоление свободного рынка, причем после выхода из кризиса последовал длительный неолиберальный откат. В каком смысле капитализм свободного рынка назывался сторонниками Кейнса «диким»? Только в смысле эксплуатации рабочих и тех страданий, которые приносила конкуренция. Но это же не исчерпывает жизнь общества! Давайте вспомним целостный образ раннего капитализма.

Из популярных стихов Маяковского помним: «Капитализм в молодые года был ничего, деловой парнишка. Сам работал, не боялся тогда, что у него от работы засалится манишка». Ранний капитализм — это прежде всего огромная энергия, трудолюбие и тяга к знаниям. Он создан не венецианскими купцами и не ростовщиками, а пуританами — ремесленниками и рабочими, инженерами и учеными. Символом его служит Джеймс Уатт, механик из университета, создавший годную для промышленности паровую машину.

Удивляет, насколько мы забыли наших собственных писателей. Салтыков-Щедрин так описывал ту категорию жулья, что, пытаясь сойти за буржуазию, опутала в прошлом веке Россию: «Повторяю: это совсем не тот буржуа, которому удалось неслыханным трудолюбием и пристальным изучением профессии (хотя и не без участия кровопивства) завоевать себе положение в обществе». Неслыханное трудолюбие — вот, по его мнению, главный признак настоящего буржуа (при этом писатель не забывал о «кровопивстве» — эксплуатации).

Большую роль в распространении капитализма сыграли протестантские религиозные секты. В XVIII веке богатейшая секта квакеров создала в Англии, а затем и в Америке сеть школ, в каждую из которых дала библиотеку из всех главных тогда научных книг и набор главных научных инструментов (микроскоп, телескоп, вакуумный насос и др.). Более того,

летом по всем этим школам, от почтовой станции к станции, отправлялись лекторы — нанятые квакерами лучшие ученые. В такой квакерской школе учился, потом преподавал (с 12 лет), потом был директором, потом разъездным лектором великий ученый Джон Дальтон. То, что во всех уголках Англии XVIII века читались научные лекции с экспериментами, на которые собиралась масса простолюдинов, — это дикость?

Допустим, сегодня Маяковский, Салтыков-Щедрин и Дальтон уже не авторитеты. Но почитаем «Манифест коммунистической партии». В нем Маркс и Энгельс пишут: «Буржуазия менее чем за сто лет своего классового господства создала более многочисленные и более грандиозные производительные силы, чем все предшествовавшие поколения, вместе взятые... Буржуазия быстрым усовершенствованием всех орудий производства и бесконечным облегчением средств сообщения вовлекает в цивилизацию все, даже самые варварские, нации» и т.д.

Речь идет именно о первых ста годах господства буржуазии, именно о раннем капитализме. Но где же здесь «дикость и варварство»? И каким образом можно пристегнуть в этому капитализму наших демократов, которые разрушают производительные силы и обращают нашу цивилизованную страну в варварство?

Возьмем философскую основу раннего капитализма и ее упрощенное переложение — идеологию. Они многим из нас чужды, но назвать их дикими и варварскими было бы просто странно. Это — гуманизм (возвеличение человека), вера в свободу и прогресс. Все это вытекало из идеалов Просвещения, но никогда русская культура не занимала по отношению к Просвещению враждебной позиции — хотя по ряду вопросов были большие расхождения. Идеология либерализма, уподобившая все стороны жизни общества свободному рынку, есть сложный и изощренный продукт культуры. Из нее выросли представления о гражданском обществе, разделении властей и правовом демократическом государстве. Это — ранний капитализм, XVII—XVIII века, философы Гоббс, Локк, Кант, Монтескье. Как можно назвать это варварством?

Ранний капитализм неразрывно связан с рождением науки — совершенно нового способа познания мира. И дело вовсе не в меценатстве буржуазии, а в новом типе мышления и мировоззрения. Рождение науки и капитализма — две стороны одной медали. Объясните, как дикость и варварство могут породить такое явление, такой взлет человеческого духа и разума, как наука?

Наконец, возьмем другую часть культуры — искусство. Ведь подавляющее большинство произведений, которые составляют нашу культурную пищу сегодня, созданы в обстановке общества раннего капитализма, под воздействием его импульсов, его общего оптимизма и тяги к совершенству. Это и литература, и музыка, и балет, и живопись. Нельзя же не видеть, что они были вызваны к жизни общественными условиями раннего капитализма. Конечно, не прямо, не в виде вульгарного «социального заказа», а именно условиями в целом.

Более того, даже такая особая, высокая и тонкая часть культуры как социализм и коммунизм, как отрицание эксплуатации человека человеком и отчуждения людей были порождением именно раннего капитализма. Это была его рефлексия, его высокий и благородный самоанализ, который привел духовно страждущую часть буржуазной интеллигенции к самоотрицанию.

Конечно, все это сочеталось с ограблением колоний и эксплуатацией своих рабочих — но почему же дикость и варварство? Это делалось именно предельно жестоко и цивилизованно. В одном бою англичане расстреляли из пулеметов 11 тысяч суданских воинов, а сами потеряли 25 человек. Жестоко? Да. Дико? Нет. Эти понятия лежат в разных плоскостях.

Второй тезис Ю. Белова: уклад, созданный за последние десять лет в России, есть капитализм свободного рынка.

Переболев революцией, Россия имела уникальную возможность перенять многие достижения западного капитализма без его жестокостей (как говорил Маркс, «не проходя через его Кавдинские ущелья»). Мы эту возможность не оценили и не сохранили, но откуда же видно, что мы вернулись в ранний «капитализм свободного рынка»? Просто ниоткуда. Это

ошибочный тезис. Но главная беда не в том, что он ошибочен, а в том, что он вроде бы дает нам простой и понятный ответ и освобождает от необходимости разобраться в реальности.

Даже если ограничить проблему только хозяйством, созданный в России уклад никак нельзя назвать «капитализмом свободного рынка». Необходимые условия такого капитализма — свободная купля-продажа земли, денег, рабочей силы и товаров. В России нет рынка земли — это известно. Но нет и рынка труда. Люди работают без зарплаты или за символическую зарплату, но предприятия платят им «натурой» — тянут социальную сферу (прежде всего жилье). В результате рабочий привязан к предприятию, возникает разновидность крепостного права с барщиной и оброком. На это резонно указывают и российские, и зарубежные эксперты — и экономисты, и социологи.

Рынок денег уродлив и никак не свободен — это очевидно. Банки искусственно созданы государством, государство же периодически отбирает у них «товар». А сами они отбирают «товар» у вкладчиков — это ничего общего со свободным рынком не имеет. Несвободен и рынок товаров. Во-первых, он предельно узок, люди покупают минимальный набор продуктов — фактически получают его по карточкам, похожим на деньги. Можно нашу мизерную зарплату заменить талонами на получение набора продуктов — ничего не изменится. Значит, это не рынок. Мафия контролирует и поставки товаров, и цены — где же здесь свобода? Это именно госкапитализм с криминальной компонентой — уклад, созданный союзом коррумпированной номенклатуры и дельцов теневой экономики и преступного мира, порожденных именно советским обществом.

По всем своим основным признакам этот уклад принципиально отличается от капитализма свободного рынка — хоть и обзывай его диким и варварским. Это просто разные экономические, социальные и культурные явления — по всем важнейшим признакам. Запад поддерживает наших «капиталистов» вовсе не вследствие «родства душ», а из чисто политических интересов. Потому что эти наши «капиталисты» под-

рядились сломать советский строй, развалить СССР, обезоружить армию, уничтожить сильную промышленность и науку, допустив Запад к ресурсам России.

Зачем же видным идеологам оппозиции называть нынешний уклад в России ранним капитализмом? Я вижу две причины. Во-первых, привлекает внешняя простота. Не надо изучать и осмысливать сложные, не описанные в учебниках процессы, происходящие в России. А слово «капитализм» всем знакомо, отношение у большинства к капитализму плохое — вот идеологи и увлекают за собой людей без большого труда. Но это успех очень краткосрочный и ненадежный.

Во-вторых, и это особенно важно, в этом очень заинтересованы сами «капиталисты». Во время перестройки и в начале реформы главным мотивом манипуляции сознанием было обещание, что слом советского строя приведет в созданию в России «социально ориентированного» современного капитализма, подобного шведскому или германскому. Соблазн рассеялся, сегодня всем понятно, что это был обман. И мы видим, как меняется мотив песенки наших реформаторов. Теперь нам говорится, что мы переживаем трудный период «капитализма свободного рынка», капитализм дикий и варварский, капитализм периода первоначального накопления и т.д. Этим надо переболеть, Запад нам поможет этот период сократить, но затем мы неизбежно придем к тому самому «социальному» капитализму. Это, мол, общий закон развития.

Этот новый обман нагнетается СМИ, и у некоторых деятелей оппозиции появляется соблазн использовать это «признание» как свидетельство своей правоты. Смотрите, мол, товарищи, — даже сами демократы признают, что их капитализм дикий и варварский. Нужно его окультурить. Даешь государственный капитализм!

Это в лучшем случае иллюзии. Никакого госкапитализма, приемлемого для нашей жизни, построить с приватизаторами нельзя. Дело в том, каково государство и какова «буржуазия». Одно дело — советское государство 1918 года, которое предлагало буржуазии мягкий вариант госкапитализма (да и

то не вышло). Совсем иное дело — президентская республика Ельцина, Лужкова и т.д. Какая, в принципе, разница — высасывает ли Бревнов последние соки из хозяйства как капиталист или как государственный чиновник, назначив себе умопомрачительное жалованье и гоняя самолет с тещей в Нью-Йорк. Центробанк — государственное учреждение, но при Дубинине выплаты верхушке аппарата ЦБ составляли фантастическую сумму, сравнимую с доходами всей российской промышленности. Если обещания привести Россию к цивилизованному госкапитализму исходят от Киселева или Сванидзе, люди, скорее всего, не поверят. Если же это подтверждают в «Советской России» авторитетные коммунисты, то можно провести еще целый виток одурачивания.

Тезис о том, что из советского общества «контрреволюционеры» за несколько лет смогли создать капитализм свободного рынка, я считаю очень важным и еще по одной причине. Советский строй как продолжение, в новых формах, российского жизнеустройства и западный капитализм (особенно в его чистой форме свободного рынка) находятся на разных ветвях цивилизации. Различия между ними фундаментальны. Они не только в разных представлениях о собственности, деньгах, хозяйстве, государстве, но и в антропологии — представлении о человеке и его теле, его правах и обязанностях. Более того, даже в представлении о пространстве и времени!

Необходимым условием для возникновения «капитализма свободного рынка» была духовная революция — Реформация, появление новой, протестантской этики, вера в деление людей на расу избранных и расу отверженных. Эта революция была для Запада таким потрясением, что взаимоистребление унесло почти половину жизней. Для становления капитализма был необходим этот поворот в духовной сфере, в культуре и образе мыслей не только в среде буржуазии, но и в среде рабочих. Это было, пожалуй, даже важнее.

Такие глубокие различия в культуре, многие из которых даже не осознаются, не могут быть устранены по приказу Ельцина или Чубайса. Значит, утверждение о построении в России,

по команде сверху, капитализма западного типа ясно показывает: разговоры о том, что Россия — самобытная цивилизация, велись просто для красного словца. Ради патриотической риторики. А на деле те люди, которые согласны с этим утверждением, мыслят в старых понятиях механического истмата. Им что Россия, что Франция, что Япония. Перераспределил Чубайс бумажки-акции — и в России уже капитализм.

Не надо соблазняться простыми формулами.

1998 г.

НЕЯСНЫЕ ДОВОДЫ

В статье Ю. Белова «Не бояться истины» высказан программный для КПРФ тезис: «соглашение левых сил с национальной буржуазией». Это, по мнению Ю. Белова, и есть путь России к социализму, хотя и не прямой.

Соглашения в политике — вещь нормальная, и заключать их можно с любыми политическими силами, даже с бандитами. Главное — ради чего и на каких условиях, каков баланс выгод и потерь. Ясно, что соглашение с противником всегда ведет к потере части «своих» и союзников слева. Но, повторяю, по существу вывода Ю.Белова я никаких замечаний не делаю.

Думаю, однако, что имею право и даже обязанность сделать замечания по аргументации. Дефекты в системе доводов — плохой признак, но, конечно, еще не означают, что вывод неверен. В науке бывали открытия, даже гениальные, к которым ученые пришли через цепь ошибок. Но все же это редкость, и лучше ошибки не делать.

Один из обычных дефектов аргументации — умолчание важных вопросов. Первый вопрос, который никак не затронут в статье: в чем предмет соглашения КПРФ с буржуазией? Любое соглашение в политике это торг, обмен. Какой «товар» имеет каждая сторона соглашения? Очевидно, что единственное благо, которое буржуазия может получить от левых сил, это социальный мир. Отказ от классовой борьбы «ради единства России». А что даст взамен буржуазия? Об этом в статье речи нет. Со стороны самой буржуазии никаких предложений как будто не поступало. Во всяком случае, в открытой печати.

В 1996 г., перед выборами президента, был у крупного капитала момент испуга, и капиталисты предложили соглашение, изложенное в «письме 13 банкиров». От коммунистов они требовали, в случае победы Зюганова, не трогать их собственность и «демократические завоевания». Это понятно.

А что они обещали взамен? Надо сегодня внимательно прочитать то письмо. Взамен банкиры не обещали ничего, кроме единственной уступки: «Оплеывание исторического пути России и ее святынь должно быть прекращено». Какой же это пакт, соглашение? Это жульничество — если, конечно, к пакту нет секретных протоколов.

Соглашение коммунистов с буржуазией — действительно «зигзаг истории», и вопрос о предмете компромисса требует ответа. Пока что известна лишь одна формула соглашения пролетариата с национальным капиталом — национал-социализм в Германии. Но она была двусторонней: пролетариат отказывается от классовой борьбы, а капитал финансирует войну, в результате которой эксплуатация переносится вовне, а внутри Германии устанавливается социализм — для одной нации (единая Германия — «один народ, один фюрер, одно государство»). Та формула провалилась, она возрождается на уровне группы «развитых стран» в идее золотого миллиарда — и тоже провалится. В России же, очевидно, буржуазия не может эксплуатировать никого, кроме наших же российских рабочих. В чем же тогда соглашение? Призыв Лужкова «производство — по-капиталистически, а распределение — по-социалистически» — дешевка, рассчитанная на одураченных людей.

Успешным считается соглашение левых сил и буржуазии в Испании после смерти Франко. Оно выражено в «пактах Монклоа», которые вырабатывались на трудных и совершенно открытых переговорах. Левые обещали блокировать борьбу трудящихся, гарантировали социальный мир. Это было самоубийство компартии, она распалась. Но соглашение было хорошо оплачено мировой буржуазией. Именно мировой, потому что предмет соглашения выходил за рамки возможностей испанского капитала. Суть была в том, что Испанию принимают в европейское сообщество, в нее делают большие капиталовложения, подтягивают уровень жизни до средне-европейского и предоставляют увольняемым при конверсии национальной промышленности рабочим большие ссуды для создания собственных малых предприятий. Все это было выполнено — во многом потому, что предмет соглашения был

четко определен. В России мы такого не видим, да и средств у нашей буржуазии на такие вещи нет.

Второй вопрос — субъект соглашения с левыми. Ю. Белов делит российскую буржуазию на две части — одна антинациональная (гусинские, чубайсы и т.п.), другая национальная. Здесь он ни одного имени не приводит. Почему? Поскольку речь идет о партнере по историческому соглашению, мы должны представить себе его социальный портрет, воплотить в какие-то понятные образы, назвать какие-то критерии отделения козлиц от баранов. Чем национальная буржуазия отличается от той, плохой? Формой носа? Гражданством? Скромностью в быту? Риторикой? Как только переходишь на уровень реальной политики, оказывается, что и этот вопрос неясен. По отношению к личности еще можно что-то предположить, да и то смутно, а по отношению к классу — нужно более четкое определение.

В личном плане довольно большая часть новых собственников — нормальные советские люди, которым глубоко противно то, что происходит в России. И они готовы, изменяя своему классу, помогать левым и с радостью сбросят с себя шкуру капиталиста, если коммунисты победят. Совсем иное дело — буржуазия как класс. В вопросе о борьбе или соглашении этот класс надо выражать фигурой, воплощающей классовую суть, а не личные качества. Не вызывал бы возражения такой тезис коммунистов: «В нашей борьбе за спасение России нашими союзниками, пусть не всегда явно, являются многие болеющие за судьбу страны люди из числа новых собственников. В конфликте между чувством патриотизма и своими классовыми интересами они выберут патриотизм». Таких людей может быть действительно много, но класс в целом не может отказать от своих классовых интересов. Ю. Белов же говорит именно о классе.

Неявно Ю. Белов вводит такой критерий различения: банковский капитал (финансовые кланы) антинационален и криминален (у него «на каждом долларе — комья грязи и кровь»). Промышленный капитал — национальный и патриотичный (что у него на каждом долларе, не говорится). На мой взгляд, этот умозрительный критерий негоден. В силу самого механизма приобретения собственности (раздача ее узкому кругу

номенклатуры) концентрация капитала в России очень высока, а еще Ленин говорил, что при этом неизбежно сращивание финансового и промышленного капитала.

Да мы это и без Ленина видим. Кто такой Березовский? Он и банкир, и владелец заводов. В какую категорию его записать? Кто такой Потанин, совладелец банка ОНЭКСИМ и Норильского комбината? На деле собственность — в руках финансово-промышленных групп, и разделить их на две антагонистические части буржуазии невозможно. Так что речь попросту идет о соглашении с буржуазией. При условии, что она примет патриотическую риторику.

Даже если удалось бы найти «промышленников», не связанных с финансовыми кланами, кого из них считать национальными? Вот символическая фигура — владелец «Уралмаша» Каха Бендукидзе. Кто он, буржуй какой нации? Грузинской? А если он сменит фамилию или вместо себя поставит, как ширму, какого-нибудь Петрова — положение изменится?

Ю. Белов принимает как аксиому, что буржуа-промышленники — патриоты России. Не как личности, а как класс, владеющий заводами. Откуда это следует? Откуда взялись те 200 или 300 млрд. долларов, что вывезены за рубеж? Они изъяты прежде всего из промышленности в виде ее готовой продукции, стратегических запасов сырья и материалов, лучшего оборудования. В Испании я как-то читал в газете интервью с одним молодым человеком из России, который закупал дома на южном берегу. Его спросили, откуда такие деньги. Он скромно ответил, что продал большую партию вертолетов. Он из «клана» промышленников.

Если мы говорим о буржуазии как субъекте политики, то надо назвать те ее политические организации, которые выражают волю к соглашению с левыми силами. Есть ли такие? На мой взгляд, нет. Ни НДР, ни «Яблоко», ни «Демвыбор» таких шагов не делают. Союз промышленников — организация скорее профессиональная, она выражает позицию директоров, а не буржуазии. Да и то Вольский по телевидению просит не называть их «красными директорами». Это естественно, потому что они хотят работать при любой власти.

Со стороны промышленников как социальной группы мы не видим даже мелких жестов, выражающих патриотизм. Если они их делают на личной основе, то тайком. Видимо, обстановка в их среде не позволяет «раскрываться». Посмотрите, как бедствует единственный центральный журнал русских писателей, «Наш современник». Он ежегодно снижает тираж, его нет в библиотеках. Поддержать его — ничтожная сумма для собственников российской промышленности, просто ничтожная. Но ведь никто ее не дает. Что-то мешает.

Еще вопрос — иностранные владельцы акций. Они уже сегодня владеют существенной долей собственности, а мы еще просим инвестиций. Кто они — часть национальной буржуазии или противники? Ю. Белов видит у Запада «стремление уничтожить Россию как централизованное, национально независимое государство». Значит, противники. Но разве пойдет «национальная» часть собственников на конфронтацию с ними?

Здесь надо вспомнить побочный тезис Ю. Белова: «будет Россия независимой, стало быть, будет она и социалистической». Почему? Если сейчас, при нынешнем распределении собственности, дела в хозяйстве вдруг пойдут так хорошо, что Россия станет независимой мировой экономической державой — то какие будут основания менять этот общественный строй, возвращаться к социализму?

По-моему, в тезисе Ю. Белова спутаны причина и следствие. Россия будет независимой только в том случае, если вновь станет социалистической. Во многом именно вследствие этого и произошла революция 1917 г. Независимая в прошлом веке Россия быстро стала терять независимость при развитии капитализма и усилении банков. Основной капитал главных отраслей промышленности прибрали к рукам иностранные банки. Перед Первой мировой войной в горной, горнозаводской и металлообрабатывающей промышленности России 52% капитала было иностранным, в паровозостроении — 100%, в электрических и электротехнических компаниях — 90%. Все имеющиеся в России 20 трамвайных компаний принадлежали немцам и бельгийцам и т.д. Почему же сегодня будет иначе? Разве решится и сможет «национальная буржуазия» порвать с

МВФ, отказаться от вступления в ВТО — бросить вызов Западу? Не решится и не сможет.

Третий вопрос — как совместить идею соглашения с буржуазией и программу КПРФ, не говоря уж об идеологии? Ю.Белов пишет, что соглашение возможно, если КПРФ «в непримиримой и последовательной борьбе добьется гарантий социального минимума, социальной справедливости для людей наемного труда». Это — парадокс, которого я лично понять не могу. Или соглашение — или непримиримая борьба, вместе никак. Соглашение (в виде перемирия, мира или капитуляции) возможно после непримиримой борьбы, но именно против нее Ю. Белов и выступает, вернее, считает ее невозможной. В этом пафос статьи.

Скорее всего, оговорка о борьбе — риторика, ибо понятия «социальный минимум и социальная справедливость» туманны и даже неопределимы. Все их обещают, но у всех они различны. Правительство установило «минимальную зарплату» — 5 долларов в месяц. Чего же еще? Ах, мало? Тогда вообще ничего не получите. Если КПРФ возглавит непримиримую борьбу за социальную справедливость в понимании трудящихся, ни о каком соглашении с буржуазией не будет и речи. Потому что, если в этой борьбе КПРФ победит, национальная буржуазия потерпит поражение в конкурентной борьбе и перестанет существовать. Она может продержаться на открытом рынке только за счет зверской эксплуатации рабочих. Подпитки из «третьего мира» она не имеет.

Если КПРФ всерьез переходит к поиску соглашения с буржуазией, это означает, что она берется блокировать борьбу рабочих. Только этим и может быть ценно соглашение с ней для буржуазии. Хорошо это или плохо — дело выбора, и я не буду давать оценку. Надо лишь, чтобы выбор был трезвым.

Наконец, пятый вопрос, которому посвящено 2/3 статьи, — воплощение альянса КПРФ с буржуазией в виде госкапитализма (видимо, предполагается, что левые на волне социального протеста приходят к власти, а иначе буржуазия сама определит свои отношения с государством).

Чем хорош госкапитализм и что это такое, Ю. Белов объясняет так: «Государственный капитализм — предтеча социа-

лизма, доказывал Ленин... Атрибуты госкапитализма представлены в характеристике «нового курса» Рузвельта». Это утверждение — парадокс, потому что «новый курс» никаким предтечей социализма не был, он укрепил капитализм, вдохнул в него новую жизнь.

Аргументация «от истории» предельно противоречива. Да, «Ленин доказывал» — но ведь не доказал. Пожалуй, даже наоборот. После Октября, надеясь на мирный ход революции, он развивал концепцию госкапитализма. Она была положена в основу политики ВСНХ, готовились переговоры с промышленными магнатами о создании крупных трестов с половиной государственного капитала (иногда и с крупным участием американского капитала). До марта 1918 г. Госбанк выдал очень крупные ссуды частным предприятиям. Но ничего из этого не вышло — буржуазия на соглашение не пошла.

Владельцы крупных предприятий повели дело к распродаже основного капитала и ликвидации производства. В ответ начался стихийный захват промышленных предприятий рабочими. Требуя национализации, обращаясь в Совет или правительство, рабочие стремились прежде всего сохранить производство (в 70% случаев эти решения принимались собраниями рабочих потому, что предприниматели не закупили сырье и перестали выплачивать зарплату, а то и покинули предприятие). Невыплата зарплаты рабочим за один месяц уже была основанием для постановки вопроса о национализации, а случаи невыплаты за два месяца подряд считались чрезвычайными.

В июне 1918 г. была уже национализирована целая отрасль, нефтяная промышленность, из-за полной остановки нефтепромыслов и бурения, брошенных предпринимателями. 20 ноября 1920 г. были национализированы все промышленные частные предприятия с числом рабочих свыше 5 при наличии механического двигателя или 10 рабочих без мотора. Таким образом, госкапитализм в России не состоялся, и положительным аргументом тот опыт никак быть не может.

Еще более далека от наших дел сама ленинская теоретическая концепция. Во-первых, у нас сегодня нет той необходимости в госкапитализме, которая была в 1918 г. (привлечение

буржуазии к организации производства). Каха Бендукидзе — не организатор производства на «Уралмаше», а Потанин — на «Норильском никеле». В России есть кадры управляющих. Во-вторых, у нас нет и условий, которые делали госкапитализм возможным в 1918 г., — твердая политическая власть и финансы в руках Советского государства. Сегодня приход КПРФ к номинальной власти при сохранении собственности, финансов и информации у буржуазии никакого «предтечи социализма» не создаст. Просто государство будет приказчиком крупного капитала, вот и весь госкапитализм.

Таким, кстати, был и «новый курс» Рузвельта. Давайте все-таки определим, что КПРФ считает социализмом. Введем какой-то минимум признаков. Но это — отдельная тема. Здесь важнее, что подобия в положении США при Рузвельте и нынешнем положении России нет. Раз так, тезис Ю. Белова, что программа Рузвельта «может использоваться в качестве аналога для поиска выхода из надвинувшейся на нас национальной катастрофы», необоснован. Рузвельт мог пойти на огромный дефицит госбюджета — МВФ пистолет у его виска не держал. И никто не скупал американские заводы по цене в 1 доллар.

Столь же мало подобия между «новым курсом» и нэпом, который Ю. Белов привел как второй главный опыт госкапитализма. Как можно приложить к нему «атрибуты» программы Рузвельта? Но еще важнее, что нэп никак не был воплощением ленинской концепции госкапитализма, он был именно новой политикой.

Ленин сам подчеркивал, что главный смысл нэпа — «смычка с крестьянской экономикой». В основу политики была положена концепция А.В.Чаянова, который исходил из развития трудовых крестьянских хозяйств без наемного труда с их постепенной кооперацией. Это — не капитализм. Даже отвергнутую альтернативную программу Л.Н. Литошенко (развитие фермерских хозяйств) можно было бы считать госкапитализмом лишь с очень большой натяжкой.

Да и что дает пример нэпа? Перед Россией сегодня стоит задача совершить прорыв, мобилизационную программу развития, чтобы хотя бы предотвратить опасность вала техногенных катастроф. А нэп лишь позволил подкормить людей и

восстановить село. Он не имел внутренних стимулов для интенсивного развития, 90% пашни вернулось к трехпольному севообороту. Производство зерновых остановилось примерно на довоенном уровне: 1913 — 76,5 млн. т; 1925 — 72,5; 1926 — 76,8; 1927 — 72,3; 1928 — 73,3; 1929 — 71,7. Если бы нэп продолжался, годовой прирост валового продукта опустился бы ниже прироста населения — страна неуклонно шла бы к социальному взрыву. Этот вывод сегодня важнее, чем необходимость в 30-е годы подготовки к войне. Поэтому даже если бы мы посчитали нэп корректным примером госкапитализма, он тоже положительным аргументом сегодня служить не может.

Главный тезис Ю. Белова о переориентации КПРФ на соглашение с буржуазией неявно поднимает вопрос о месте компартии в обществе современной России. В ряде заявлений КПРФ объявила о своем отказе от радикального восстановления основных принципов советского общественного строя. Следовательно, компартия будет действовать в рамках буржуазного государства. При этом социальное расслоение в России уже достигло уровня, невиданного ни в одном буржуазном обществе, и положение большинства населения ухудшается. Это значит, что главной тенденцией будет не ослабление, а усиление социального противостояния, сдвиг трудящихся к более радикальным формам протеста. Любая левая партия в таких условиях стоит перед дилеммой: идти на соглашение с буржуазией и участвовать во власти — или остаться в оппозиции и бороться с властью.

В сложившихся буржуазных обществах, далеких от революционной ситуации, левые силы имеют две ветви: социал-демократы и коммунисты. Социал-демократы идут во власть, чтобы оттуда смягчить положение трудящихся и предотвратить социальный взрыв. Коммунисты остаются в оппозиции и организуют борьбу, вырывая уступки силой. То есть функция соглашения и функция борьбы разделяются между двумя структурами. Обе они необходимы и дополняют друг друга.

Компартия нужна обществу такого типа именно не у власти. Если же происходит катастрофический кризис, компартия быстро усиливается именно потому, что, не будучи по своей природе соглашательской партией, она способна органи-

зовать программу чрезвычайных мер (от продрозверстки до войны сопротивления). Можно сказать, что даже буржуазии коммунисты-соглашатели полезны лишь в очень краткосрочной перспективе, на момент. А коммунисты в оппозиции необходимы как условие общей выживаемости общества (это — отдельная большая тема).

Конечно, если альянс с национальной буржуазией действительно станет выбором КПРФ, то она вовсе не обязана его обосновывать. Если все же считается нужным привести логичные доводы, чтобы кого-то убедить или хотя бы объяснить, то над этими доводами «мудрым людям» следует еще потрудиться.

1998 г.

СЕКТА — ИЛИ ОПОЛЧЕНИЕ?

В России сложилось действительно тяжелое положение, которое вовсе не «чревато» прорывом, как это было в 1917 г. Около 90—95% граждан в душе отвергают (по разным причинам) не только нынешнее безвременье, но и в принципе «проект Чубайса». Однако в них не рождается политической воли, чтобы воплотить свое отрицание в деятельную позицию — хотя бы на выборах. Более того, в них не возникает диалога, чтобы договориться хотя бы по немногим главным вопросам. В народе, который, в общем, един в отрицании Чубайса, не возникло того авторитетного меньшинства, что могло бы договориться внутри себя и предложить какой-то положительный проект.

Противостоящее большинству явно антинациональное меньшинство оказалось способно так манипулировать общественным сознанием, что вырабатываемые интеллектуальными службами режима мифы раскалывают большинство на множество неустойчивых, не имеющих прочной идейной основы групп. Эти группы погрузились в слабый, текучий взаимный конфликт, из которого не возникает никакого сильного, сплачивающего мнения.

В момент культурного кризиса в Испании, похожего на наш, Ортега-и-Гассет писал: «Фихте гениально заметил, что секрет политики Наполеона и вообще всякой политики состоит всего-навсего в провозглашении того, что есть, где под тем, что есть, понимается реальность, существующая в подсознании людей, которая в каждую эпоху, в каждый момент составляет истинное и глубоко проникновенное чаяние какой-либо части общества».

Казалось бы, чего проще: не надо ничего изобретать, провозгласи именно то, чего хочет «какая-либо часть общества». Но именно это понять сегодня в России очень трудно. И в Рос-

сийской империи, и в СССР существовали в каждой части общества «форумы», на которых вырабатывалось и выяснялось чаяние каждой части. Сельские сходы и дворянские собрания, земства и экономические общества, кадеты и профессура — все это были ячейки единой сети. Через многие каналы, без всяких СМИ, из каждой ячейки в общество поступал «голос», который находил своего выразителя. И довольно точно можно было понять, каково проникновенное чаяние крестьян, рабочих, дворян, инородцев и т. д. В советское время, пока возникшие во времена Хрущева кланы региональной элиты не начали активно деформировать «голоса», также можно было понять чаяния и обиды каждой части общества. Сегодня мы впервые оказались в таком положении, когда совершенно все форумы разрушены и почти все каналы информации передают ложные сигналы. В результате невозможно сказать, например, каковы чаяния рабочих, учителей, торговцев. Они уже не являются «частями общества». Наполеон бы, конечно, не остановился перед тем, чтобы сплавить их огнем. Но у нас, слава богу, такого Наполеона пока что не видно.

Конечно, следовало бы всем, кто согласен хотя бы в отрицании, все сделать для того, чтобы через выборы отодвинуть от власти клику разрушителей. Любой положительный проект возможен лишь в том случае, если все деморализованные «части общества» реально получают голос, а каналы передачи информации перестанут злонамеренно искажать сигналы. Тогда возникнет диалог и можно будет договориться о приемлемом проекте выхода из ямы — без войны.

Белоруссия понемногу восстанавливается именно благодаря взаимодействию народа и власти. Но оно стало возможным как раз потому, что разрушение здравого смысла не достигло в Белоруссии той критической черты, которую оно перешло в России, — люди сумели выбрать президентом здравомыслящего директора совхоза. Он, в свою очередь, не совершая никаких революций, своим простым и здравым языком провозгласил то, что есть — «истинное и глубоко проникновенное чаяние» большей части общества. И результат поражает: люди преодолели ложное ощущение беспомощности. В разительном контрасте с соседними областями России бе-

лорусы распахивают сегодня все доступные клочки земли. По дорогам катятся «постсоветские» телеги на резиновом ходу, сделанные уже на промышленных предприятиях. За телегами бегут жеребята. В Минске на газонах пасутся козы, и старушки по вечерам уводят их в какие-то сараюшки из фанеры. Шушкевич еще рыдает по загубленной демократии, но уже видно — белорусы не пропадут, они вылезают из ямы.

Если в результате выборов в России удастся хотя бы на время парализовать действия нынешней клики (вычистить ее с ключевых должностей госаппарата будет намного сложнее), то восстановление здравого смысла пойдет очень быстро — вновь овладеть ситуацией команда Чубайса не сможет. Но для этого, конечно, потребуются смелые шаги — создание хаоса, подобно тому, как в 20-е годы потрясали бюрократический аппарат, на время назначая в каждое учреждение инспекторов из «рабочих от станка». Это были просто разумные люди, не связанные коррупцией. Они всюду совали свой нос и уважительно спрашивали: «А почему вы сделали вот так?». Уже этим они осаживали снюхавшихся прожженных чиновников, пока не был создан и обучен «орден меченосцев» — номенклатура, честно тянувшая лямку два поколения. Да, через два поколения она выродилась и разложилась, нужен был иной механизм. Я говорю не о том, чтобы копировать старые приемы, а о том, что мы снова встанем перед вечной проблемой — исключительной живучестью циничного и продажного правящего слоя. Этой, как говорил Сталин, «касты проклятой».

Выборы могут дать много, но они сами по себе не решают главной проблемы: «сборка» общества начнется лишь тогда, когда удастся преодолеть борьбу множества несовместимых «чаяний», которые нам успели насовать в головы. Когда мы хотя бы в общих чертах договоримся о том, чего же мы хотим (или, для начала, чего мы не хотим). Для этого мы должны хотя бы в части нашей оппозиции перейти на язык, исключаящий отработавшие идеологические штампы и расхожие, навязанные нам метафоры. Хотя они привычно слетают у людей с языка и политики их охотно применяют, «чтобы быть понятными людям», сегодня они, в большинстве своем, лишены глубокого смысла, который бы мог соединить людей. Как говорил в

той же работе Ортега-и-Гассет, «в эпохи кризисов расхожие суждения не выражают истинное общественное мнение».

На днях я делал доклад в одном патриотическом собрании. Как ни юлил, расстроил старых уважаемых обществоведов. Один из них, отбросив дипломатию, прямо спросил меня: «Вы, такой-сякой, в конце-то концов, какой идеологии придерживаетесь?». Хотел я ответить, как Чапаев, но, вижу, ситуация другая. Чапаевы-то вот они, с шашками наголо сидят, — а я перед ними безоружный крестьянин. До двери не добежать. Говорю: «Коммунистической!». Угадал я, все обошлось, даже цветы мне подарили. Помню, в преддверии XX съезда к одному из моих дядьев подошел у пивного ларька здоровенный мужик, взял за шиворот, приподнял и спросил: «Ты за кого, за Сталина или за Хрущева?». Дядька мой в гражданскую и после был беспризорником, жизнь знал и ответил: «Я — как народ!». Мужик был очень доволен: «Правильно, друг! Так и надо!».

Сегодня, в момент вполне реального, а не надуманного, кризиса идеологий, неразумно верить человеку или проклинать человека в зависимости от того, как он себя назвал. «Расхожие суждения» вроде коммунист, социал-демократ или демократ потеряли четкий смысл, если они не сопровождаются набором содержательных утверждений. Ведь на том собрании, где я объявил себя коммунистом, допрос могли продолжить — и сразу бы все переругались. И Лукьянов коммунист, и Рыжков, и Анпилов, и, говорят, даже какой-то Бузгалин. Что получится, если мы начнем трясти друг друга за шиворот: «Ты за какой Интернационал?». Моим уважаемым товарищам, которые до сих пор верят в старые штампы, я бы напомнил проверенный на опыте факт: они давно утратили способность определять, кто коммунист и кто нет. Не действуют старые признаки, да и подзабыли они их. Начиная с 1987 г. Горбачев быстро и необратимо отходил не только от коммунизма, но даже и от социал-демократии — а на каждом пленуме ЦК КПСС его выбирали генсеком компартии и аплодировали. Шипели в коридоре, но по второстепенным вопросам. Пока в 1991 г. сам Горбачев с хохотом не запретил компартию. Только тогда смекнули.

Мой вывод может показаться пессимистическим, но лучше не строить несбыточных иллюзий: победа на выборах,

даже убедительная, лишь создаст условия для починки общества и остановит падение в пропасть. Но она еще не приведет к согласию достаточного ядра народа на то, чтобы предпринять решительные и болезненные усилия по выходу из кризиса. Слишком большая часть молодежи «еще не нагулялась». Силой загнать ее к станкам и за парты невозможно, она должна созреть. Сейчас и телевидение режима, и некоторые лидеры оппозиции вселяют надежды: России простят часть долга (кстати, на каких политических условиях?), наши сыщики вернут из-за границы часть украденных денег — это же миллиарды долларов, о-го-го! А там, глядишь, патриотическое правительство национализирует нефть и газ. Вот и подкормимся, никакой кризис нам не страшен.

Не знаю, зачем оппозиция навевает этот сон золотой. Простые подсчеты показывают, что все это — крохи. По сравнению с теми средствами, которые Россия потеряла из-за разрушения производственной системы, все эти доходы — мелочь. Особенно пострадала основа всего, сельское хозяйство, — утрачивает плодородие почва без удобрений, добыта техника, вырезана половина крупного скота и почти все овцы. В этом году капиталовложения в село примерно раз в 200 меньше, чем в 1988 г., а ведь то, что вкладывалось тогда, лишь поддерживало стабильное производство с небольшим ростом.

За годы реформы сельское хозяйство России недополучило почти миллион тракторов. Значит, только чтобы восстановить уровень 80-х годов в оснащении тракторами, нужно порядка 20 млрд. долларов — весь годовой госбюджет 1999 г. Только тракторы! И ведь тогда восстановится техническая база, на которой стояли колхозы, — а колхозов-то уже нет! Фермерам для нормальной работы нужно в десять раз больше тракторов, чем колхозам. Ну, допустим, русский фермер во славу демократии и рынка запряжет в плуг жену и детей — все равно раз в пять тракторов надо больше. Значит, 100 млрд. долларов — только на создание нормального тракторного парка уровня 1987 г. А удобрения? А комбайны и грузовики? А морской флот? А трубопроводы, которые десять лет не ремонтировались? А промышленность и электростанции? Иномарками и мобильными телефонами это все не заменишь.

Что делает рачительный хозяин в таком положении, как сегодня? Собирает и вкладывает все доступные средства в производство, прежде всего в сельское. Тут не до комфорта, все деньги — на плуг, на трактор, на грузовик. Что же мы видим? «Проект Федеральной адресной инвестиционной программы на 1999 год» (приложение к госбюджету) гласит: «В рамках Бюджета развития в машиностроении намечается привлечение частных отечественных и иностранных инвестиций для реализации важнейших проектов в автомобильной промышленности, например: проекты сборочного производства автомобилей «Фиат», легковых автомобилей моделей «Ассоль», «Орион», «Кондор», легковых автомобилей «Форд»... и т. д.».

Итак, строительство автомобильных заводов по западным лицензиям. Туда — все деньги. Туда — металл, горючее, рабочие руки. Даже не на автобусы и вагоны, которые рассыпаются, а на элегантные автомобильчики. Но ведь это абсурд, господа-товарищи! У нас что, стоят очереди за автомобилями и люди не знают, куда пристроить лишние 10—15 тысяч долларов? Тракторов нет, зато автомобиль «Ассоль» будет. Романтика... Да в Россию скоро уже настоящие кондоры слетаться будут, на пир стервятников.

Массовая автомобилизация — один из тупиков Запада. Россия в него не лезла, и слава богу. Даже богатейшие страны не могут содержать одновременно две массовые транспортные системы — на базе собственных автомобилей и на базе общественного транспорта. Но они хотя бы могут содержать массу автомобилей — за счет перекачки огромных средств из «третьего мира», а мы же этого не сможем. В США владелец автомобиля оплачивает лишь 2/3 реальных затрат на содержание шоссе, остальное — из местных налогов. Федеральные государственные субсидии на обслуживание шоссе составляют от 68 до 85 млрд. долларов в год. В Германии государство на каждый пассажиро-километр на автомобиле расходует вдвое больше средств, чем стоил бы авиабилет, — расходует за счет всех налогоплательщиков. Не говоря уж о затратах энергии. Что означало бы резкое увеличение числа автомобилей в России, даже если бы их реально купили? Дальнейшее

резкое обеднение тех, кто автомобилей бы не купил, и полный паралич производства из-за нехватки топлива.

Это, конечно, частности. И не то главное, что какие-то лоббисты в правительстве насовали в бюджет таких проектов. Страшно то, что весь наш политический мир просто не замечает этой череды нелепостей. А мы все настолько верим нашим неподкупным депутатам, что и сами не интересуемся. А если заинтересуемся, то не задаем вопросов. А если и задаем вопросы, то не требуем ответов.

На деле здравомыслящим людям уже ясно: выйти из кризиса и восстановить приемлемый образ жизни можно только через новую программу индустриализации, которая возможна лишь при солидарном участии всего общества. При сознательном отказе от всех излишеств и собирании средств на возрождение сначала сельского хозяйства, а затем промышленности. Для этого хотя бы на время придется отказаться от монетаризма — для купли-продажи всей массы ресурсов, необходимых для такой программы, никаких денег не хватит (да они все равно утекли бы, не удержишь). Монетаризм — для производства баракла на частных предприятиях. Ведь многим хочется быть предпринимателями — богатеть, разоряться, бегать от рэкетиров. Конечно, при этом нет никакой необходимости возвращаться к тупой распределительной системе. Даже во время войны 90% продуктов шло на скромное, но надежное питание всем, а 10% — в коммерческие магазины. Гульнуть ведь тоже бывает надо. А сегодня для очень многих надо иметь доступные витрины и вид прилавков, как в западных супермаркетах. Ради бога, для этого много продуктов не требуется. Пусть Евтушенко падает в обморок от колбасы не где-то на Западе, а в его любимой России — он ведь все-таки наш национальный поэт, неудобно посылать его для обмороков за рубеж. Все это возможно, средства в стране пока есть. Но ведь никаких признаков поворота к такой программе не видно.

Мы не начнем выбираться из нынешней ямы, если не решим одну задачу, к которой пока что даже не подступили. Если не найдем общего языка с молодежью и не объясним ей, что с нами произошло и почему продолжать эти «реформы» — верная гибель. А ведь это и себе-то объяснить непросто, иначе бы

такая масса разумных людей в эту «реформу» не поверила бы. Именно поколение 20—40-летних решает сегодня судьбу России. Кто бы ни пришел к условной законной власти через выборы, именно от этого поколения он должен получить согласие на трудный поворот. Именно это поколение вынуждено будет отказаться от несбыточных иллюзий и даже от того потребительского «счастья», которое почти было у него в руках. С этим поколением и должен быть установлен диалог — чем скорее, тем лучше. И для этого диалога нужен новый язык.

Даже если бы тот язык, на котором говорят сегодня «ученые социалистической ориентации», был правильным (а это вовсе не очевидно), он не годится потому, что молодежь его не приемлет. Тот, кто действительно хочет диалога, не должен обвинять собеседника в том, что тот не понимает его языка. Он должен находить понятные собеседнику слова и доводы — сам учить его язык или искать переводчика. Но мы от этой работы бежим. Наши патриотические собрания — это типичные собрания сект, на которых мы должны согреть друг друга близкими и приятными словами. Наши газеты заполнены проклятиями в адрес двух условных, ставших почти абстрактными противников — демократов и Запада. Совершенно никакого диалога из этого проклюнуться не может. Наоборот, мы все больше замыкаемся в капсулу. Выборная кампания может быть прекрасной трибуной, чтобы начать разговор, но мы должны изменить наше поведение самым коренным образом.

Я активно участвовал в кампании выборов в Думу 1995 г. Тогда демократы были деморализованы и робко шли на диалог. И на собраниях я заметил важную вещь: самые умные и действительно жизненные вопросы кандидатам от КПРФ задают их противники, демократы. Те, кто усомнился уже в Чубайсе, но был враждебен коммунистам и поэтому не стеснялся поставить их в неловкое положение своими вопросами. Сторонники же, зная, как трудно на эти вопросы ответить, своим кандидатам их не задают. Тогда наши кандидаты, насколько я мог видеть, чаще всего обрывали демократов. Кто бы, мол, спрашивал, а вы, гады, страну угробили. И вроде бы аудитория была довольна, но, думаю, довольна на момент. А вред такой уход от диалога нанес большой.

Конечно, трудно обращаться к людям, которые тебе не доверяют или настроены к тебе враждебно. Но мы и могли бы, пока есть время, использовать наши собрания и наши газеты, чтобы между собой, в учебных, а не боевых, условиях, разобраться в двух разных, но связанных вещах. Во-первых, как мы сами видим перспективы преодоления кризиса. Как можно выходить к людям, когда один говорит о необходимости восстановления плановой экономики, а другой, из того же лагеря, уже десять лет повторяет, что «социализм — это путь к обрыву»? Во-вторых, мы должны определить то минимальное ядро общих интересов, по поводу которых можно прийти к соглашению и которое достаточно для преодоления кризиса. И найти те доступные для затуманенного разума понятия, в которых это соглашение может быть записано. Понятия эти должны быть осязаемыми, жесткими, абсолютными. Туманные выражения вроде «социально ориентированная рыночная экономика» или «смешанная экономика», или «равноправие всех форм собственности» для такого разговора непригодны. Ополчения не собрать, если не договориться, за что и против чего мы идем воевать.

1999 г.

РЕВОЛЮЦИЯ — ИЛИ ГИБЕЛЬ

Один из вопросов, который многие переживают как внутренний конфликт оппозиции, — отношение к революции. Допустима ли она вообще как средство решения главных социальных проблем? Если да, то в каких условиях? Могут ли такие условия возникнуть в России? Имеют ли право патриоты, желающие охранить свой народ от страданий, ответить на революцию воровского антинационального меньшинства, перехватившего власть КПСС, «симметричным» способом? Или они должны, как мать в древней притче, отдать дитя коварной и жадной женщине, но не причинить ему вреда? И что надо понимать под революцией, каковы ее отличительные признаки? По всем этим вопросам у нас после истмата каша в голове. Давайте для начала хоть упорядочим проблему, разложим ее по полочкам. Тогда многое нам подскажет просто здравый смысл.

Мы отличаем революцию от реформы, хотя граница размыта. Революция — это быстрое и глубокое изменение главных устоев политического, социального и культурного порядка, произведенное с преодолением сопротивления целых общественных групп. Это — разрыв с прошлым, слом траектории развития, сопряженный с неизбежным страданием части общества, которую подавляет революция. Реформа — изменение бережное, производимое через диалог и поиск общественного согласия, без разрыва с прошлым и без разжигания конфликта, которым революционеры пользуются для того, чтобы оставить недовольных без компенсации.

Те, кто принципиально отвергает революцию, ссылаются на то, что якобы насилие (в пределе — гражданская война) есть обязательный инструмент революции. Вообще говоря, это — тезис второго порядка. К его обсуждению надо переходить лишь после того, как мы придем к выводу, что без насилия спасение возможно, иначе он просто не имеет смыс-

ла. Человек, на которого напал убийца, всегда предпочтет договориться с ним миром или убежать. Но если это очевидно невозможно, единственным средством спасения оказывается насилие — сопротивление с использованием силы. Но в нас отрицание насилия пока что настолько сильно, что придется начать рассуждение именно с этого второстепенного пункта. Считать, что революция неизбежно сопряжена с насилием, — следствие незнания, целенаправленно созданного советским охранительным обществоведением (я отвергаю мысль о сознательном подлоге). Давайте разберем этот тезис-заклинание на известных фактах.

Революция и гражданская война — явления, лежащие в разных плоскостях. Могут совпадать, а могут и не совпадать. Было множество гражданских войн без революций. Мы свидетели таких войн и сегодня. Эти войны внимательно изучаются, и уже накоплен огромный материал. Только за последние 20 лет в мире произошло множество разрушительных войн без всякого намека на революцию. О некоторых мы в России знаем мало, например о тяжелой гражданской войне в Нигерии. Ближе нам была война в Ливане в начале 80-х годов, которая разрушила цветущую страну, — ни о какой революции там не было и речи. То же самое мы видим в Югославии и Алжире, начинается война в Индонезии. Мы можем назвать условия возникновения таких войн, но среди необходимых условий вовсе не фигурирует революционный проект.

Рассмотрим теперь обратный тезис. Нам могут сказать: да, бывают гражданские войны без революции, но нет революции без гражданской войны. Это неверно, революция вовсе не обязательно сопряжена с гражданской войной (можно даже сказать, что гражданская война — редкий случай в революции). Революция — глубокое изменение за короткий исторический период отношений собственности, политического устройства, идеологической надстройки и социальной структуры общества. Конечно, при любой революции есть риск социальных конфликтов и вспышек насилия, но если революционные силы имеют политическую власть, этот риск можно свести к минимуму, а то и полностью устранить. Сразу заметим, что риск конфликтов и насилия велик во время всякого глу-

бокого кризиса и, как правило, в самой страшной форме этот риск воплощается в жизнь как раз в том случае, если отсутствует революционный проект разрешения кризиса.

Известно, что в истории были глубокие революции без гражданских войн и насилия (например, буржуазная революция 60-х годов прошлого века в Японии). Это настолько тривиально, что нечего об этом и спорить. Без насилия была совершена буржуазно-демократическая революция в Испании после смерти Франко в конце 70-х годов, совсем недавно. Здесь была использована новая, довольно сложная политическая технология гласных переговоров между революционными и консервативными силами с подписанием детальных соглашений («пакты Монклоа») и выработкой процедур контроля за их соблюдением. Вообще в зарубежном обществоведении проблема революции в нынешних условиях разрабатывается очень интенсивно. Общий вывод такой: революции снова становятся важным типом переходных процессов в обществе, но сегодня революции должны быть ненасильственными. Не только могут, но и должны быть такими. Ряд находок воплощен в жизнь. Самым блестящим подходом, видимо, следует считать идущую уже более десяти лет ненасильственную революцию палестинцев — интифаду. Все попытки сорвать ее, пустив процесс по пути насилия (поощряя арабский терроризм), провалились.

Тезис о том, что революция, если хорошо подготовлена и правильно выполняется, обходится без насилия и гражданской войны, доказан и нашим собственным опытом последних 15 лет. Что произошло в СССР и России? Антисоциалистическое течение в номенклатуре, осознав себя как потенциальных собственников национального достояния, получило поддержку Запада и приступило к длительной идеологической и кадровой подготовке антисоветской революции. Были подготовлены и союзники — утопически мыслящая интеллигенция и заинтересованный крупным кушем преступный мир. Сегодня интеллигенция отброшена, как отработавшая ступень ракеты (не будем употреблять обидное сравнение с ненужной грязной тряпкой), а из бандитов формируется новая элита российского общества, вплоть до меценатов. На наших

глазах группировки Горбачева и Ельцина (название условное, но понятное) совершили ряд этапов революции огромных масштабов практически без насилия. Даже та кровь, которая уже пролита, не была реально необходима, а служила политическим спектаклем. Чтобы создать в обществе культурный шок, парализующий сознание.

В 1988 г. эта революция вступила в открытую стадию и была совершенно откровенно декларирована. Об этом говорят и речи Горбачева, и теоретические статьи его «прорабов» в академических и партийных журналах. В 1988—1991 гг., в период неустойчивого равновесия, отвергать революционный подход означало защищать и советский строй, и всю систему жизнеобеспечения народа — экономику, науку, здравоохранение. Тогда консерватизм был вполне оправдан. Но сегодня то положение изменилось радикально! Сегодня отказываться от столь же глубокого восстановления хотя бы равновесия конца 80-х годов — значит узаконить, закрепить на длительный срок преступный, разрушительный для хозяйства захват и вывоз общенародной собственности, паралич хозяйства и вымирание народа.

Социал-демократы Запада отрицают революционный способ изменения их стабильного, находящегося в равновесии общества, отказываются вести в нем подрывную работу. И правильно делают. Но в реальной ситуации нынешней России отрицать революционный подход — это совершенно иное дело. У нас речь идет о революционном восстановлении жизненно необходимых устоев общества. Можно даже сказать, о восстановлении самого общества, минимума условий его существования. О том, например, чтобы силой власти, то есть революционным путем, прекратить насильственное растление детей специально созданной для этого продукцией телевидения. Сегодня овладение СМИ — вопрос именно революции, не в меньшей степени, чем было овладение банками в 1917 г. Ведь ясно, что никакими «рыночными» средствами власть над СМИ установить невозможно, ибо это вопрос не экономики, а политики.

По сути, отказ от революции означает согласие оппозиции признать законность произошедшего в СССР переворота,

пойти на «нулевой вариант» — и с нынешнего момента начать «эволюционное» соревнование разных форм собственности и различных форм жизнеустройства. На мой взгляд, это иллюзии. Уповать на «эволюционное» восстановление после катастрофы — это все равно, что после взрыва на химкомбинате сказать: ну вот, теперь пусть его структуры возрождаются естественным путем.

Рассмотрим подробнее. Выбор между эволюционным и революционным изменением нынешнего положения сводится к вопросу: возможно ли в реальных условиях России восстановление народного хозяйства и приемлемого уровня жизни граждан при нынешних отношениях собственности, характере распределения дохода, финансовой системе, доступе к информации и системе власти? Те, кто отрицает революцию, неявно утверждают, что это возможно. Но утверждают это именно неявно, потому что никаких возможностей для этого не видно — не только проверенных на практике, но даже воображаемых. В том коридоре, в который реформаторы загнали Россию (строгое выполнение программы МВФ и вступление во Всемирную организацию торговли с отменой таможенных барьеров и дотаций отечественным производствам), все серьезные аналитики на Западе прогнозируют быстрое сокращение населения России и уход русских с Севера и из Сибири. В этом нет никакой злой воли — расчеты «Римского клуба» не предписывают нам вымирание, они отражают реальные, проверенные десятком лет тенденции. При раскрытии России глобальной рыночной системе промышленное и сельскохозяйственное производство в ней невыгодны. Это вывод объективный, а не идеологический, в этом Гайдар не виноват. Как же выйти из этого положения без революционного перехода к иному порядку?

В ответ мы слышим, что выход — в «соглашении с национальной буржуазией». Этот ответ вызывает недоумение и порождает еще больше вопросов, на которые нет ответа. Почему «буржуазия», которая всеми способами вывозит капиталы за рубеж, вдруг раздобрытся и отдаст их на восстановление Родины? Чем же ее можно прельстить? Ведь если оппозиция всерьез признает рыночную экономику и обещает не трогать

ее святые принципы, то надо считать законным и разумным, что капиталы уплывают туда, где с них можно получить более высокую и надежную прибыль. А значит, вон из России! Производство здесь при рынке убыточно, и снижением налогов на 10% дела не поправить.

Второй источник средств, на который иногда указывают, — национализация прибыльных производств. Это — более чем странный тезис. На 1999 г. предполагается получить дивидендов по акциям, принадлежащим государству, 1,5 млрд. рублей. Допустим даже, что все эти дивиденды дает «Газпром» — самая прибыльная отрасль. В ней государство имеет 32% акций. Ну, национализировали эту отрасль, выкупили или отобрали все акции частных. Сколько будет дохода? Менее 5 млрд. рублей. Те, кто уповают на национализацию, не знают этих цифр? Может быть, есть какая-то тайна, которая нам не известна? Так скажите.

Прибыльными сейчас остаются лишь производство газа, нефти и металлов. Но частный капитал убыточное производство вести не может, следовательно, все отрасли, оставляемые частникам, просто будут свернуты. То есть, хозяйство как система будет уничтожено. Не говоря уж о том, что средства, которые таким образом можно добыть, по сравнению с потерями от реформы просто ничтожны. Дело не в том, чтобы где-то что-то раздобыть, а в восстановлении всей системы производства. Да и вообще дело не в том, у государства собственность или у частного, а в том, какое это государство и что это за частник. Если государство не меняется, то и национализация мало что даст. Можно и без воровства растащить все деньги — назначить государственным директорам, как в РАО «ЕЭС», оклады по 20 тысяч долларов в месяц, вся прибыль на это и уйдет.

Мы имеем сегодня прекрасный эксперимент: полгода действует правительство Е.М. Примакова, поддержанное оппозицией. Весь экономический блок координирует коммунист Ю.Д. Маслюков. Можно считать, что принципиального улучшения состава этого правительства не было бы даже после победы оппозиции на выборах. Заметных помех деятельности правительства администрация президента не создает. Каковы же реальные результаты такой «эволюционной» сме-

ны правительства без изменения главных черт общественно-го строя? Реальных результатов практически нет. Те рычаги воздействия на хозяйство, которыми располагает правительство, положения изменить не могут. Это видно из бюджета 1999 года. Да и три года деятельности «красных губернаторов» почти в половине областей России дали, скорее, психологический эффект. Он очень важен как условие восстановления страны, но условие недостаточное.

Можно поставить и другой вопрос, до которого обычно не доходит дело, но он правомерен. Допустим, в нынешнем коридоре при нынешнем курсе реформ спасения для России нет. Можно ли «изменить курс» эволюционным путем внутри этого коридора, не «перескакивая» в другой коридор? Этот «перескок» и есть революция. Ответ на этот вопрос сегодня затруднен вследствие установки самой оппозиции, которая никак не решится признать, что общество России расколото, что в нем созрел конфликт и интересов, и ценностей. Пока что все дело сводится к пьянству или болезни Ельцина, некомпетентности его команды или вороватости чиновников. Фактически оппозиция отрицает наличие фундаментального противостояния социальных групп. Если бы мы признали наличие этого конфликта, можно было бы составить «карту» расстановки социальных сил, выяснить направление их интересов и ресурсы, которыми они обладают. Тогда было бы видно, какое сопротивление могут оказать «реформаторы» при попытке мягкого изменения курса. Я, например, исходя из приблизительной, доступной мне оценки, считаю, что имеющиеся у «реформаторов и олигархов» средства вполне позволяют им блокировать попытки мягкого изменения курса, но у них нет реальной возможности противостоять революции. Иными словами, революционное изменение курса было бы намного менее болезненным, чем попытка маневрировать «внутри коридора». Революционное изменение воспринималось бы как акция здравого смысла, сопротивление которой не было бы поддержано существенными социальными силами.

Если так, то отказ от революции ошибочен и потому, что даже сами новые «собственники» еще вовсе не считают свою собственность законной и воевать за нее не собираются. Они

будут счастливы удрать с тем, что удалось урвать, — это и так составляет баснословные богатства. О такой установке говорит множество фактов — и непрерывный поток капиталов за рубеж, и распродажа основных фондов, и скупка за рубежом домов уже не поштучно, а целыми кварталами и поселками. Конечно, какая-то часть предприимчивых людей пустила незаконно полученную собственность в дело: отремонтировали магазины, мастерские и даже заводы, занялись извозом на грузовиках и автобусах и т. д. Так им надо сказать только спасибо, и «революция» оппозиции должна их поддерживать. Нет у нас идиотов, которые бы стали уничтожать производительный частный сектор.

На что же может надеяться оппозиция при отказе от революции в самом благоприятном случае — в случае победы на выборах? Может ли страна «откупиться или убежать» от убийцы? Думаю, что нет. По сути, ни на что существенное оппозиция у власти надеяться не может, если за этим не последует мирная законная революция при наличии политической власти. Отвергнув революционное возвращение обществу незаконно изъятной собственности, оппозиция, даже получив видимость политической власти, станет охранителем реальной власти нынешнего режима — ибо реальная власть у тех, у кого собственность и средства информации. Попытка Сальвадора Альенде в гораздо более благоприятных, чем сегодня в России, условиях, была надежным экспериментом. Ведь дело не в Пиночете — он лишь поставил точку, завершил то дело, которое сделали собственники Чили и спецслужбы США экономическими и информационными средствами. Главное — не стрельба Пиночета, а тот факт, что никто не вышел на защиту Альенде.

Значит, оппозиция, став властью, вынуждена будет защищать социальный порядок, который большинство народа не принимает. В мягком варианте мы наблюдаем это в Польше и особенно Венгрии (не говоря уж об Италии, где премьер-министром стал убежденный коммунист). Поляки и венгры проголосовали за экскоммунистов в надежде на восстановление основных структур социалистического порядка, пусть при сосуществовании с капитализмом. Но экскоммунисты, будучи всей душой за это, вынуждены проводить ту же неолибераль-

ную политику, что и их крайне правые предшественники. Вынуждены и дальше сокращать социальные программы, ибо приняли схему МВФ. А до этого мы то же самое видели на Западе при власти социал-демократов. Они отказались от революции, приняли главные принципы рыночной экономики — и свернули «социальное государство», отняли многие завоевания рабочих. Сделали то, что правым было бы сделать не под силу.

К чему же это может привести в России, где основные идеалы и привычки населения являются несравненно более уравнительными, чем в Польше и Венгрии? И где хозяйство разрушено Гайдаром и Черномырдиным в несравненно большей степени, чем это сделал Бальцерович в Польше (перед ним МВФ не ставил такую задачу). Это поведет к тому, что возникнет реальная опасность полной утраты веры в демократический, ненасильственный способ решения социального конфликта. При этом произойдет потеря авторитета главными организациями оппозиции. Станет неизбежным резкий поворот большой массы людей к радикализму при полном отсутствии структур, способных возглавить революцию ненасильственную. И это может произойти обвальным, самоускоряющимся способом. Вряд ли власть удержится на краю пропасти и не прибегнет к насилию, которое будет детонатором. Получается, что отказ от революции создает в России угрозу бунта — вещи несравненно более страшной, нежели организованная революция. Результат будет плачевным: правительство коммунистов или будет вынуждено направлять ОМОН против забастовщиков, или честно уйдет в отставку, признав свою неспособность ответить на исторический вызов.

Надежды на то, что события не пойдут по такому пути, очень малы. Если криминальная революция ельцинистов будет признана оппозицией как свершившийся и узаконенный факт, то сразу сместится линия фронта в общественном конфликте и неизбежно, пусть и постепенно, возникнет радикальное сопротивление, которое не остановится перед насилием. Это будет следствием не идеологии, а инстинкта самосохранения людей. Вина за такой выбор ляжет и на тех, кто отказался использовать шанс мирной восстановительной револю-

ции и на несколько лет задержал формирование сил реального сопротивления. В политической борьбе, как и на фронте, запрещено надевать чужую военную форму. Нельзя называть себя коммунистами и тем самым будить в людях вполне определенные надежды, если ты принципиально с коммунистическим мировоззрением разошелся.

Из этого не следует, что, например, КПРФ следовало бы изменить свою предвыборную платформу, которая исходит из отрицания революционного подхода. КПРФ необходимо пройти по этому пути до полной ясности — иллюзии возможности «переваривания» режима должны быть не отброшены, а испытаны до конца. В июне 1906 г. кадеты первой Госдумы сказали очень важную вещь: «Наша цель — исчерпать все мирные средства, во-первых, потому, что если мирный исход возможен, то мы не должны его упустить, а во-вторых, если он невозможен, то в этом надо вполне и до конца убедить народ до самого последнего мужика». Сегодня речь не об исчерпании мирных средств, а эволюционных средств.

Все то, что сказано выше, возможно, преждевременно, почва для этого еще не созрела. Но она созревает, и процесс этот идет быстро. Так что надо об этом говорить. Пока что есть культурные барьеры, затрудняющие восприятие идеи революции. Россия была традиционным обществом, взорванным в 1917 г. после полувековой «либеральной» подготовки. Но оно восстановилось в виде СССР, и сталинизм был в своих существенных чертах реставрацией после революции (с жестоким наказанием революционеров). В ходе ломки было устранено классовое деление — основа западной демократии как «холодной гражданской войны». Сталинизм означал единение подавляющего большинства народа, максимальную реализацию его общинных принципов. Поэтому революционное начало, тем более идея перманентной революции Троцкого, отвергалось в СССР с огромной страстью. Советское общество стало принципиально неревolutionным.

Мышление советских людей было настолько неконфронтационным, что даже уволить негодного работника для любого начальника стало невыносимой пыткой — легче стало увольнять «через повышение». Даже сегодня, после десяти лет раз-

рушения нашей культуры, в нас сильна инерция уважения к человеку — очень трудно идти на прямую конфронтацию. Когда смотришь парламентские дебаты на Западе, кажется невероятным, как у них совести хватает говорить друг другу такие гадости — пусть вежливые, но для нас совершенно немыслимые. То, что пишет западная пресса о Ельцине, у Зюганова никогда язык не повернется сказать. Ринуться в революцию Горбачева — Ельцина действительно могли лишь люди особой породы, непохожие на основную массу. Они и получили имя «новых русских» — нового, неизвестного народа-мутанта. Пожалуй, и те, кто подталкивал первые русские революции, не были типичным продуктом русской культуры, а тоже были, в известном смысле, «новыми русскими», носителями западного духа. Они разожгли, не зная что творят, русский бунт, в котором сами и сгорели.

Можно поэтому предположить, что отказ от революции, который декларирует оппозиция, связан не столько с рациональным политическим расчетом, сколько с инстинктивным отвращением к этому грубому, разрушительному способу — так отложилась революция в исторической памяти советского человека. Его натура государственника запрещает подрывать даже людоедское государство Ельцина — Чубайса. И возникает глубокое противоречие. Отказываясь от революции, наши лидеры исходят из тайной надежды, что весь этот ужас, навязанный нам властью чубайсов, как-то рассосется. Как-то их Россия переварит, переделает, переманит — как переварила она татарское иго. Хотелось бы в это верить, и надо этому способствовать. Но уповать на это нет оснований. Похоже, ядро новой власти составляет такой тип людей, которые с основной массой народа культурно несоединимы и перевариванию не подлежат — ни Кочубеями, ни Карамзиными они не станут. С ними можно успешно и продуктивно жить, только если они не у власти. Так англичане благополучно сегодня живут и работают в Зимбабве, но никогда бы они не были «переварены» африканцами, куда это была Южная Родезия.

Есть ли выход из этого противоречия? История показывает, что есть — но выход всегда творческий, требующий больших духовных усилий. Речь идет о том, чтобы, отрицая рево-

люционизм, вобрать в себя назревающую революционную энергию новой, воспитанной уже не в советском обществе молодежи. Это значит признать эту революционную энергию разумной и законной и предложить такой механизм ее реализации, чтобы стала достижимой позитивная цель, но не на пути разрушительного бунта. Такой механизм в традиционном обществе Индии нашел Махатма Ганди — но люди видели, что речь идет именно о революции, а не о об иллюзорном «переваривании» английских колонизаторов. Такой механизм нашли испанцы, филиппинцы, палестинцы, в каждом случае по-своему. Это — примеры творчества конкретных культур. Россия — иной мир, и нам самим искать выход.

И все более опасным становится незнание. Как нашего собственного общества, так и того, что происходит в мире. Уже сегодня во многом из-за невежества политиков и их подручных запущены процессы, которые будут нам стоить огромных страданий и которые можно было остановить. А ведь как много уроков могли мы извлечь из трагической судьбы Алжира — богатой, почти европейской страны, где, как в лаборатории, создана гражданская война. А на Западе вырастают новые соблазны для наших подрастающих молодых радикалов, которых отталкивает от себя «цивилизованная оппозиция». Разрушение на Западе «социального государства» как часть всемирной перестройки, ликвидация левой идеологии, сдвиг стабильного «общества двух третей» к нестабильному «обществу двух половин», тотальная коррупция власти и невиданные спекулятивные махинации, приводящие к краху хозяйство огромных стран масштаба Мексики или Бразилии, — все это нарушает социальное равновесие.

Отверженные утрачивают иллюзии и культуру борьбы «по правилам» и переходят к тому, что уже получило в социальной философии название — молекулярная гражданская война. То есть, парии (а среди них уже много интеллигентов, включая тех, кто владеет высокими технологиями) стихийно, через самоорганизацию, освоили теорию революции Антонио Грамши. Они начинают «молекулярную агрессию» против общества, ту войну, против которой бессильны полицейские дубинки и водометы. Пресса Запада ежедневно приносит не-

сколько сообщений об актах, которые можно считать боевыми действиями этой войны. В совокупности картина ужасна. Те, кого отвергло общество, поистине всесильны. Пока что они нигде не перешли к мести обществу, и их акты являются не более чем предупреждением — ведь зарин, который кто-то разлил в метро Токио, это весьма слабое, учебное ОВ (да и вообще это была, скорее всего, учебная тревога, организованная спецслужбами, — как раньше в Нью-Йорке, только там не был применен реальный зарин).

Если соблазн мести такого рода будет занесен на нашу почву, он может принять характер эпидемии. И значительная доля вины ляжет на оппозицию, которая оставила молодежь без перспектив борьбы. Этого нельзя допустить. Перед нами огромное поле возможностей, и их поиск идет в гуще самых разных групп. Тяжелой потерей будет, если организованная оппозиция откажется от этого поиска или начнет оживлять уже негодные в новой ситуации ленинские схемы.

1999 г.

НАДО РАССУЖДАТЬ

Как уже говорилось, после выборов мы должны подвести итоги и наметить нашу доктрину на предстоящий этап. Это невозможно сделать вне диалога между «своими». Тут у нас дело обстоит очень плохо.

Факт налицо: режим удерживает общество в состоянии, которое противоречит интересам подавляющего большинства, но вполне владеет ситуацией. Большинство не имеет ни языка, ни связной мысли, чтобы договориться внутри себя по самым главным и ясным вопросам. Более того, эти вопросы остаются как бы не высказанными. Много лет мы сосали пустышку, которую нам гениально всунул в рот сам режим, — образ злого, пьяного и больного Ельцина, в котором якобы и сосредоточилось «абсолютное зло». Вся критика реформаторов была построена нами самими вокруг этого виртуального образа. Стоило в нужный момент убрать Ельцина и выдвинуть фигуру, образ которой был построен на контрасте с образом Ельцина, и как будто исчезли всякие основания для критики.

Можно даже сказать, что образ В.В. Путина был построен прямо исходя из программных документов оппозиции. Режим как бы в насмешку сказал нам: «Вот вам вместо Ельцина идеальная фигура — то, чего вы все время просили». Путин — государственный, он — патриот, он — за активное участие государства в регулировании экономики, он не пьет, приходит на работу в восемь утра, летает на истребителе, любит армию, у него есть команда, а озабоченный Центр с усталым Грефом пишет программы. Он не антикоммунист и не выходил из КПСС. Чего же еще желать! Все, что было плохого у Ельцина, исчезло — а по сути в стране в лучшую сторону ничего не изменилось. Ведь это — важный эксперимент. Из него вытекает, что оппозиция в своей критике ухитрилась за много лет даже не

затронуть главных проблем жизни страны. Можно ли двигаться дальше, не обдумав этого эксперимента?

Что произойдет, если мы будем продолжать в том же духе? Прежде всего, интеллектуальная верхушка нынешней оппозиции будет реально устранена из общественной жизни. Подчеркиваю слово «реально», ибо внешне, думаю, режим постарается поддержать ее на плаву. И не только для декорации, но и для того, чтобы «заткнуть место», — чтобы утратившие реальную связь со своей частью общества оппозиционные интеллектуалы не дали развиваться росткам новой мысли. Возникший вакуум интеллектуальной оппозиции будет заполняться продуктом из лабораторий «правых», «Яблока» и крутых борцов вроде С. Говорухина.

Эта работа уже началась, вся эта публика активно меняет свой язык, свои образы — включая внешность. Она готовится к новому этапу, начинает «захват» молодежной аудитории, которая вступила в активную жизнь уже после ликвидации советского строя. Смена поколений — фактор объективный. Мы, продолжая говорить на старом языке, за каждым словом которого стояли понятные и близкие нам образы советской жизни, просто замыкаемся в узком кругу уходящего с арены старшего поколения. Конечно, скрасить духовную жизнь старикам — тоже большое дело, и кому-то надо этим заниматься. Но если этим занимаются все организации оппозиции, то это, на мой взгляд, свинство по отношению к молодежи. Мы же не оставляем ей никакого связного знания. Неужели им снова придется изобретать колесо, все начинать с нуля? Тогда богатенькая молодежь, уже вошедшая во вкус мародерства, будет иметь такие преимущества, что времени их преодолеть у наших детей не хватит.

Давно прошли времена, когда можно было упрекать в отсутствии диалога наши ведущие организации, например КПРФ. Она не стала интеллектуальной лабораторией оппозиции. Что ж, надо благодарить ее за то, что она смогла сделать. Очень возможно, что, стань она интеллектуальной партией, она и не смогла бы сделать того, что сделала, — создать для оппозиции костяк, базу, прикрытие. Вопрос мы должны обращать к себе — сумели ли мы использовать эту базу и это при-

крытие. Смогли мы использовать время, покуда старики «держали оборону» вместо того, чтобы заниматься самоанализом? Думаю, что похвастаться нам особенно нечем.

Та небольшая часть общества, что имеет время, средства и навыки для того, чтобы активно участвовать в формировании общественного мнения со стороны оппозиции, тяготеет к немногим газетам. Это — их авторы и читатели. За последние семь лет газеты определили свое лицо. «Правда» стала газетой КПРФ, «Советская Россия» — газетой «протестного электората», в основном пожилого возраста. Признаю (с сожалением, но без обиды), что я стал для этих газет негодным автором, и меня оттуда вычистили — при очень хороших личных отношениях. Я, озабоченный передачей добытого знания следующему поколению, еще не желающему говорить на языке коммунистов, похоже, стал для этих газет даже вреден. Поэтому меня прогнали, но проблема-то осталась. Ее же надо решать. Важной в этом деле была инициатива газеты «Дуэль», но, к сожалению, ей постепенно был придан такой накал нетерпимости, что не лежит душа в ней печататься. Какой смысл, если для нее большинство моих сограждан — «козлы»?

Положение осложняется тем, что новое знание о нашем обществе добыто в ходе разрушения советского строя, и поэтому оно противоречит всему официальному советскому обществоведению. Это обществоведение исключало саму возможность того, что произошло в СССР, не желало и слышать о том, «чего не может быть никогда», а потому не обладало интеллектуальными инструментами для наблюдения. Это знание даже не может быть выражено на языке КПСС и раздражает тех, кто сохранил верность этому языку.

Широко ли распространено у нас подсознательное отторжение этого знания «об обществе, в котором мы живем»? Думаю, что оно распространено очень широко и охватывает почти весь культурный слой независимо от политических установок. Вот, внепартийный журнал писателей «Наш современник». Выражает точки зрения в очень широком диапазоне. Но дал я статью о том, почему столь беззащитным против манипуляции оказалось сознание советского человека, а ее помещают под грифом «В порядке дискуссии». Этот гриф ста-

вится, чтобы предупредить читателя, что статья крамольная и редколлегия с ней, конечно, не согласна, но, понимаете ли, свободомыслие на дворе. Читаю статью и не могу понять, что в ней показалось странным, — самые простые рассуждения. В «Правде» штамп «в порядке дискуссии» ставили автоматически — даже на статьи, которые я целиком почти переписывал из учебников. Ведь это как если бы я опубликовал в математическом журнале таблицу умножения, а редактор поставил гриф «в порядке дискуссии».

Потом вышла статья о книге В.И.Ленина «Развитие капитализма в России» под названием «Плодотворные ошибки Ленина». Статья, если честно признаться, банальная, мне было даже немного совестно ее давать в журнал. Данные я в ней привел из учебников, и что самое поразительное, в учебниках никто этих данных не замечал и под сомнение никогда не ставил. Ошибочные выводы своей книги 1899 г. пересмотрел сам Ленин после 1907 г. и ясно выразил это в важных работах, не говоря уж о политической практике и 1917 г., и нэпа. Казалось бы, безобидная статья, популяризаторская. Нет, доходят до меня мнения «красной профессуры», что статья «антиленинская». Где-то собирают семинар, осуждают статью, меня не приглашают. Почему?

Выходит, просто зафиксировать очевидный факт в развитии взглядов Ленина — уже есть нарушение табу? Ведь все-то в моей статье оригинального — это мысль, что именно осознание Лениным ошибки марксистского взгляда на крестьянство России имело огромное значение. Это был известный в науке тип «плодотворной ошибки», такие ошибки приводят к озарению, к фундаментальным открытиям. Именно из этой ошибки (из ее осмысления) и возник ленинизм, а Плеханов и меньшевики так и остались марксистами. Но на эту мою мысль никто вообще внимания не обратил, все уперлись в словосочетание «ошибки Ленина».

Были и благожелательные семинары, но там говорили «о том, что наболело», а не о тезисах статьи. А ведь через сто лет история повторяется. Кажется, вот он, капитализм — назначили олигархов, раздали им предприятия, а они вместо превращения денег в капитал делают совсем наоборот — превраща-

ют капитал в деньги и их воруют. Надо же это понять, и история с книгой Ленина дает нам нить. Но где же дискуссия? Вот что надо считать признаком беды. Статьи «в порядке дискуссии», а ее нет как нет. Людей беспокоят или даже возмущают простые, понятные и сделанные без нахальства утверждения, но люди не могут в ответ высказать связанное возражение. И обратно — много людей согласно с этими утверждениями и их тревожит то раздражение, которое они вызывают среди «своих», но они не могут собраться с мыслями, чтобы развить тему, найти новые аргументы или хотя бы явно выразить свое согласие. Таким образом, любое такое утверждение — это как камень, брошенный в болото. Булькнет, и нет его.

Вот случай, который меня удручил уже сверх меры. В ноябре в «Завтра» была напечатана моя статья, которую редакция претенциозно назвала «Постулаты оппозиции» (у меня было поскромнее). Постулаты не постулаты, но был там с десяток тезисов, которые прямо касались наших платформ на тот новый этап, в который мы втягиваемся. Трудно было ожидать, что ответом будет полное молчание. Ну ладно, молчат наши лидеры — негоже им влезать в диалог, они должны хранить мудрую непроницаемость. Но есть же люди моего уровня или помоложе. Они согласны? Они не согласны? Как должен понимать это молчание читатель, который покупает газету? Может быть, думает он, все эти «постулаты» — такая чушь, что невозможно выразить к ним никакого отношения?

Давайте переберем возможные причины такой реакции. Первое, что приходит в голову: все эти тезисы и мысли несущественны, не имеют отношения к нашим жизненным проблемам. Но это трудно принять, ибо тогда зачем все это печатали? В «Правде» я напечатал, похоже, больше статей, чем любой другой автор в ее истории. Никаких художественных достоинств в моих статьях нет. Значит, важны именно мысли. Да и в личных беседах многие мне говорят, что это так.

Второе возможное объяснение — что эти рассуждения столь очевидны и убедительны, что и говорить не о чем. Его тоже трудно принять хотя бы из-за штампа «в порядке дискуссии». Наоборот, отсутствие комментариев могло бы означать, что рассуждения так сложны, что отбивают всякую охоту

их продолжить, даже если интуитивно люди с ними согласны. Мол, трудна для них эта логика. Но я и это не могу принять, потому что стараюсь идти маленькими шагами, на грани полной занудливости. Мне кажется, что уровень доступности средних — потому и мнения разделяются.

Я после долгого размышления прихожу к выводу, что дело не в утверждениях и не в их литературной обработке, а в состоянии нашего общего сознания. В результате потрясений, по неизвестным нам механизмам, оно утратило диалогичность. Внешне это выражается в том, что из печати исчез жанр совместных рассуждений. Никто не развивает и не опровергает высказанной другим человеком мысли — за исключением тех случаев, когда требуется «разоблачить противника». Тогда В.С. Бушин блестяще разберет по косточкам Е. Евтушенко, а В.В. Кожинков вскрыет суть Л. Разгона. Но если я, например, рассуждаю о важной мысли В.В. Кожинкова, согласно которой у нас происходит реставрация дореволюционной России (как во Франции после Наполеона), это вызывает у моих друзей недоумение — ты чего прицепился к своим?

Но это внешнее выражение — не главное. Самое тяжелое в том, что, как мне кажется, диалогичность утрачена и в процессе личного, внутреннего хода мысли. Наш даже неконтролируемый поток сознания приобрел характер высказывания истин, которые мы как бы черпаем из пространства, по наитию. Наши внутренние рассуждения перестали носить обычный ранее характер: вопрос — мысленный сбор сведений о реальности — построение цепочки доводов — умозаключение (ответ). Рассуждения у нас заменены высказываниями, носящими оттенок фанатизма.

Это, конечно, мои гипотезы, но я стараюсь их проверить наблюдениями и даже экспериментами. И пока что, к сожалению, эти гипотезы, скорее, подтверждаются. Мы на какое-то время утратили навык умозаключений. Нас держат пока еще традиции, записанные в пословицах и житейской мудрости, и догмы, «принципы» — у кого какие есть. Поскольку за пятнадцать лет промывания мозгов догмы внедрились разные, то люди, утратившие способность делать умозаключения по общим для всех правилам, не могут договориться даже по самым

важным и простым вопросам. Всякая попытка каким-то образом заставить людей вникнуть в суть вопроса, обсудить его и прийти к выводу воспринимается очень болезненно — людям тягостна эта работа, она их пугает. Их мысль и чувство ищут любую лазейку, чтобы при первой же заминке вырваться из коридора, который ведет к ответственному умозаключению.

Что касается «наших», то уже три года как в самых разных узких собраниях мы с группой товарищей пытаемся ставить на обсуждение некоторые не самые острые вопросы. Именно не самые острые, чтобы не волновать друг друга, а попытаться пройти всю цепочку рассуждений. Признаюсь, что результаты плачевные. На каждом шагу мысль уходит в сторону и возникает спор, не нужный для поставленной темы. Сам по себе интересный, но отвлекающий от того вопроса, который мы договорились пройти до конца. Поразительно то, что все мы — люди, работавшие в науке и в своей специальности способные к жестким рассуждениям с очень длинной цепочкой. Но применить тот же метод, тот же стиль к проблемам нашего общества не можем — так они нас волнуют. Что же делать? Ведь из-за этого мы интеллектуально беспомощны.

Мы подумали, что это слабость «наших». Нет, оказалось, что проблема эта — общенациональная, а вовсе не оппозиции. Для пробы мы использовали Интернет. Там переговариваются люди в основном молодые, образованные, раскованные (тем более что каждый может высказываться анонимно). Казалось бы, это — хорошее поле для диалога. Движение «Яблоко» открыло свой форум («Яблочный сад»), туда мы и поместили пару учебных задач. Они представляли из себя общеизвестный факт, почти очевидный, цифры и вывод, который противоречил политической позиции «Яблока». В одной задаче шла речь о цене хлеба и проблеме продажи земли, в другой — о затратах на цикл производства пшеницы и также связи с продажей земли. Вопрос состоял в том, каким образом позиция «Яблока» (и СПС) вытекает из приведенных данных.

В тот же день было получено около десятка ответов. В целом они оставляют очень тяжелое впечатление. Все они искренние и даже взволнованные — и ни в одном вообще не упоминается тот вопрос, что был задан в конце задачи. Люди застрева-

ли на каком-то промежуточном шаге. На нем они тратили весь пыл. И все! Причем в ряде ответов видно было, что они не смогли ухватить задачу в целом — как будто забывали предыдущую строчку или не видели следующей. Если газета вытерпит, мы бы даже привели весь этот эксперимент. Никакого злорадства он не вызывает и не может вызывать (вот, мол, они, демократы, — даже простого вопроса разобрать не могут).

Конечно, рассудительность как необходимое для жизни свойство мышления у нас постепенно восстанавливается, но процесс этот идет медленно. Его целенаправленно разрушает, просто взрывает телевидение. Ибо легко господствовать над людьми с подорванными навыками умозаключений. Можем ли мы защитить наше сознание и ускорить процесс реабилитации? Думаю, что да, можем. Но для этого надо трудиться, искать методы, тренироваться и помогать друг другу. Нужно то, что я бы назвал практикум. Мы должны организовать обучение навыкам рассуждений — так, как обучаются вождению автомобиля. Поэтому учиться можно только коллективно — через диалог. Давайте подумаем об этом.

2000 г.

ДЕЛО БЖЕЗИНСКОГО — СВОИМИ РУКАМИ

Конец века для человечества — как день рождения для человека. Даже самый грубый человек в этот день задумается и взгрустнет о тех ошибках, что он совершил за год, о своих грехах и злых делах. Оглянется назад, подведет что-то вроде итога.

Что же говорить о конце тысячелетия! Это как большой юбилей, когда невольно приходит мысль: а доживу ли до следующего? Тут уж думаешь о детях и внуках — что им оставляю, на какой путь их наставил? Сегодня эти раздумья тяжелы у человечества в целом, а у нас, русских, вдвойне. Мы любили называть себя «Святая Русь» и дать урок человечеству. И вот, оказались банкротами. По большому счету, а не в частности. Есть слабое утешение в том, что мы — совестливая точка человечества и поэтому раньше других это банкротство ощущаем, не хорохоримся. Но это — тоже частность.

Что же с нами произошло за этот век? Дважды оказалось, что тот стержень, на котором мы строили нашу совесть, нас не держит. Неважно, в стержне ли этом изъян или в нас самих. Выбаливает его наш организм, да еще с гноем. И обратно его уже не вобьешь. Прилепить можно, а держать не будет — деревянная лошадка, не она тебя везет, а ты сам ее толкаешь.

Можно понять, как страдали в начале века наши духовные пастыри при виде того, как русский народ-богоносец изживает из себя религию. Не помогли и поиски православных философов-полуеретиков или полных еретиков вроде Льва Толстого. Думаю, это было бы легче перенести, если бы просто русские стали как европейцы — просвещенно-безрелигиозными. Можно было бы списать на прогресс, образование и т.п. Так нет, потребность в совести оказалась даже страстной — до самоистязания. Построили себе русские новый религиозный стержень — коммунизм. С ним совершили революцию,

провели индустриализацию, разгромили фашизм. Продержал он нас почти век. А дальше — снова такой же кризис.

И так же, как В.В. Розанов в начале века, сегодня страдает А.А. Зиновьев: русские оказались не на высоте великой миссии коммунистов, «не по Сеньке шапка». Видимо, так, но наивно винить Сеньку. Шапку надо подбирать по голове. Да и потом, наш Сенька с честью носил эту боевую шапку почти столетие. В чем-то, значит, изменилась погода, если он шапку эту сбросил.

Но все это не оправдание. Надо честно подводить итоги и следить за собой. Кризис кризисом, но и в маразм впасть нельзя. Тому, кто заливает горе вином при голодных детях, ни при каком «стержне» или даже без оного нет прощения. Тут уж не совесть, а инстинкт должен говорить.

Каковы же итоги? Прежде всего, произошло именно то, что без злорадства, а с горечью предсказывали философы-эмигранты: как только мы стали жить сытно и благополучно, коммунизм наш отболел от сердца, ссохся в официальную оболочку, а потом и осыпался. Смешно винить в этом Горбачева и Яковлева: мол, пожил бы Брежнев еще лет двадцать — глядишь, все обошлось бы. Дело как раз в том, что русский народ стал «выделять» из себя не Ленина и Сталина, а Горбачева и Ельцина. И таких же «коммунистов» помельче, вплоть до секретарей первичных организаций. Это факт, и ни на какие происки масонов списать его невозможно.

Другой факт в том, что выход из новой катастрофы, в которую мы втягиваемся, полурассыпанный народ не ищет в коммунизме. То, что он «выделил» из себя в виде КПРФ, ничего от коммунизма в себе не несет. Имя себе оставили в память о славном прошлом, не позволяя рушить Мавзолей из религиозного чувства, как храм, — а в остальном вся доктрина КПРФ сводится к обыденному и полному противоречий чувству справедливости в сфере распределения. Эта доктрина без натуги могла бы сочетаться с самыми разными идеологиями. Скажите: «православие, самодержавие, народность» — годится! Так что напрасно серчали на Степашина за то, что он в США заявил, будто «коммунисты к власти в России не придут». Он простодушно отразил реальность и вовсе не имел в виду

КПРФ. Она, может быть, и придет к власти в нашей лишенной государственности стране, но что в ней есть от коммунизма?

Я пишу это вовсе не как упрек Зюганову или идеологу КПРФ Ю.Белову. Они отражают состояние ума и чувства партии, это бесспорно. И не только партии. Если бы в народе были другие, настоящие «коммунистические дрожжи», то возникла бы иная партия, фракция, хотя бы кружки. Ничего этого нет. Ибо нет конфликта труда и капитала. За долгие годы сытой, что ни говори, жизни мы утратили не только навыки, но и память об этом конфликте. У нас остался обманщик Мавроди и обманутый Леня Голубков. По сути они мало чем отличаются — Леня Голубков партнер Мавроди, он хотел через него получить нетрудовой доход. К кому же могут обратиться настоящие коммунисты? Как говорится, нет на них спроса.

Все это не имеет прямого отношения к политике. Как ни называй, вокруг Зюганова собралась партия с определенной платформой. Она не просто лучше других: справедливый и честный политик, конечно, лучше хищного вора. Но это разница количественная — ибо все политики не абсолютно честны и не абсолютно воры. Разница в векторе, в направлении. Главное в том, что справедливость и честность Явлинского несет в себе пресечение пути России. Его утопия «цивилизованного» капитализма, замаскированная интеллектуальными словечками, не даст нам вылезти из ямы. Да и утопия номенклатурного социал-демократического порядка, которую выражает Е.М. Примаков, не даст выхода. Уж слишком дружен уважаемый академик и разведчик с мадам Олбрайт. И если бы дело было только в дипломатичности.

КПРФ лучше именно тем, что она этим утопиям органически чужда, хотя бы и пыталась рядиться под социал-демократию. Ее преимущество в том, что она никуда не поведет. Она будет топтаться на месте, пока мы не почувствуем, куда надо идти. Это — партия организации жизни в условиях неопределенности. С ней можно продержаться в окружении, без связи и боеприпасов. На прорыв, похоже, поведут другие, но им надо еще вырасти. Так что отступление это я сделал только для того, чтобы не смешивать главный вопрос с политикой. Голосовать надо за КПРФ, но дело не в этом.

Дело в том, что нам надо продержаться «в окружении», не имея хорошо выраженного стержня. Надо, конечно, насколько возможно, оберегать остатки старых устоев — и православия, и коммунизма, у кого что осталось. Но в целом «выехать» на них, видимо, не удастся.

Человек Запада оказался устойчивее. Там за последние два века главной формой общественного сознания стала теория. В нее не обязательно верить — из нее надо исходить, пока она «работает», а потом ее сменит другая теория. Средний европеец и не знает, что мыслит на языке внедренной в его голову теории (не все же мы знаем, что говорим прозой). Иногда разговариваешь с таким европейцем и поражаешься, какую чепуху он мелет. Как ты можешь верить в эти нелепые утверждения? А он ответит примерно так: «Я и не верю, это же теория. Пока нет другой, я должен следовать этой — лучше плохая теория, чем никакой, это мы начиная с теории флогистона знаем».

У русских иначе. Мы верим в идею — а потому уж благосклонно принимаем связанную с ней теорию. Усомнились в идее — сразу теряем веру в нее, без сомнений и обсуждений. А о теории при этом и не вспоминаем, так ее забываем, что будто и «не учили». Это поразительным образом произошло с марксизмом. О его теоретической части будто и не слышали, и разговор о ней интереса не вызывает. Остались немногочисленные хранители святынь, которые лают на всякого, кто к ним приближается.

То же самое произошло, как это ни прискорбно, и с православием. Сейчас объявилось много верующих, это на время как партбилет. Научились креститься, и при виде церкви у них искренняя слеза на глаза навертывается. В том-то и дело, что искренняя. И при этом — дремучее невежество в «теории», в богословии. Доходит до того, что всерьез объявляется, будто социализм — это и есть православие, только другими словами выраженное. В советское время религия была в большей безопасности, чем сегодня. При отделении от государства и идеологии Церковь еще могла уцелеть даже при атеистическом правительстве. Настоящие испытания — нынешний взрыв религиозности.

Наше состояние «без стержня», возможно, в перспективе спасительнее, чем прагматичное следование плохой теории, пока нет другой. Но спасительнее именно в перспективе — если уцелеем. Так болезнь лечится лучше при высокой температуре, если только больной не умирает. Бытие «без стержня» — многообразное явление, это какой-то аномальный многомерный порядок, который выглядит хаосом. Если бы был просто кризис в виде хаоса, в нем бы возникли сгустки творчества и появилась воля к созданию нового порядка, на целый исторический период. Возник бы «проект» — план жизнеустройства, устремленный в будущее. Из многих главных признаков нашего состояния я скажу о двух, которые остро проявились сегодня, когда произошел скачкообразный переход к «жизни с терроризмом». Это — как эксперимент («допрос Природы под пыткой»), когда благопристойные и молчаливые общественные типы вскрикивают от удара.

Первое наше довольно общее свойство в жизни без стержня — утрата способности выстраивать устойчивую логику умозаключений. Нет системы принципов (догм, теорий, норм) — и мы не можем в уме овладеть ходом событий. Мы идем от ситуации к ситуации, которые создаются не нами, и мыслим так, как предусмотрено манипулятором. Мы — марионетки, хотя бы и были нестигаемыми противниками манипулятора.

Возьмем нашу самую интеллектуальную и раскованную газету — «Завтра». За весьма короткое время она выбросила ряд лозунгов, между которыми — пропасть, несовместимость. Переход от одного к другому должен был бы, казалось, означать философское крушение, сожжение идолов. Ничего подобного — плавный переход, никаких душевных потрясений.

Вот, читаем: «Русский, учи албанский!». Это — об албанцах, которые при странных обстоятельствах и с неясными целями захватили склады с оружием. Вскоре оказалось, что эти албанцы стреляют в наших братьев-сербов, и призыв учить албанский язык негласно сняли. Прилетели самолеты НАТО бомбить сербов, и мы читаем новый призыв: «Сербы, разбомбите Берлин!». В статьях пояснение: не можете разбомбить с воздуха, так хотя бы взорвите парочку-другую жилых домов.

Но дома были взорваны не в Берлине, а в Москве. И тогда — новый призыв: «Путин, разбомби Чечню!».

Путин, конечно, поступает именно так, как ему рекомендует «Газета Государства Российского», а блок «За Победу», как сказано в заявлении, «гордится отважными авиаторами». В тот же день, как я купил газету, авиаторы разбомбили в Чечне три моста и телецентр (может быть, телевидение врет, но в данном случае оно врет «по шерсти»). С каким сарказмом наше демократическое телевидение подчеркнуло, что пока что российская авиация не нанесла в Чечне таких же разрушений, как авиация НАТО в Югославии. Горючего, мол, у России маловато, а по сути подход один и тот же — утритеесь, патриоты и коммунисты, гордые отважными авиаторами.

Те, кто авиаторами гордится, чуть ли не вчера пытались отрешиться от власти Ельцина, в частности, за то, что послал авиацию бомбить Чечню. О каком проекте, который сплотил бы русских людей, можно мечтать, если каждое слово разрушает все предыдущие! Когда боевое заявление «Патриотического информбюро» завершается фразой из «Репортажа с петлей на шее». Люди, будьте бдительны! Как в Рязани?

Да и предыдущая фраза сводит с ума: «В России идет война». Вчера говорилось, что идет Третья Отечественная война и всемирное зло — МВФ. Это еще куда ни шло, понять можно. Теперь же оказывается, что война идет не с Россией, а «в России». Какая война? Кто враг? Он — везде? Путин, разбомби Россию?

Только при массовой бессвязности мышления могли взрывы жилых домов принести такой драгоценный подарок режиму Ельцина (режим этот, кстати, давно уже тяготится самим Ельциным и прекрасно без него обошелся бы). Организованная оппозиция, по сути, исчезла — ее инакомыслие подавлено желанием «объединиться перед лицом врага». И репортаж о бое в Дагестане в газете «Завтра» уже заканчивается фразой: «Подхваченное ветром знамя плеснуло в небо ало-сине-белым шелком». По странице рассыпаны призывы: «Мочить беспощадно... Всегда и во всем стоять за своих...». Всегда и во всем! Как будто нет в России раскола по важнейшим вопросам бытия. Как будто десяток наемных бандитов (еще

неизвестно кем нанятых и снаряженных) сняли все противоречия России. Замечательно само единение в языке: бандиты, премьер-министр Путин и газета оппозиции выражаются теперь одним словом: «Мочить!».

И это можно было бы принять за какую-то линию — есть же в обществе ниши для тоталитарно мыслящих людей. Газета могла бы передвинуться в такую нишу — и дело с концом. Не первая и не последняя. Но ведь и такой линии нет! В этом же номере на первой странице рисунок: «Кремлевский спрут, тебе капут!» Значит, в Кремле — не свои? Тогда как понять такую мысль: «Мы начали уничтожать врагов Родины... У нас есть еще бомбардировщики, вакуумные бомбы, химическое и бактериологическое оружие, напалм — посмотрим, как горят ваххабитские гнезда. А то и вплоть до тактического ядерного оружия...». У кого это «у нас» есть все эти штуки? Разве это выдается со склада без подписи «спрута»?

Рядом с рисунком призыв: «Памяти жертв 93-го... Вечная память и слава героям! Не забудем и не простим убийцу!». А как же «всегда и во всем стоять за своих»? Ведь и Коржаков, и жертвы — свои, чеченцем там был только Хасбулатов. И почему «не простим убийцу», а не «убийц»? Ведь Ельцин убийца метафорический, а были и исполнители. Почему за взрывы домов надо «мочить беспощадно» несчастных исполнителей «с их тетками-бабками», а за жертвы 93го — не «мочить», а всего лишь символически «не простить»?

Подчеркну, что я не обсуждаю здесь ту или иную установку, это уже бесполезно, — я лишь указываю на факт расщепления сознания. Это плохой признак.

Нынешняя неспособность выстроить связный проект делает русских, ставших действительно объектом большой информационно-психологической войны, в этой войне беззащитными. Им не на что опереться, чтобы устоять. Потому они и голосуют за Ельцина и Лебеда. Без оберегаемого оппозицией хотя бы минимального ядра принципов мышление людей теряет связность.

Тип мышления создает общий фон, на котором разыгрывается наша драма. Второе, о чем я скажу, более конкретно. Соединяясь с Путиным в доктрине «мочить», оппозиция на-

конец-то встает под знамена Бжезинского. Чтобы уничтожить Россию как цивилизацию и как страну, было необходимо и достаточно заставить ее принять ту «технологию крови», на которой стоит Запад. Ибо именно с этой технологией сильнее всего связаны самые главные понятия о добре и зле — то, что и определяет тип цивилизации.

Думаю, ни Бжезинский, ни Олбрайт не ожидали, что глашатаи патриотов-антизападников в России так легко и даже с каким-то облегчением сдадут свои позиции и кинутся в ученики к НАТО и Моссаду. Правда, самые патриотические патриоты не хотят быть учениками — они круче НАТО. Вот их стратегия, изложенная в газете «Завтра»: «И — круглосуточные ковровые бомбежки, чтобы на их фоне Косово показалось райским местом... Их там — горстка. Каждый день бомбежек — по тысяче трупов. За год — триста тысяч. Посмотрим, сколько эти «свободолюбивые» выдержат».

Киселев, Лобков и вся их рать счастливы: российские генералы показывают журналистам видеозаписи бомбардировок заводов и телецентра в Грозном — точь-в-точь, как генералы НАТО. Но вдвойне они счастливы оттого, что этому аплодируют их бывшие оппоненты-патриоты.

И это, конечно, могло бы быть связной линией поведения, какую имеют те же киселевы и лобковы. Но у лобковых есть стержень, а у патриотов нет — и опять происходит расщепление сознания. Даже если отвлечься от проблемы добра и зла, можно увидеть, почему для России применение «технологии крови» Запада означает ликвидацию ее как страны и государства. Современный Запад за первые два века своего становления практически изжил этническое многообразие и создал государства-нации. Иногда, как в США, для этого даже применялся крупномасштабный геноцид. Поэтому когда Запад «мочит» вьетнамцев, арабов или сербов, он убивает «чужих» и не подрывает основы своего государства-нации.

Россия изначально не складывалась и не сложилась как государство-нация. Она была и до сих пор есть, вопреки усилиям Ельцина и его лобковых, государство — семья народов. Здесь дать в газете на развороте подборку «Русский, время мстить!» — значит взорвать принцип самой государственности России.

При такой подборке было бы логичным хотя бы с этого номера снять слова «Газета Государства Российского». Сама идея «мстить!» — антигосударственная. Государство не мстит, а карает и предотвращает зло. Идея «русский мстит» — антироссийская. Она отрицает изначальный смысл собирания земель в Россию как семью народов. Почему же «русский мстит», а «чуваш не мстит»? Он уже не согражданин русскому? А если взорвут дом в Чувашии, то русский мстить тоже не будет? Трудно даже понять ход мысли того, кто придумал название подборки.

Было совершенно ясно, почему С. Ковалев из бункера Дудаева настойчиво кричал на весь мир: «Русские танки давят чеченских женщин! Русские самолеты бомбят чеченские дома!», — а ТВ это активно транслировало. Большой проект Запада состоит в том, чтобы сравнить русских с мусульманами, и для этого было много сделано. Но не хватало силы — пассивно сопротивлялись и русские, и мусульмане. Теперь к созданию образа этнической войны подключились и патриоты: «русские войска, русские солдаты». Что они делают? Автоматной очередью «превращают в фарш чеченские внутренности».

Здесь уже мышление снижено с уровня государства даже не до уровня народа, а до уровня племени — причем племени дохристианского. Это — разрушение образа русского народа, который складывался как суперэтнос и очень рано перерос племенное мышление. Несовместимо с типом российского государства, русской культуры и русского народа предлагать как метод борьбы «охоту за старейшинами, террористами и членами их семей как за дикими зверями». Порой от читателей слышишь предположение, что в патриотическую печать время от времени внедряются провокаторы. Если бы так — полбеда. Провокаторы — неизбежный фактор окружающей среды в смутные времена, и разумные люди быстро научаются их вычленять. Тут, по-моему, именно разорванность мышления при отсутствии «стержня», так что человека швыряет из стороны в сторону от малейшего щелчка манипуляторов.

Есть ли возможность создать на время жизни «без стержня» какие-то временные шунтирующие идейные конструкции, которые укрепили бы мышление? На мой взгляд, есть. И они не только играют спланированную роль как замена идеологии,

но и становятся эффективным политическим проектом среднесрочного уровня. Пример — сознательная разработка и осуществление интифады, мирной революции палестинцев. Она позволила блокировать и государственный терроризм Израиля, и манипулируемый Моссадом терроризм «исламских фундаменталистов».

Однако для того, чтобы вести конструктивный разговор, требуется хотя бы признание его необходимости со стороны организованной оппозиции. Для этого надо чуть-чуть успокоиться и задуматься. Но это, похоже, слишком трудно.

2000 г.

ПИСЬМО ТЕМ, КОМУ НЕ БЫТЬ ПОБЕДИТЕЛЯМИ

Недавно состоялась удачная операция по втягиванию писателя В.Г. Распутина в ряды антисоветской культурной элиты. Обошлось это всего в 25 тыс. долларов. Учитывая ценность «улова», операцию можно считать чрезвычайно эффективной. В прошлом году похожим образом ловцы человеков сумели побудить к антисоветским декларациям Елену Образцову (правда, расходы остались неизвестны).

Не думаю, чтобы В.Г. Распутин не понимал смысла всей этой акции, и не думаю также, что выбор дался ему легко. Условия были поставлены жестко: принять доллары, о которых было широко сообщено, что они — из оплаты за «Архипелаг ГУЛАГ». А это, как известно, одна из главных идеологических бомб, сброшенных на Россию (СССР) коалицией союзников в холодной войне. Символический смысл ритуала выдачи и принятия премии был прозрачен и всем ясен.

Какой-то шанс представить все это как результат колебаний, деликатности, соблазна поначалу был, хотя незаметно, чтобы В.Г. Распутин захотел его использовать. Но он почти исчез после статьи В. Бондаренко («Прыжок с корабля современности» — «Завтра», № 25), в которой он защищает В.Г. Распутина от нападок «красного» В.С. Бушина. Видимо, В.Г. Распутин эту защиту принимает, как принял идеологические похвалы Солженицына. Защитный ход В. Бондаренко — обязательная часть всей операции. Написана статья в чисто идеологическом ключе, с таким нахрапом и передержками, что ее можно принять как отказ от всякого диалога на будущее. Жаль, что не нашлось никого из «белых» вместо В. Бондаренко — податься над дешевой политикой и принять брошенные Бушиным упреки по сути. Не сочли.

Впрочем, диалога за все время и не было. Я много раз в самой уважительной форме и в разных вариантах задавал нашим «белым патриотам» вопрос, чего же они все-таки хотят для России и чего добиваются своими регулярными анти-советскими заявлениями, но ответа не было. За десять лет я убедился, что я обращаюсь не к искренним, ищущим правды и взаимопонимания людям, каких немало я знаю среди антикоммунистов, а к хладнокровным идеологическим работникам, которые много лет вели борьбу на уничтожение против СССР, а теперь продолжают ее в новых условиях, но в рядах той же армии.

Мне очень жаль, что В.Г. Распутин и Елена Образцова, которых я люблю и которые по крови своей не из той армии, не устояли. Но это мелочь на фоне нашего бедствия, не о них речь, да и простят им это за их талант. Главное, что мы все перед выбором и мы качаемся над пропастью. Так давайте скажем некоторые вещи прямо, это может помочь.

По словам В. Бондаренко, «нынче происходит определенный разрыв между белыми и красными патриотами». Он не сказал почему. Скорее всего, потому, что КПРФ уже не рассматривается как сила, которую необходимо контролировать через близкий союз с нею. Это — не покидание терпящего бедствие корабля, это снятие с боевого дежурства. И зря кто-то подозревает «белых патриотов» в том, что они хотят примазаться к власти. Зачем? Они — бойцы на идейном фронте. Кто же будет их тратить на тупой управленческой работе.

Надо ли ставить точки над *i*? Почему бы не продолжить имитацию «соединения красной и белой идеи»? Нельзя продолжить хотя бы потому, что сами «белые» от этой имитации отказываются, и часто с издевательствами. Да и кого может обмануть эта имитация? Все уже сыты ею по горло. Тактический союз по частным вопросам — другое дело, но он как раз лучше достигается без имитации любви и единства.

Из-за этого фальшивого единения мы по самым главным вопросам не могли высказываться ясно и четко. Десять лет мы толчем воду в ступе. Более того, многие деятели оппозиции, чтобы подладиться к «белым», наговорили о советском проекте таких вещей, что оттолкнули от себя значительную часть своих. Оттолкнули несуразностью своей логики.

Начать с того, что неизвестно кем подсунутая формула «соединения белого с красным» сразу сбила с толку людей уже самими терминами. Кто у нас «белый» и что под этим понимается? И.Р. Шафаревич — белый? В.Г. Распутин — белый? Если судить по статье В. Бондаренко, то да. А кто уполномочил на выдачу таких ярлыков самого В. Бондаренко? Принимает ли В.Г. Распутин это звание? Какую генетическую связь видит он между собой и символами Белого движения Корниловым да Колчаком?

Белое движение — вполне четко очерченное политическое, социальное и культурное явление нашей истории. Оно возникло как попытка военного реванша государственности Февральской революции над советской властью. Эта попытка делалась при помощи и под полным контролем Запада, так что выдвигенец эсеров и масонов русофоб Колчак сам называл себя кондотьером. Белые потерпели такой же полный крах, как Керенский и прочие либеральные западники на мирном этапе — между Февралем и Октябрем. Почему? Потому, что советский строй зарожден в православии и выстрадан русским крестьянством — так же, как западный капитализм зарожден в Реформации и организован «крадущимся к власти» буржуа.

Белое движение — это «кадетствующие верхи и меньшевистствующее рядовое офицерство», эпигонство западного либерального капитализма. Пусть наконец В. Бондаренко и др. «новые белые» скажут прямо, признают ли они свое духовное родство с теми, реальными белыми? Нельзя же нацеплять чужую форму, совершенно не говоря о своем содержании. Это военное преступление.

На мой взгляд, весь этот спектакль с переодеваниями — убогая политическая игра. Солженицын, Шафаревич и Бондаренко никакого отношения к белым не имеют. Они — типичное порождение советского строя и принадлежат к той части интеллигенции, которая по разным причинам заняла антисоветскую позицию. Потом коготок увяз, да и позиция эта приобрела высокий социальный статус — она уже подпитывалась номенклатурой с обеих сторон океана.

Никакого позитивного проекта у них нет, никаких сведений о нем получить невозможно, да и представить его себе

нельзя. Думаю, наиболее дальновидные из них (например, И.Р. Шафаревич) прекрасно знают, что такого проекта у них и не может быть. О чем рассуждает с важным видом В. Бондаренко? Красная идея, белая идея... Ну и попробовал бы он свою «белую идею» выразить. Пшик... А красная идея всем была ясна — устроить жизнь, основанную на взаимопомощи и братстве, а не конкуренции и топтании ближнего. Тогда и Россия будет единой и неделимой, и никакой Гитлер или Хаттаб будет нам не страшен.

Что же касается конкретных форм советского проекта и его «больших программ», то в них Россия была загнана совокупностью непреодолимых обстоятельств. Сегодня эти обстоятельства не только не исчезли, но похоже, даже обострились. Поэтому когда Солженицын с Шафаревичем помогли советский проект пресечь (без них это ни Западу, ни номенклатурным ворам не удалось бы), произошла национальная катастрофа. Буквально во всех сферах жизни. Вот и вся их «белая идея».

Меня давно поражает неискренность «белых идеологов». Они притворяются, что не понимают простых, всем известных вещей, хотя им много раз по-дружески их объясняли. Вот В. Бондаренко излагает общий для всех них тезис: «Я считаю ту великую Победу не красной победой, а Отечественной Победой... Победила там, на полях сражений, не красная Россия, а русская Россия». Заметим это настойчивое противопоставление: «не..., а...».

Если это говорится искренне, то перед нами тяжелый случай группового отказа мыслительного аппарата — и у немалой группы. Да, если Отечество — абстрактная абсолютная идея, то оно бесполое, не имеет жесткой формы, не питается и не воюет. Зачем? Оно и под Гитлером было бы тем же метафизическим Отечеством — русским даже без людей. Дух... Если же речь идет о войне, когда стреляют твердыми пулями, то Отечество воплощено в конкретно-исторические формы, и противопоставлять дух этим формам просто глупо.

«Белые» непрерывно проклинали советскую индустриализацию — а Отечественную Победу любят. Но ведь и ежу ясно, что без индустриализации и коллективизации этой победы

быть бы не могло. Победа достигается не только на полях сражений, как хитро пытается проскользнуть В.Бондаренко. А советская индустриализация, как огромное социальное, духовное и организационное явление, резко отлична и от промышленной революции Запада, и от индустриализации «Бромлея и Гужона» в царской России, и от антисоветской индустриализации Березовского. В 1943 г. промышленный потенциал СССР был в 4 раза меньше, чем тот, что работал на Германию, — а танков и самолетов Красная Армия уже получала больше немецкой. А в 1916 г. правительство того же (да не того же!) Отечества не могло закупить металла для военных нужд — весь его сбыт контролировался тогдашними абрамовичами.

Скажем прямо, вся патриотическая риторика нынешних «белых» паразитирует на остатках плодов советской индустриализации — и при этом они постоянно плюют в глаза этому умирающему. Если на то пошло, то эти «белые» предали и Белую идею тех, кто убивал и умирал в России в 1919-м. Ведь великий смысл крови, пролитой белыми, в том, что она была как кислота для проверки чистоты помыслов народа. Белые как бы говорили: «Смотрите, мы льем вашу и свою кровь. Вот цена советского строя. Так ли сильно вы его хотите? Не забывайте про эту цену».

Если быть строгими в определениях, то под словом «белые» сегодня надо понимать просто «антисоветские». Никакого другого смысла тут нет. Это — фундаментальное качество, ибо разлом произошел именно здесь, именно уничтожение советской цивилизации и пресечение советского проекта было целью холодной войны. И если сегодня, через десять лет после почти полного поражения СССР, Шафаревич продолжает писать антисоветские труды, а авторитетных писателей и певцов соблазняют проклясть советский проект (хотя бы уклончиво), то именно потому, что этот проект не добит и главное для Запада — не дать ему возродиться и снова поднять Россию.

Последние десять лет показали, что антисоветизм Плеханова, Колчака, Новодворской или Шафаревича — качество именно фундаментальное, они оказываются вместе по одну сторону баррикады в конфликте цивилизационного масштаба. А споры и неприязнь между ними — вещь вторичная, под-

чиненная. Это как война Гусинского с Березовским. Скажут, Шафаревич и Солженицын — патриоты, а Новодворская — русофобка. Так ведь «патриот» — это такое же самоназвание, как и «белый». Или у Солженицына справка с печатью есть, что он патриот?

Да, Шафаревич написал книгу «Русофобия», спасибо ему за это, но к делу это не относится. Азефу даже министров разрешалось убивать, лишь бы контролировал движение эсеров. Шафаревич и не смог бы выполнить своего боевого задания в антисоветской войне, если бы не завоевал доверия национально мыслящей интеллигенции — того контингента, который он взялся «вести». Сахаров «вел» другой контингент, и «Русофобии» ему писать было не надо. От каждого по способностям, а в главном они соратники, Шафаревич этого и не скрывает.

Книжка и речи — не главное. Разве не по плодам узнаем их? Каковы же плоды? Мы можем мысленно пройти по всем главным сторонам бытия, что определяют жизнь и здоровье страны и народа, и увидим, какие страшные последствия имела для них та победа над советским строем, которую ковали наши «белые патриоты». Были среди них немногие, что ужаснулись делу своих рук и сказали: «Мы целились в коммунизм, а попали в Россию». Ни Солженицын, ни Шафаревич к таким не относятся. Они до сих пор гордятся своей победой, но считают ее промежуточной и продолжают стрелять — кто статья-ми, кто долларами. Какие у меня основания считать их патриотами? У меня оснований для этого нет, и я говорю это после долгого размышления, взвесив все «за» и «против».

Солженицын жалеет русский народ: «Сейчас ничего перее нет, как сбережение народа. Мы вымираем, мы уходим с земли...» От кого мы это слышим? Возьмите динамику смертей и рождений — и вы увидите, что вымирание русских началось сразу после победы над СССР той армии, в которой воевал Солженицын. Что значит «сбережение народа» по Солженицыну и Шафаревичу? Оно ведь сводится к установлению какого-то социального жизнеустройства. Как можно «сберечь народ», если у него отняли все средства к жизни и нанесли тяжелейший удар по системе ценностей! Но ведь все это —

следствие слома советского общественного строя, этот факт надежно установлен и сомнению никем не подвергается.

Тот образованный человек, который после десяти лет агонии моей страны и массовых страданий моих сограждан остается активным антисоветским деятелем, является для меня экзистенциальным врагом России, ее «частичным убийцей». Частичным не потому, что убийство неполное, а потому, что он — частица силы, которая Россию убивает.

Подчеркиваю значение момента. Одно дело, когда в 70-е годы подвыпивший литератор, пролетая из Кисловодска над местом гибели Корнилова, вдруг вскакивает с криком: «Господа! Почтим память Лавра Георгиевича!». Это — обычное фрондерство шаловливой элиты при благожелательной власти. Другое дело — нацеплять бутафорские белые погоны в тот момент, когда под флагом антисоветского реваншизма губят страну и буквально убивают миллионы мирных жителей России.

Да, после бойцов, как Солженицын и Шафаревич, пришли мародеры — чубайсы и кохи. Бывает, что бойцам претят мародеры, которые обшаривают карманы убитых ими жителей. Иной раз, говорят, такие бойцы даже расстреливают мародеров. У нас не тот случай, у нас их только поругивают. Есть и среди жертв романтики, которые ненавидят мародеров больше, чем своих убийц. Я не романтик.

Я больше скажу. Ельцины и кучмы — предводители мародеров. Они даже не решаются доломать те важные структуры советского строя, которыми еще живы люди, — социальную сферу предприятий, дешевое топливо и транспорт, школу и т.д. Они не были принципиальными ненавистниками советского строя, ими двигал шкурный интерес. Если бы к власти пришли убежденные «белые патриоты» вроде Солженицына, то, думаю, нам бы пришлось намного хуже. Геноцид был бы не метафорой, как сегодня, а быстрым действием.

Кстати, и сегодня, среди явного бедствия, «белые» оценивают состояние страны уклончиво. Порой и просто обманывают людей. Можно ли поверить, что В.Бондаренко искренне пишет такие, например, слова: «Сегодня уникальное положение. Если нас не обманут надежды и если Россия в совсем иных формах своего существования начнет воссоздавать из руин

свою промышленность, науку, культуру, естественно, русские патриоты будут всемерно поддерживать такие шаги». Откуда надежды? В каких «совсем иных формах» может возродиться наука и промышленность? Кто и как превратил их в руины? Могли ли мы ожидать этих слов, достойных Кириенко, в газете «Завтра»? Как они вяжутся со словами того же В.Г. Распутина: «Мы, кому не быть победителями...»?

Ведь тут, в ваших собственных словах, очевидна эта пропасть: при советском строе мы, русские, были победителями. При советском строе мы имели и науку, и промышленность. Именно Солженицын, Шафаревич и подобные им «антисоветские патриоты» все сделали, чтобы это уничтожить и превратить русских в вымирающий, выбитый из колеи народ. За это и получил Солженицын те доллары, из которых дал малую толику dozревшему В.Г. Распутину. И ничего вы, антисоветская элита, не собираетесь восстанавливать. Так и будете болтаться на своей льдине в теплой воде, а потом все-таки влезете на «корабль современности» к золотому миллиарду — или, если мы успеем очухаться, на новый корабль советского типа. Никакого «лебедино-белого» корабля не будет, вы — не строители кораблей.

Давайте все же представим себе, за что ненавидят советский строй люди типа Солженицына и Шафаревича. Ведь, наверное, не за мелочи, не за ошибки и эксцессы, а за что-то главное — за фундаментальные принципы жизнеустройства. Эти принципы — не в идеологической кожуре марксизма и даже не в политическом устройстве. В принципе мог быть советский строй и при монархии, как оно почти и было в самый критический период.

Эти принципы — в представлении о человеке, его правах и обязанностях. Отсюда выводятся и тип хозяйства, и политические нормы, и большие программы типа индустриализации, столь ненавистные «белым». Что же так возмутило наших аристократов духа, что они посчитали делом жизни уничтожение этого строя? Допустим, Солженицына обидели, а он человек, судя по всему, злопамятный. Но Шафаревич был обласкан с юности, как множество таких же представителей элиты, возненавидевших советский строй.

Я долго думал над этим странным явлением, спрашивал всех, кто мог подать мысль. Многие, с кем я говорил, сошлись на том, что сильнее всего таких людей оскорбляло и угнетало то, что при советском строе хамы, «кухаркины дети» пошли в университет. Хамы забыли свое место, смешались с духовной аристократией, растворили ее в себе, портили ее расу. Да к тому же вести себя не умели, из-за чего власть не могла дать этой аристократии вождественную демократию типа афинской (западная плебейская демократия им тоже не по нутру). Вряд ли кто-нибудь из них в таких комплексах признается, но мечты наших «белых патриотов» о монархии и возрождении сословного общества косвенно это подтверждают.

Чего хорошего для себя (как культурного течения) могли ожидать эти интеллигенты от уничтожения советского строя? Да только этого — что «хамов», «образованщину» загонят обратно в их сословную нишу — на ниву помещика или «крепкого хозяина», на шахты, на фабрики дымные. Но получилось так, что к власти пришли другие хамы. Университеты для «кухаркиных детей» они позакрывали, но и духовную аристократию не жалуют. Вернее, жалуют, но без этикета — хамы есть хамы.

В. Бондаренко, кивая на советский строй, поминает марксизм, интриги в кабинетах ЦК. Эти примитивные вещи, на уровне мышления Евтушенко, стыдно читать, даже обидно за В.Г. Распутина. Да, первая попытка устроить жизнь на началах справедливости не удалась — элите такая жизнь ненавистна, и она вошла в союз с Тэтчер и Солженицыным. Бывшие «кухаркины дети» с дипломами, утратившие память, тоже соблазнились. Что ж, жизнь не кончается, снова народ на своей шкуре обучится диалектике. Мы же говорим об идее, об этом вашем желании «оплевать Красного бога».

Я, с начала 60-х годов наблюдая созревание антисоветизма, вижу в нем не просто политическую и социальную философию, а мироощущение. Оно, например, в малой степени связано с классовой принадлежностью. Сейчас мне удивительно часто встречаются разбогатевшие люди, глубоко страдающие от крушения советского строя. Есть такие, кто тратит свое состояние на попытку организовать в местном масштабе принципиально советские хозяйственные структуры типа неболь-

шого Госплана и Госснаба, соединяет предприятия, сообщая уклоняется от удавки банков.

Что отличает таких людей? Что отличало ту немалую часть русской буржуазии, что искренне приняла советский строй? Я бы сказал одно: доброта. Обычная, почти биологическая любовь к человеку своего племени, сострадание, боль при виде старухи, которая копается в мусоре. А что отличает людей, убежденно ненавидящих советский строй? Эгоцентризм и самомнение. Это злые люди. По мне, исходный корень антисоветизма Солженицына в том, что это злой человек. Остальное вырастает из этого.

Вероятно, многим это мое письмо покажется политически неверным. Может быть, я не прав в политике, но я чувствую, что лучше эти мысли не таить, что надо нам быть яснее и суше. Это письмо будет стоить мне существенных потерь, одних друзей я огорчу, других потеряю, но иначе уже не получалось. Отпущенную мне квоту фальши я, похоже, исчерпал.

Дело не в ностальгии. За десять лет мы многое поняли, собрали и изучили большой объем данных. Из них следует, что восстановление России возможно только на той же траектории, что и советский проект, пусть и в новых формах. Едва ли не главное условие не допустить возрождения, не утратить контроль над русскими состоит в том, чтобы поддерживать в обществе и особенно в интеллигенции достаточный уровень антисоветизма. Отрицание советского проекта, пусть пошлое и тупое, с ложью и подлогами, необходимо, чтобы люди не попытались понять его суть. Гайдар и Чубайс как антисоветские авторитеты уже «сгорели», и «белые патриоты» выходят в этой идеологической работе на первый план. Потому и мобилизованы все наличные ресурсы и так возросла их активность.

Вторая причина, по которой нельзя было отмолчаться, не такая рациональная. Я убежден, что нынешний антисоветизм не только заводит нас в тупик. В отношении советского строя (и еще более в отношении советского проекта) совершается огромная, исторического масштаба несправедливость. Я это знаю как профессиональный работник. Молча принимать такие вещи — даром нам не пройдет, каким-то боком это по всем нам ударит. Оклеветанная жертва убийства как-то нас достанет.

Тяжело быть свидетелем клеветы даже в том случае, если клеветают на неприятного тебе человека. Сегодня наши «антисоветские патриоты» клеветают на несколько поколений моего народа, которые взялись за тяжелый труд ради будущего, приняв на себя материальные лишения сверх теоретически возможных. Их помыслы были благородны, и двигала ими любовь — к нам, нынешним. Многие им не удалось, они недооценили слабости человека. Но и то, что удалось, огромно. И своими идейными принципами, и своими порядками они надолго обуздали злобу, хищничество и невежество людей. Кто же сегодня их мстительно оплевывает или платит за оплевывание? Именно те, чья жадность и злоба наконец-то вырвались на свободу. Жаль, что к ним иногда примыкают и те, кто был вскормлен именно советским хлебом, кто не получил бы свои «уроки французского» ни в какой другой школе, кроме советской.

В. Бондаренко, отвечая Бушину, сводит «красную идею» к делам Троцкого или Горбачева. Это подлог очень низкого пошиба. Ведь Бушин предупредил, что говорит за своего отца — поручика, пошедшего в Красную армию. Советский проект по круплицам, порой тайком, строили именно сотни миллионов наших отцов, преодолевая тайное, а потом и явное сопротивление всей касты троцких, горбачевых, солженицыных и гусинских.

За отцов не требуется заступаться. Но надо сказать новым «белым»: не думайте, что мы слепые. Мы видим, что все в вашей дутой антисоветской кампании шито белыми нитками. Да и руки, которые за нитки дергают, тоже видны.

2000 г.

БЕСЕДА С ОБОЗРЕВАТЕЛЕМ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

— Сергей Георгиевич, вот уже 12 лет Россия находится в тяжелом системном кризисе, но почему-то народ смиренно терпит все обрушивающиеся на него беды. Почему так? Почему не находятся люди, способные вывести ее на путь здорового развития?

— Наша культура, развиваясь последние 300 лет, сформировала определенный тип сознания. В нем есть очень существенное ядро, взятое от Просвещения, — рациональный способ рассуждений с выявлением причинно-следственных связей, в то же время в нем сильно воздействие главных наших религий, православия прежде всего. Есть еще народные суеверия.

И большое влияние за последние 100—120 лет оказал марксизм. На нашу интеллигенцию, прежде всего, причем не только левую. Как говорил один православный философ начала XX века, в терминах марксизма мыслил каждый образованный человек. Марксизм — тоже продукт Просвещения, но заостренный на объективные законы — проникнутый верой в науку рационально-фаталистический взгляд на исторические процессы. А в советское время такой подход накачивался через образование практически во все общество.

В результате возник тип сознания и мышления, который «прячется» от процессов, ведущих не к улучшению и не к прогрессу, — процессов слома, порчи, распада, катастрофы, регресса, то есть глубокого кризиса. Все наше мышление было настроено только на движение к «светлому будущему». Такой прогрессизм проник глубоко даже в наше подсознание.

В начале XX века обнаружился кризис индустриализма, типа цивилизации, который строился последние 300—400 лет. Весь мир в этот кризис втянулся, хотя и по-разному. Для

Запада катастрофа более фундаментальна, чем для нас. Потому что все основания, на которых их цивилизация стоит, — демократия, прогресс, гуманизм — начали рушиться. Фашизм был нарывом, который вскрыл несостоятельность главных идей, в которых западный человек воспринимал мир и судьбу человечества.

Мы на этот кризис смотрели оптимистично. Угроза гибели России как самобытной цивилизации, которую втягивали в периферию мирового капитализма, была преодолена через революцию. Выскочили из этой исторической ловушки. Но, строя у себя индустриальное общество, мы все равно подошли к общему кризису индустриализма, да еще одновременно со своим «конъюнктурным» кризисом того политического и экономического устройства, который мы построили, чтобы выскочить из прежней ловушки.

Есть афоризм у Ницше: «Как правило, человек попадает под экипаж именно тогда, когда он удачно увернулся от другого экипажа». Так же мы, выскочив из одной ловушки, да еще победив в войне, так уверовали в нашу безопасность, что разоружились идейно. Запад, который давно умеет экспортировать кризис куда-то на окраины, свой крах отдалял через холодную войну с нами. Победив в ней, он на время оттолкнулся от того, кого он утопил, и всплыл. Так вот, мы восприняли и болезнь индустриальной цивилизации, и поражение в холодной войне. А к осмыслению такого глубокого кризиса мы были не готовы. Эта неготовность накапливалась веками. Начиная с Петра мы не включали регресс и катастрофу в число объектов, которые надо интеллектуально освоить. В России неработан навык мысленно работать с такими образами.

— Это характерно для всех слоев общества?

— Да, но прежде всего, конечно, для образованного слоя, сильнее запрограммированного на прогресс. Его «шура» обычно меньше страдает, чем у других слоев, поэтому образованный слой особенно склонен к аутистическому мышлению, которое исключает из рассмотрения опасные, страшные и неприятные процессы. Свойство не видеть неприятного и трагического в нашей жизни распространено и во власти, и в оппозиции. Во власти больше, чем в оппозиции, потому что по-

следнюю заставляет замечать плохое реальность, буквально тыча оппозицию носом.

Пока нет рефлексии на предыдущее понимание реальности. Кризис настолько страшен, что большинство от такой ревизии уходит. А уж интеллигенция — точно. Если учесть, что к этому кризису она активно приложила руку, то неспособность к хладнокровному, даже циничному анализу собственных мыслей психологически понятна. Людей очень трудно подвигнуть к критике своего мировоззрения.

Поэтому первый мой тезис печальный: почти все представления об обществе, что сформировались и благополучно использовались в советское время, не работают. Почти все старые гуманитарии, независимо от политических позиций, вряд ли смогут перестроиться...

— Вы демонстрируете постоянно способность самопроверки взглядов, всегда находясь в поиске. Почему у молодых, у кого еще нет сильной запрограммированности, склонность убегать от действительности даже сильнее, чем, скажем, у нашего поколения, родившихся в 50-е?

— Я так не считаю. Скажем, 30-летние сопротивляются уходу от реальности, но в них еще сильна унаследованная предрасположенность к этому, слабее защита против манипуляции сознанием. Ну а те, кто помоложе, гораздо сильнее. Сегодня единственная группа, с которой я говорю без всякой натуги, и не надо искать каких-то ухищрений, чтобы тебя поняли, — это студенты. Причем опять же независимо от того, грубо говоря, за кого они из политиков. Сам тип их мышления готов к тому, чтобы перейти на реалистический язык и реальное видение действительности.

Если же говорить о личности, то мне легче — я занимаюсь этим ежедневно, это мой хлеб, но большинству людей приходится тратить время на поиски хлеба. А для радикального пересмотра действительности требуется много сил и времени. Тут какой вопрос ни возьми, понимаешь, что он настолько не продуман, что буквально каждая мелочь требует много времени и труда — за какую бы ниточку ни потянул.

Вот аналогия — мы как контуженые. После войны было много контуженых, не способных ни говорить, ни двигаться...

Наши психологи оживляли в их мозгу новые связи, обучая их, — и люди медленно-медленно, с трудом начинали вспоминать, говорить, двигаться... Мы сейчас переживаем похожий процесс. У нас больше шансов вылезти из этого болота на твердую почву, чем у Запада. Потому что они имеют средства спрятаться от накатывающего краха всей мыслительной и мировоззренческой конструкции. Они могут прятаться, потому что накоплены громадные ресурсы, создающие иллюзию, будто можно и дальше жить по-прежнему. У них есть мощный слой национальной буржуазии, которая мыслит прагматично и на все интеллектуальные игры — в постмодернизм, хиппи и пр. — смотрит как на детские шалости. Сама же выжимает соки из всего мира, для того чтобы эти «дети» могли играть в свои игры. У нас такого слоя нет.

— Вы ввели в широкий оборот понятие «институциональной матрицы», которое хорошо объясняет, что большие общественные системы работают по своей внутренней логике, их быстро не изменить. Кто-то сказал: большое чудо — что система высшего образования у нас еще продолжает работать. Преподаватели, запрограммированные прежней матрицей, не могут работать иначе.

— Так же и армия. Военные училища вновь и вновь воспроизводят тип советского, российского, русского офицера. Генотип российской армии сформировался за 300 лет, во многом отличаясь от западного. Попытка провести военную реформу, просто взяв какие-то чертежи западной армии, наивна. Наша властная элита не представляет, насколько ничтожны ее возможности сломать такие системы. Они ломаются лишь в результате национальной катастрофы типа протестантской Реформации. Когда всю страну охватила война и половина населения погибла. Профессиональная армия тоже еще долго будет оставаться прежней российской национальной армией. Не станет она похожей на американских наемников.

Подписав Болонскую конвенцию по унификации вузов, мы отказываемся от нашей системы организации и нашей методики, но это тоже наивные надежды. Потому что преподаватели внешне подчинятся, но сохранят свой культурный генотип. Школьники, придя в вуз, будут воспроизводить стереоти-

пы и архетипы, которые сложились в нашей культуре за 300 лет. И пытаться приказом изменить это — бесполезно. Ущерб при этом наносится большой — но покуда не сломана «игла Кощера», изменить эту систему невозможно. Ее можно убить, а потом на ее месте строить что-то другое. Но не было случая в истории, чтоб такие большие системы изменялись по решению власти.

Для нас сейчас актуален пример Японии, то, как она пережила американскую оккупацию. Без конфликтов они научились имитировать навязываемое им восприятие западных институтов, принимать их, но наполнять своим содержанием. Они ужом, но ускользнули от перевода японского языка на латинский алфавит. А у нас что происходит? Узбеки перешли на латиницу. Это катастрофа — все узбеки сразу стали неграмотными. Теперь даже название магазина пожилой узбек не может прочитать. У них пропадает вся накопленная литература. Представляете, что это значит? В мышлении господствует механицизм — все наши жизненные установления и устройства власть рассматривает как машины, которые можно разобрать, что-то выкинуть, другое вставить... Все метафоры, которыми пользуется наша интеллигенция, механистичны. К сожалению, мы не дозрели до того, чтобы преодолеть этот механицизм.

— Но это тоже своего рода институциональные матрицы — мировосприятие, миропонимание, мышление... Они ведь воспроизводят и косность. Политические тактики и стратегии тоже воспроизводятся — «Единая Россия» стремится стать снова как КПСС, едва ли не вернув 6-й пункт Конституции СССР о руководящей роли партии...

— Черномырдин сказал: «Какую партию ни строй у нас — все КПСС получается». Но молодежь от догм в значительной мере освободилась. Если мы сумеем организовать диалог старших поколений с молодежью, то наше мировоззренческое обновление произойдет без разрыва непрерывности. Почему нужен диалог? Молодежь не прошла уроков слома, полученных нами, стариками. Она выросла в условиях хаоса. Она не видела процессов слома порядка, но знать-то их надо. Чтобы строить новый порядок, надо знать, как порядок суще-

ствуется, как ломается. Ведь попытки строительства нового порядка и властью, и оппозицией (в проекте), постоянно терпят неудачу. Новые ячейки порядка размывает хаос, и мы не знаем, как их защитить.

Путин чем завоевал популярность? Тем, что, казалось, обещал строить порядок. Но успехи пока что скромные — и новые структуры разрушаются. Прежде всего, в сознании кризис не преодолевается. Главная общенациональная задача — это восстановление способности к рефлексии, умения наладить диалог между поколениями. Чтобы молодежь, помимо своей открытости к реализму, получила еще и знания, которые бы ее при этом не задавили.

Часто идет образование межпоколенческих «шунтов» вроде молодежных организаций при партии. В них мы видим, что старшее поколение доминирует, оно просто подавляет молодых. Не являясь мотором модернизации, оно молодым навязывает старые стереотипы. А те из-за конформизма и зависимости принимают такой тип отношений. Если бы старшее поколение старалось не обслуживающий персонал из молодежи получить, а помочь воспитанию тех, кто способен будет ответить на те вызовы, которые еще на нас не накатили в полной мере, а накатывают, это была бы работа по настоящему обновлению страны.

— Еще одна российская матрица — отрицание инакомыслия. Ведь его за все 300 лет истории у нас не было практически. Разве что в художественной литературе допускалось... Не от православия ли это идет, где любое отступление от «истины» считается ересью? Есть единственно верное толкование любого явления. Носителем истинного знания является царь, Церковь, партия, Президент... Особенно единомыслие заметно в провинции.

Проект «демократов» был прост, средства убоги, но большего-то и не надо было. Достаточно людям чуть запудрить мозги, и они покорно идут туда, куда гонят.

— Кажется, что кризис вроде механизма, неисправности которого устранимы. Потом начинаешь понимать, что это не так. Что изъяны не на механическом уровне, а на «молекулярном». Что другого блока на замену у тебя просто нет. И ты дол-

жен работать именно с теми блоками, которые твоя земля породила. И все начинает выглядеть по-другому.

Допустим, православие привнесло в наше сознание то, что сейчас стало нашим слабым местом. Но ведь это «дано», и надо думать, как работать с особенностями именно такого сознания. А когда сравнишь «данное» нам с тем, что «дано» на Западе, то видишь, что православие гораздо более терпимо к инакомыслию и задает гораздо менее жесткие рамки, чем, скажем, католичество, где папа непогрешим, где была инквизиция, где ереси ликвидировались целыми интеллектуальными слоями. У нас не было средневековых религиозных войн, как в Европе. А там в XIX веке дарвинизм был запрещен — ходили священники по домам и отбирали книги. Был большой список книг в просвещенной Европе, которые изымались из домашних библиотек (правда, так составлялись хорошие собрания книг при епархиях). У нас такого в России и подумать никто не мог.

У нас и власть, и криминальный слой при власти, и оппозиция — все они выросли из одной и той же культуры. И все их дефекты являются проявлением нашего культурного типа. Что же нам — сменить культуру? Отказаться от России?

Почему я из химии ушел? Потому что я стал критиком советской системы — в приложении к науке. Мне казалось, что ее организацию можно улучшить. Только через 20 лет изучения я понял, как был наивен. Наша наука сложилась как целостная система, обладающая во многих смыслах колоссальными преимуществами по сравнению с западной. Я думал, что можно у Запада позаимствовать то-то и то-то, вставить в нашу систему, и она станет лучше, но я не думал о том — а не сломается ли при этом что-то важное в нашей системе, так что она потеряет свои замечательные свойства? Понимание пришло, увы, с большим запозданием.

— Не слишком ли вы самокритичны? Ведь основания для критики советских порядков были вполне обоснованны...

— Они всегда есть. Вопрос, насколько мы понимаем их суть. Взять оппозицию. Допустим, мы бы получили ее боевую...

— Лучше — умную.

— Ладно — умную, которая бы умела добиваться своего. Тогда сегодня Россия уже была бы разрушена. Как массовое сознание видит преодоление кризиса? Оно рассматривает кризис как очень долгий процесс. Это иго. Не наскок, не «набег поляков», а нечто вроде татарского ига. Мы оказались несостоятельны по отношению к вызову истории. Люди чувствуют эту несостоятельность: мы не можем понять, ЧТО на нас накатило.

В этих условиях нужно замереть, пока не поймем, что происходит. И поддерживать тех, кто очень сильно дергается, в это время люди не склонны. У нас были в оппозиции люди, которые ставили вопрос ребром, — Анпилов, например. Если бы он руководил КПРФ, ее политика была бы более радикальна. Но думаю, что люди бы его быстро отвергли. Именно потому, что он думает, будто этот кризис можно преодолеть острым действием. На самом деле он сам не знает, что происходит с Россией. Его утверждения неадекватны реальности. Хотя, будь оппозиция эффективней, какие-то небольшие беды она могла бы лучше поправить.

— Вы написали книгу «Манипуляция сознания», где разоблачаете нынешнюю манипуляцию. Но разве не было в советское время такой манипуляции? Тогда она была грубее, сейчас же по-западному изощренна. Когда заставляли насильно изучать марксизм-ленинизм, систему, далекую от адекватного объяснения реальности... Для правильного диагноза болезни нужна ее история и еще история жизни больного.

— После пересадки на нашу почву Просвещения у нас возникло много нестыковок в мышлении, логике... Они порождали кризисы, худо-бедно мы их преодолевали. Но вот, когда с очередным кризисом мы не справились. Конечно, мы не должны восстанавливать структуры, виновные в катастрофе. Например, нельзя навязывать тот же марксизм в качестве всесильного учения. Явно, что эта теоретическая конструкция оказалась неадекватна нашей реальности, она нас дезориентировала. Политэкономия социализма неверно описывала наше хозяйство, мы оказались беззащитны, когда в журнале «Коммунист» фразеологию марксизма использовали Шаталин, Гайдар и пр. Мы сейчас должны, если не можем быстро выработать стройную теорию, просто вернуться к здравому смыслу, объясняя

реальность в простых терминах. Я даже отказываюсь употреблять термин «общественный строй». Потому что он толкает к привычным штампам. У нас есть некое «жизнеустройство», давайте его опишем в однозначно понимаемых терминах. Новое слово отключает ложные ассоциации.

— Вы писали, что нужен новый язык для описания реальности.

— Эта задача актуальна. Мы сейчас можем сказать, что необходимо заменить в системе нашего прежнего бытия, опыт катастрофы нам позволяет сделать это. Те, кто над ней размышляет, могут сказать, что надо устранить. Надо что-то предлагать молодежи взамен «износившихся» слов и способов их применения, чтобы она могла освоить реальность. Запад скачивается к постмодернизму. Там считают, что Просвещение потерпело крах, его нормы не позволяют описать то, что творится в мире. И целая профессорская рать заявляет, что истины нет, а есть ситуации, в описании которых все дозволено. Мы должны сделать выбор — пойти по этому пути или по пути ремонта и обновления того интеллектуального аппарата, что имели. Я утверждаю, что для нас постмодернизм будет культурной гибелью.

На Западе постмодернизм — это кипение, под которым есть буржуазная прослойка, цинично мыслящая, имеющая реальную власть, плюющая на всякие учения и выкачивающая ресурсы отовсюду, откуда можно. У нас же нет такой силы, у нас все — интеллигенты! В «бизнес-элите» 95 процентов с высшим образованием, а 20 процентов — с учеными степенями. Это часть интеллигенции, получившая в условиях хаоса дармовую собственность и бешеные деньги. Наша власть, начиная с Путина и кончая главой местной администрации, — интеллигенты. Они мыслят нереалистично, если речь не идет о корысти. Это несостоятельные руководители в деле поддержания жизни в стране. Мы держимся лишь на здравом смысле массы работяг — от Садовниченко в МГУ до рядового сантехника. Они, наплевав на всякие теории, исходят из простых истин. С помощью здравого смысла не найти наилучших решений выхода из кризиса, но хотя бы не наделаем непоправимых грубых ошибок. На здравом смысле можно продержаться

ся до тех пор, пока не поймем, что происходит. И тогда возникнет проект, в который все, от рядовых граждан до Путина (возможно, тоже рядового), вольются. Кто-то, конечно, на лесоповале.

— Что надо делать, чтобы, проходя через наши беды, минимизировать потери и ускорить выход не только к здоровому смыслу, а и к здоровому образу жизни? Где коренится наибольшая опасность?

— Она — в разрыве поколений. Если молодежь скатится к цинизму, то поставит крест на будущем. А старшие поколения, закосневшие в своем отрицательном опыте, не смогут передать молодежи положительный опыт и традиции. Пока связь поколений держится на тонких ниточках, которые могут разорвать. И это стараются сделать, например, телевидение, хотя оно всего лишь инструмент в чьих-то руках.

На Западе есть силы, желающие лишить Россию ее сути, превратить в «пространство». Считается, что от нас исходит какая-то трудно понимаемая опасность. Не желая понять Россию рационально, они испытывают желание нас устранить как культурную целостность, как проект бытия. Уничтожать не хотят, но если мы выйдем, тоже неплохо. Для придушения России они достаточно хорошо ее знают. И телевидение явно работает на то, чтобы диалог между стариками и молодыми не возник.

Эту опасность понимают смутно оба поколения. Приходя в студенческую аудиторию, я вижу, как студенты жадно впитывают опыт. Можно говорить с ними по четыре часа, без всякой темы. Мне раньше трудно было представить, чтобы студенты так внимательно слушали обсуждение общественных проблем. Этого им явно не хватает, им этого не дают учебники, СМИ, не дают родители, потому что в семье конфликты поколений очень болезненны, острые вопросы жизнеустройства здесь обходят. Со своими детьми трудней говорить.

Если удастся укрепить межпоколенческие связи, то мы остановим сползание в пропасть. Нас сейчас «подморозили», публичная политика исчезла на четыре года, этим надо пользоваться. Но, замораживая политику, Путин замораживает и проблемы, кризис, который через четыре года обрушится на нас с еще большей силой. Политика Путина — это временное

облегчение боли в нашем организме, которое позволяет подготовиться к худшему. Но этого не заметно.

— Какие действия, по-вашему, сегодня наиболее эффективны в российской политике?

— Надо перейти от ругани по мелочам к формулировке фундаментальных проблем и их причин. Книгу «Царь-холод» мы написали не для того, чтобы прокричать про беды в тепло-снабжении, а чтобы обосновать то, что сказано в введении и заключении. Что нужно отказаться от проекта переделки всех институциональных матриц России.

Стали уничтожать колхозы, но ясно, что не могут фермеры накормить страну. Большевики тоже допускали ошибки, но быстро их исправляли — вот чему учиться надо. Увидели, что с коллективизацией на первом этапе ошиблись, — поменяли доктрину, за три года восстановили поголовье скота. А сейчас и признаков нет, что хотят исправить ошибки. Двенадцать лет вырезается скот, и ничего не делается для исправления положения.

— Вы указали на слабость сообщества экспертов. Большинство из них себя дискредитировали. Для обсуждения того, о чем вы говорите, видимо, нужно создавать новое экспертное сообщество...

— Поиск новых людей, кристаллизация новых экспертных групп идет. Идет взаимное «обнюхивание», всегда находятся несколько человек, которые обладают нужными способностями и знаниями. Необходима площадка, где можно было бы говорить по-новому. Если бы на это привлечь кое-какие ресурсы, дело шло бы быстро. Сегодня люди, занимающиеся анализом, сделать больше, чем они делают, не могут. Просто потому, что они много времени тратят на добывание хлеба насущного. Нужна или организационная база типа партии, которая добывает ресурсы, или какие-то государственные учреждения типа научных, но пока этого нет.

Я считаю, что первую волну кризиса мы пережили, но не факт, что переживем следующую. Однако той «воли к смерти», которой веяло от многих, уже нет. И в провинции хоть и тяжелое положение, даже низшие чины «Единой России» мыслят по-земному, знают реальность, думают, как они будут действовать, когда грянет катастрофа...

Люди в местной власти, как правило, все местные, потому повязаны заботой о земляках. И хотя многие из них вороваты, это тот костяк, на который «ляжет» катастрофа. Они не политизированы, не поминают Большую Политику, они знают, что им придется вытягивать свой регион.

Людям необходима площадка, на которой они могли бы обсуждать фундаментальные вопросы. Политики пока избегают такого обсуждения. Все главные утверждения Путина неадекватны реальности, это просто ритуал, как при КПСС. Только хуже, потому что тогда положение не требовало в такой мере трезвого сознания, был еще в запасе «жирок», но сейчас ситуация критическая.

2003 г.

БЕСЕДА С ОБОЗРЕВАТЕЛЕМ ГАЗЕТЫ «СОЛИДАРНОСТЬ» ОЛЕГОМ НАЗАРОВЫМ

(после выборов в Госдуму в 2003 г.)

Вопрос: Сергей Георгиевич, закономерен ли результат, полученный КПРФ на минувших парламентских выборах?

Ответ: В политической борьбе нет краткосрочных закономерностей. Могло повернуться и по-другому. На политической сцене действует много активных политических сил, это сильно затрудняет прогнозирование.

Вопрос: Тем не менее, что помешало компартии выступить на выборах в Госдуму удачно — дефицит кадров, раскол в партии, отсутствие привлекательных идей, иные причины?

Ответ: Причиной явилось, прежде всего, то, что партия не соответствовала изменившимся ожиданиям избирателей. Она не поспевала за ходом событий. Причем отстала и в теоретическом плане, и в плане языка, и в плане разработки проекта будущего жизнеустройства, и поиска путей преодоления кризиса. КПРФ оказалась не на высоте требований момента. Тот кредит доверия, который она имела на прежнем этапе, в существенной мере иссяк в новых условиях. Это — причина «массивная», а не конъюнктурная.

Вместе с тем, левый политический фланг и в тактическом плане не нашел, что противопоставить образу Владимира Путина, который был создан СМИ. Вся пропаганда КПРФ строилась на отрицании, по сути дела, «программы Ельцина» без того, чтобы убедительно показать, что «проект Путина» в главном является продолжением программы Ельцина. Напротив, Путин создал политические структуры, в существенной мере напоминающие КПСС (я имею в виду «Единую Россию»), создал иллюзию восстановления стабильности типа советской, хотя под этим нет реальной основы. Помимо того, Путин сделал

ряд сильных пропагандистских ходов (например, арест Михаила Ходорковского), которые породили надежды, что существующий режим будет ликвидировать олигархическую надстройку. Такие средства влияния на массовое сознание оказались успешными. Эти причины, на мой взгляд, в достаточной мере объясняют результаты выборов для КПРФ.

Вопрос: Как вы оцениваете сегодня потенциал лидера партии Геннадия Зюганова? Можно ли считать его исчерпанным?

Ответ: Ответ на этот вопрос во многом зависит от позиции руководства КПРФ, его дальнейших действий. Потенциал самой КПРФ концентрируется не в личности лидера, а в векторе, в образе предлагаемого партией пути. А этот вектор ослаб. Сегодня людям трудно понять, каков проект КПРФ. Если Зюганов возглавит процесс обновления, идейного и культурного развития партии, то он сможет восстановить свой авторитет. А если он не сможет организовать такую работу, его авторитет так и останется на нынешнем уровне. Но полностью своего авторитета Зюганов, на мой взгляд, не утратит, просто этот авторитет перестанет быть действенным.

Вопрос: Что вы думаете по поводу конфликта между сопредседателями НПСР Геннадием Зюгановым и Геннадием Семигиным?

Ответ: Честно говоря, я за этим особенно не слежу и не знаю ни сути конфликта, ни деталей, а они здесь особенно важны.

Вопрос: На ваш взгляд, может ли от КПРФ отпочковаться более либеральное крыло, на базе которого будет создана социал-демократическая партия? Хочу подчеркнуть, что я имею в виду серьезную, а не диванную партию.

Ответ: Думаю, что отпочковаться такая партия не может. А вот создать ее в союзе с КПРФ можно было бы. Так, как это предполагалось поначалу в инициативе Г.Н.Селезнева в то время, когда он еще был в партии. Но пока что подобные проекты не удаются, хотя это было бы очень полезно.

Вопрос: Думская фракция КПРФ понесла не только количественные, но и качественные потери. Как вы оцениваете нынешний кадровый потенциал думской фракции КПРФ?

Ответ: Мне не кажется, что там что-то принципиально изменилось в силу того, что в составе думской фракции сменились какие-то фигуры. Государственная дума дает компартии большие информационные возможности, что и определяет потенциал фракции. Но многое здесь будет зависеть от того, сумеет ли фракция обновить свой инструментарий — интеллектуальный, теоретический и прочий. Если не сможет, потенциала у нее не появится, ибо она не сможет использовать данные Госдумой возможности. Вспомним, что в царской Думе в начале XX века было всего по несколько социал-демократов. Однако они играли важную роль. Парламент дает огромный поток информации, который оппозиция больше нигде получить не сможет — от депутатов далеко не все можно скрыть. Но если его не использовать, то он для оппозиции пропадает.

Вопрос: Левый фланг раздроблен. Скорее всего, идея объединения будет вновь актуализирована. Какие барьеры придется брать на этом пути?

Ответ: Главный барьер — это та структура мышления и мировоззрения, которые во многом унаследованы от официального советского обществоведения. А оно было не адекватно ни советской реальности, ни тем более нынешней реальности. Люди, которые не могут от этой структуры освободиться, не могут ни понять происходящего, ни тем более консолидировать людей для реализации какого-нибудь проекта.

Вопрос: Какие перемены на левом фланге наиболее вероятны в ближайшие два-три года?

Ответ: На этот вопрос невозможно ответить. Ясно, что левый фланг находится на распутье. А здесь все будет определяться принимаемыми решениями. Сейчас мы наблюдаем ситуацию неустойчивого равновесия. А в подобных ситуациях давать прогнозы в принципе невозможно. Можно описывать самые разные сценарии. Однако сказать, какой из них реализуется, нельзя.

РАЗУМ И «ВОЛЯ К СМЕРТИ» В ПОЛИТИКЕ

Слово «политика» происходит от греческого *pólis* — государство. Политика — государственные дела. Сфера их очень широка, но ее ядром является проблема завоевания, удержания и использования государственной власти. Политика — необходимый срез жизни сложного (гетерогенного) общества, в котором сосуществуют и взаимодействуют разные социальные группы, разделенные по классовым, национальным, культурным и другим признакам. Идеалы и интересы, соединяющие людей в эти группы, различны. Во многих случаях эти различия дозревают до стадии антагонизма.

В чем суть политики? Если говорить о легитимной власти, то ее сверхзадача — гарантировать существование и развитие страны (народа) с сохранением ее пространственно-культурной идентичности. Как говорил Менделеев в отношении России, «уцелеть и продолжить свой независимый рост». Чтобы этого достичь, нужно согласовать интересы разных групп — наиболее «дешевым» способом из всех доступных.

Лучше всего, конечно, осуществлять конструктивное разрешение противоречий, творческий синтез, ведущий к развитию. Если для этого нет творческих и материальных ресурсов, политики ищут компромисс — противоречие смягчается, «замораживается» до лучших времен. Если и это не удастся, собираются силы, чтобы подавить несогласных. При этом неприятные последствия откладываются на будущее. На какое будущее, зависит от остроты кризиса и масштаба времени, которым оперируют политики. Иногда на несколько поколений, как было перед войной в 30-е годы, иногда хоть на пару месяцев, как в октябре 1993 г.

В общем, идеалом власти всегда является достижение гражданского согласия и прочного мира. Это удается редко, и приходится довольствоваться гражданским перемири-

ем. Переговоры о его продлении — ежедневный труд политиков. В общем, как сказано в фундаментальном труде «История идеологии», по которому учатся в западных университетах, «демократия есть холодная гражданская война богатых против бедных, ведущаяся государством». В этой формуле выражено, со свойственным Западу дуализмом, главное противоречие гражданского, то есть классового, общества.

Эта формула для нас не годится — нам все уши прожужжали о том, что отродясь не было и нет в России ни демократии, ни гражданского общества. Но что-то ведь есть! Об этом бы и надо нам говорить, следуя нормам рационального мышления. Ведь это первый шаг к познанию реальности — увидеть «то, что есть», а потом уж рассуждать о «том, что должно быть».

Тут первый камень преткновения нашей политологии и всего нашего обществоведения — либерального досоветского, марксистского советского и нынешнего антисоветского. Восприняв язык и познавательные нормы Просвещения, оно прикрыло свой взор фильтром евроцентризма. Оно просто не видело факты и процессы, о которых не было написано в западных учебниках. А если и видело, не имело слов, чтобы их объяснить или хотя бы описать.

Этот фильтр стал важной причиной той катастрофы, которую потерпела политическая система России в начале XX века. Маркс сказал, что крестьянин — «непонятный иероглиф для цивилизованного ума», а в понятиях марксизма мыслила тогда вся наша интеллигенция, включая жандармских офицеров. И вот, государство направляет свою мощь на разрушение крестьянской общины, а кадеты с эсерами начинают гражданскую войну против Советов, этой общиной порожденных. Чаянов пытался растолковать марксистам этот «иероглиф», но его поставили к стенке (хотя и не за это), а самим крестьянам навязали модель колхоза, срисованную с киббуца, — потому что «цивилизованный ум» прославил киббуцы как шедевр социальной инженерии. Хорошо хоть, что быстро выправили ошибку.

Член ЦК партии кадетов В.И. Вернадский написал в 1906 г.: «Теперь дело решается частью стихийными настроениями, частью все больше и больше приобретает вес армия, этот

сфинкс, еще более загадочный, чем русское крестьянство». И что же? Политическая система царизма действительно оказалась беспомощной перед загадкой этого сфинкса, своими руками шаг за шагом превращая армию в могильщика монархической государственности. Потом этот же путь «исходили до конца» и Керенский с Корниловым. Ведь вожди Белого движения так построили свою армию, что, по выражению В.В. Шульгина, пришлось «белой идее переползти через фронты гражданской войны и укрыться в стане красных».

Какое-то время советская государственность продержалась на творческой мысли первого поколения революционеров, «преодолевших Маркса», на опыте старых генералов и бюрократов, на здравом смысле «рабоче-крестьянской» номенклатуры. Но уже в 60-е годы наступила более или менее сытая и благополучная жизнь, сменилось поколение и произошла, по выражению М. Вебера, «институционализация харизмы» — политическая машина катилась сама собой, без революционного задора и творчества, но и без тяжеловесной крестьянской логики. О том времени можно было бы воскликнуть: «Уже написан «Исторический материализм» Келле-Ковальсона!» Без крови — а опять запахло трагедией. Андропов издал крик отчаяния: «Мы не знаем общества, в котором живем!»

Вот с такой научной базой стали политики перестраивать советское общество, причем методом слома и ампутации. При этом они пользовались западными учебниками и «чертежами», не располагая тем запасом неявного знания, который есть у западных политиков и без которого эти учебники вообще не имеют смысла. Когда в конце 80-х годов начали уничтожать советскую финансовую и плановую системы, «не зная, что это такое», дело нельзя было свести к проискам агентов влияния и теневых корыстных сил (хотя и происки, и корысть имели место). Правительство подавало нашептанные «консультантами» законопроекты, народные депутаты из лучших побуждений голосовали за них, а им аплодировали делегаты съезда КПСС. Политики, размахивая скальпелем, производили со страной убийственные операции — то тут кольнут, то там разрежут. И все приговаривая: «Эх, не знаем мы общества, в котором живем, не учились мы анатомии». Вот и катим-

ся мы сегодня в инвалидной коляске, мычим и куда-то тянемся культей...

Что же изменилось со времен перестройки? Эмпирический опыт получен огромный, причем на собственной шкуре — живого места нет. Казалось бы, после таких экспериментов должны мы были бы познать самих себя. Нет, это знание так и остается на уровне катакомбного. Где-то в мрачных кельях его обсуждают вполголоса, а политики так и продолжают с гордостью говорить о «неправильной стране» и «неправильном народе». Правда, теперь в щадящих выражениях: «а вот в цивилизованных странах то-то...» или «а вот в развитых странах так-то...». Эта «неправильность» России для политиков служит безупречным оправданием любой их глупости. Неправильный народ пока что виновато переминается с ноги на ногу.

Недавно на совещании преподавателей обществоведения зав. кафедрой политологии объясняла, какие полезные курсы читаются студентам, — «их учат, как надо жить в гражданском обществе». Ее спросили: зачем же учат именно этому, если у нас как раз гражданского общества нет? Почему не учить тому, что реально существует? Она удивилась вопросу, хотя и признала, что да, далеко нам до гражданского общества. Почему же она удивилась? Потому, что в ее сознании господствует не реалистическое, а аутистическое мышление. Проведенная за последние 15 лет кампания по разрушению культурного ядра нашего общества привела к деградации структур рационального мышления — его аутистическая компонента вытеснила реалистическую. Это произошло прежде всего в среде гуманитарной интеллигенции.

Одним из следствий этого стало странное убеждение, что «неправильное — не существует». Гражданское общество — правильное, но его у нас нет. Значит, ничего нет! Не о чем думать и нечему тут учить. Вспомните, например, как стоял вопрос о характере советской правовой системы. Советское государство? Неправовое! Не было у нас права, и все тут. Подобный взгляд, кстати, стал одной из причин кризиса политической системы России в начале XX века. И либералы, и консерваторы восприняли дуалистический западный взгляд: есть

право и бесправие. Требования крестьян о переделе земли они воспринимали как неправоное. На деле правовая система России была основана на триаде право — традиционное право — бесправие. А земельное право, которому следовал общинный крестьянин, было трудовым. Не видя реальной структуры действующего в России права, и власть, и либеральная оппозиция утратили возможность диалога с крестьянством (80% населения).

Точно так же советская либеральная интеллигенция времен перестройки, уверовав в нормы цивилизованного Запада, стала отрицать само существование в СССР многих сторон жизни. Настолько эта мысль овладела интеллигентными умами, что на телевидении элегантная дама жаловалась на то, что «в Советском Союзе не было секса».

Таким образом, от незнания той реальности, в которой мы живем, наш политический класс перешел к отрицанию самого существования реальности, которая не согласуется с «тем, что должно быть». У наших политиков это стало своеобразным методологическим принципом. Этому есть масса красноречивых примеров из рассуждений самых видных и уважаемых политических деятелей и близких к ним академиков-обществоведов. Приведу лишь один пример, но совершенно типичный. В «телефонном разговоре с народом» в декабре 2002 г. В.В. Путину задали вопрос о реформе ЖКХ.

Президент ответил: «Действительно, мы очень много и часто говорим о необходимости проведения реформы в сфере жилищно-коммунального хозяйства, а сдвигов пока нет, и реформа вроде бы не идет. И это тоже правда, и я скажу почему...»

Здесь для нас важна не содержательная сторона ответа, а утверждения методологического характера. Реформа ЖКХ началась в 1992 г. В.В. Путин говорит: «Реальных сдвигов не видно». Как можно сказать такое, если реальные сдвиги налицо! Вот лишь самые очевидные. Хозяйство, которое практически полностью (на 85%) содержало государство, теперь почти полностью оплачивают сами жители — это привело к структурным сдвигам в бюджете буквально каждой семьи. В результате реформы теплоснабжения динамика аварий стала выражаться геометрической прогрессией — в 1990 г. было 2 аварии на 100 км

теплотрассы, в 1995 г. — 15, в 2000 г. — 200 аварий. Значит, деградация системы приобрела характер цепного самоускоряющегося процесса. Это фундаментальный сдвиг, изменение самой природы системы, ее качественного состояния.

В чем же дело? Как понимать утверждение В.В. Путина? Дело в том, что людей с реалистическим мышлением волнуют прежде всего именно сдвиги к худшему, а президент отбрасывает саму мысль, что такие сдвиги бывают в действительности. Раз улучшений в сфере ЖКХ, которые обязаны были иметь место при его правлении, не наступает, значит, «реальных сдвигов не видно».

Аналогично и второе утверждение: «Реформа вроде бы не идет». Как это не идет, если именно реформа ЖКХ стала в последние годы главной причиной социальных протестов терпеливого населения? Разве не реформой является само расчленение единой государственной отрасли на огромное множество мелких акционированных фирм? Разве не реформой является обязательная передача объектов ЖКХ, принадлежавших промышленным предприятиям (например, котельных), в муниципальную собственность? Свидетельства глубокого реформирования ЖКХ перед глазами у людей. Неужели политики этих свидетельств не видят? Они, скорее всего, отметаю́т саму мысль, что проводимая под их руководством реформа может иметь неблагоприятные последствия. Нет, либеральная реформа является благом по определению, и если благо не появляется, значит, «реформа вроде бы не идет».

Очевидно, что нынешний кризис в России представляет собой клубок противоречий, не находящих конструктивного разрешения. Но политики категорически отказываются от диалектического принципа выявления главных противоречий. Они предпочитают видеть кризис не как результат столкновения социальных интересов, а как следствие действий каких-то стихийных сил, некомпетентности, ошибок или даже недобросовестности отдельных личностей в правящей верхушке. При этом исчезает сама задача согласования интересов, поиска компромисса или подавления каких-то участников конфликта — «политический класс» устраняется от явного выполнения своей основной функции, она переходит в

разряд теневой деятельности. Для прикрытия создается вне-социальный метафорический образ «общего врага» — бедности, разрухи и т.п.

Такую концепцию отстаивает, например, Аграрная партия России. М.И. Лапшин сказал на съезде в 2000 г.: «Рецидивы баррикадного сознания всем нам нужно скорее преодолеть. У нас сегодня один общий противник: разруха и развал, и именно с ним крестьянству и власти нужно сообща, засучив рукава, вместе бороться».

АПР перешла на риторику, которая отрицает конфликт интересов в России и вообще утратила социальное измерение. Противник — разруха! Как будто это не социальное явление, не результат конкретных решений и действий, а какое-то стихийное бедствие. Не может же политическая партия не понимать, что разруха создана действиями определенных сил, она им нужна, она позволила кое-кому составить огромные состояния и поэтому вовсе не является «общим» противником.

Таким же врагом-призраком выглядит в программе В.В. Путина бедность, с которой надо вести общенародную борьбу. Эта доктрина стала выражением того расщепления сознания, каким отмечено мышление политической элиты. Ведь бедность половины населения в нынешней РФ — это не наследие прошлого. Она есть следствие обеднения и буквально «создана» в ходе реформы. Известны социальные механизмы, посредством которых она создавалась, и политические решения, которые запустили эти механизмы, — приватизация земли, промышленности и части социальной сферы, изменение характера распределения богатства (прежде всего доходов), ценообразование, налоговая политика и т.д. В этом суть экономической реформы, и если эта суть не меняется, то она непрерывно воспроизводит бедность. Поэтому «борьба с бедностью» несовместима с «неизменностью курса реформ».

Очевидно, что создать огромные состояния и целый слой богатых людей в условиях глубокого спада производства можно только посредством изъятия у большинства населения значительной доли получаемых им в прошлом благ, что и стало причиной обеднения. Это и служит объективным основанием социального конфликта — независимо от степени его

осознания участниками. Следовательно, борьба с бедностью предполагает неизбежное изъятие значительной части богатства у разбогатевшего меньшинства. Есть ли признаки готовности политической верхушки хотя бы к диалогу по этой проблеме? Нет, до сих пор никаких признаков не возникло.

Нет даже признаков того, что само государство готово возместить гражданам изъятие у них сбережений, хранившихся в государственном Сбербанке с государственными гарантиями. А ведь сумма эта колоссальна, и ее потеря населением стала важной причиной обеднения. В.В. Путин в телефонном разговоре с народом в декабре 2003 г. сказал: «Общий объем долга перед населением — я хочу обратить на это ваше внимание — 11,5 триллиона рублей... Теперь хочу обратить ваше внимание на темпы и объемы этих выплат... В 2003 г. — 20 миллиардов, а в 2004-м мы запланировали 25 миллиардов рублей...».

Гражданам сообщается, как о большом одолжении, что в 2004 г. государство вернет им 25 млрд. руб. — 1/420 от суммы долга. Одну четырехсотую! Это значит, что возвращение долга (даже без процентов!) рассчитано на 420 лет — если цены на нефть будут держаться на нынешнем высоком уровне. Какое уж тут гражданское общество...

Чем же может быть полезна обществу в этих условиях интеллектуальная работа оппозиции? Может ли она в принципе быть полезным обществу в целом в условиях, когда оно расколото глубокими противоречиями, — или может служить только какой-то одной «партии»?

На мой взгляд, в ходе перестройки и реформы были допущены действия, которые нанесли сильнейшие удары именно по обществу в целом. Хотя в краткосрочной перспективе они и дали преимущества каким-то небольшим или даже маргинальным социальным группам, эти преимущества сопровождались столь глубокой деградацией самой «среды обитания», что и господствующее меньшинство оказывается беззащитным перед возникающими угрозами (а некоторые угрозы даже наиболее опасны как раз для этого меньшинства).

С другой стороны, ни в какой части общества конфликт не созрел до такого состояния, чтобы она была готова запустить самоубийственные процессы и, обняв врага, броситься с ним в

пропасть. Таким образом, пока что в обществе существует общий интерес — не допустить развития конфликтов до перехода пороговых критических точек, за которыми начинается лавинообразный процесс. Для этого требуется «починка сознания» — как массового, так и в политически активной части населения, прежде всего в самой оппозиции. Это — именно в общих интересах. Только решив эту задачу, политики смогут овладеть объемом своей деятельности — трезво представлять себе «карту противоречий» и структуру стоящих за ними социальных сил. Лишь в этом случае возможна реалистичная и рациональная постановка целей, учет непреодолимых ограничений, расчет сил и средств, выбор оптимальной альтернативы.

Сегодня главное — не ведение боевых действий, а создание того пространства, в котором боевые действия любой политической силы будут поставлены под контроль разума, будут планироваться на языке рациональных понятий и логики и освободятся от той «воли к смерти», которой были проникнуты действия реформаторов в период ельцинизма.

2004 г.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА НЫНЕШНЕЙ РОССИИ

Политическая культура России сегодня... Если говорить о главном, выйдет в стиле импрессионизма. То, что говорят политологи, частично верно, но не о том. Россия пребывает в состоянии плохо формализуемой аномалии. Это система порочных кругов, вдетых один в другой, а если в динамике, то это сверкание множества переходов «порядок-хаос», так что в каждой точке действует принцип неопределенности. В этом смысле сегодня Россия — «страна постмодерна».

Говорить о преемственности, искать аналогии с временами Сталина, Ивана Грозного или Ярослава Мудрого бесполезно. Выдели отрезок «Горбачев — Ельцин — Путин», до него — разрыв непрерывности, а после него — неизвестно что.

Политическая культура — часть культуры. Говорить о ней в РФ сегодня — как говорить о сознании больного в лихорадочном бреде. Он тоже, конечно, человек, тоже мыслит, мычит и временами говорит. Но надо принимать во внимание лихорадку.

Например, спорят и даже ругаются: что у нас в РФ за политическая система? Демократия? Авторитаризм? Тоталитаризм? Бессмысленно. У нас суверенная демократия — посмотрите на градусник! Определить тип этой культуры трудно, явление многостороннее. Если видеть ее как систему ценностей и институтов, то я бы сказал, что наша политическая культура сегодня — это гибрид соборности с коррупцией. То есть соединение ценностей целого с ценностью предательства — полного отрицания целого. Горбачев с его ГКЧП, Ельцин на танке, ликующая толпа.

Из этого «свято-звериного» кентавра массы и политики вырастает провокация как высшее творение этой культуры.

Без соборности масс, которые любят власть, такое искусство не могло бы возникнуть. В нем дышит гений Достоевского, и на знамени нынешней политики лики ее духовных отцов — Ивана Карамазова и Смердякова. Строение современной провокации столь совершенно, что люди, видя ловушку, вынуждены в нее лезть — это меньшее зло. Так и ползем, дергаясь.

Культура СМИ как «видимой и слышимой» ипостаси политики целиком стоит на провокации. Даже ложь нашего телевидения утратила свои безобидные черты. Она уже не навевает человечеству сон золотой, не успокаивает. Слушаешь это вранье, и охватывает беспокойство — что за этим стоит? Принципом российской политической культуры стало держать уровень нервозности общества вблизи красной черты. Ни дня без стресса! Посмотрите в глаза Сванидзе — и мороз по коже.

Россия как цивилизация не успела успокоиться, прийти к внутренней гармонии. В ней постоянно шло столкновение нескольких ядер, и все с мессианской компонентой. Взять хотя бы наших неолибералов. Казалось бы, цель рациональная — обобрать «египтян». Но даже воровство проведено с религиозной страстью, превращено в Великий поход. Даже Моисея помянут — водил сорок лет по пустыне, пока не вымерли, кому следовало. А мы, мол, чем хуже.

Население из опыта знало, какие демоны беснуются в меньшинстве, что рвется в политику. Поэтому в развитой советской политкультуре ценилась стабильность и даже бесконфликтность. Голосовать единогласно, всех называть по имени-отчеству. Казалось, дух раздора загнан в бутылку, а идол «единства и борьбы противоположностей» стал экспонатом в музее диамата. Но пришел Горбачев, разбил бутылку и оживил идола.

За что люди ценят Путина? За то, что он снова подморозил этот разгул, завел Великий поход в бюрократическое болото и даже как будто загнал часть расплодившихся бесов в бутылки. Действовать надо было срочно, потому что к концу 90-х симптомы болезни стали опаснее, чем сама болезнь. Сейчас болезнь развивается, но температура слегка сбита. Мы получили небольшой резерв времени, из чего, конечно, не следует, что врач прибудет вовремя.

Каких же зомби вызвали из могил Горбачев с Ельциным и бросили на укрепление политкультуры? Список их велик, укажу тех, кто орудует уже без маски.

Безжалостность к населению. Этот тип жестокости мы уже и не предполагали в людях. Иногда кажется, что мы во власти инопланетян. Выступает политик, говорит о реформе ЖКХ. Кажется, если бы ты смог протянуть к нему руку через телеэкран и дернуть его за щеку — кожа отслоилась бы, а под ней чешуя ящера с неизвестной планеты.

В РФ создано социальное «дно» в размере 11 млн. бездомных, нищих и беспризорников. И 7 млн. — «придонье», живущее в состоянии отчаяния. Такого не было и, видимо, никогда не будет нигде в мире: из общества выброшена огромная масса людей, в которой большинство имеет среднее образование, а 6% высшее образование. В РФ создана невиданная в мире бедность работающих людей. Из общего числа бедных более двух пятых составляют лица, имеющие работу. Это — не проблема экономики, это уникальное свойство политкультуры.

Культурный садизм. Он пропитывает мысли, слова и дела политкласса РФ. Одни орудуют инструментами пытки, другие сладострастно смотрят, совестливые укоризненно покачивают головой. Эксперты снабжают палачей сведениями о болезненных точках жителей России — для каждой группы свои. Для одних мучительно глумление над святынями, для других растление детей и подростков, для третьих уничтожение непреходящих ценностей культуры. Да и сама пошлость политических шоу достигла уровня пытки.

Уничтожили науку, которую Россия выращивала триста лет, — без всякого разумного объяснения, просто потому, что это огромное национальное достояние, возможно, неповторимое. Эта утрата бьет по карману и собственников (например, опустошен научный задел ВПК, иссякнет экспорт оружия). Но не единым хлебом живы они, есть у них и духовные запросы.

Ложь, разрушающая рациональность. Политика всегда сопряжена с ложью — приходится успокаивать или возбуждать чувства людей, соблазнять их или пугать, создавать благоприятный образ чего-то или очернять его. Вопрос в мере и

объекте лжи. В нынешней политкультуре РФ возник новый тип лжи — как инструмента подрыва рационального мышления граждан. Это ложь, разрушающая меру и логику, язык, чувство времени и систему координат, в которой ориентируется человек. Может быть, в каждом отдельном случае политик уверен, что решает конкретную задачу. Но со стороны видна именно система, ставшая частью культуры. Нынешние политики, как бы они ни дрались между собой, являются сообществом, скрепленным набором норм и ответственностью. Тот факт, что заведомая ложь не вызывает со стороны сообщества никаких санкций, показывает, что она стала узаконенной частью культуры этого сообщества.

Вульгаризация. Как тифозные вши, такая мелочь, могут выкосить население целых областей, так и примитивный инструмент политика — вульгаризация проблем — может загнать страну в историческую ловушку. Так и произошло в РФ — из мышления и языка удалось исключить саму проблему выбора. Вся политика РФ опущена с уровня бытия до уровня быта. Дебаты идут только по поводу решений, как будто исторический выбор задан стране откуда-то сверху и обсуждению не подлежит. Мы едем неизвестно куда, но доедем быстро.

Русофобия. Главный вектор нынешней политкультуры РФ — демонтаж того ядра России, которым является русский народ. Поэтому объектом разрушения стала мировоззренческая матрица, на которой этот народ был собран, а также все системы, воспроизводящие эту матрицу (как школа или армия). Взят курс на примитивизацию духовной жизни русских. Это — политический выбор, а не происки «невидимой руки рынка». Из общего духовного пространства изъяты русская классика, художники-мыслители XX века (такие, как Горький, Блок, Маяковский), социальная лирика и революционная песня Серебряного века, не говоря уж о советской. Даже старые русские песни даются в уголовной аранжировке.

На средства госбюджета делают фильмы, рисующие русских (советских) недочеловеками. Видный западный обозреватель, говоря об антисоветском дискурсе середины 90-х годов, так объяснил смысл внушаемой дилеммы: «Русские — недочеловеки потому, что коммунисты, или они коммунисты

потому, что недочеловеки?» Мышление загнано в формулу, утверждающую как данность, что русские — недочеловеки. Но в этом Голливуду далеко до российских аналогов.

В целом политкультура РФ, будучи патологической, все же смутно напоминает известный тип — культуру этнократии. Как будто возникло два народа, которые расходятся по двум разным путям. Один — «новая элита», ядром которой и является тот политкласс, о культуре которого идет речь. Другой народ — бывшие «совки», измороженный советский народ, независимо от того, какую идеологию вдавили за это время в мозг отдельного человека. Против разума, воли, памяти, чувств и надежд этого народа и направлены те особые качества политкультуры, о которых говорилось выше.

Состояние это временное, болезнь будет излечена, и дай бог, чтобы без ампутаций.

2006

ЧТО ТАКОЕ СПРАВЕДЛИВОСТЬ В РОССИИ СЕГОДНЯ?

Тема справедливости — вечная и неуловимая, как тема счастья. Надо заметить, что вообще о справедливости начинают говорить именно тогда, когда на наших глазах происходит огромная несправедливость, которая прямо или косвенно касается всех или почти всех.

Великие философы пытались сформулировать общие для всех объективные, как бы заданные «природой человека», критерии справедливости. На разные лады повторялись формулы такого типа: «Поступай с другими так, как ты хотел бы, чтобы поступали с тобой. Не причиняй другим того, чего ты не хотел бы, чтобы причиняли тебе». Чтобы обойти их, мерзавцы придумывали хитроумные оправдания. В общем, задача дать объективные правила оказалась невыполнимой — на представления людей о справедливости сильно влиял их социальный статус. Помещики, составляя 1% населения России, считали справедливым, что они владеют половиной пахотных земель, а крестьяне считали это несправедливым.

Поскольку общество — система динамичная, то представления о справедливости менялись и во времени. Значит, общечеловеческих критериев справедливости нет, они исторически и социально обусловлены. Религия учит нас о том, что справедливо в отношении бессмертной души, а в земных делах нам надо разбираться самим, применяя свой разум, совесть и знание о реальности. И тут первым делом надо зафиксировать факт: в 80-е годы в нашем обществе созрел и оформился глубокий раскол в представлении о справедливости.

При этом расколе население разделилось на большинство (примерно 90%), которое следовало традиционным взглядам, и радикальное меньшинство, которое эти взгляды отвергало. Большинство, например, считало резкое разделение на-

рода на бедных и богатых несправедливостью, то есть злом. Казалось невероятным, что такие прекрасные люди, как А.Д. Сахаров и М.С. Горбачев, помянут нас своими дудочками к злему делу. Хотя, можно было за их спинами разглядеть авангард идеологов, которые отвергали само понятие справедливости, прилагаемое к общностям людей, — социальную справедливость. В этом отрицании уже было нечто шизофреническое, потому что, как говорят, «справедливость — социальное преломление любви». О справедливости к себе, любимому, говорить вне социальных норм совести и права можно только в молитвах, да и то неслышных.

Но тогда на таких идеологов мы внимания не обращали, за что и расплачиваемся. Теперь надо бы вспомнить. В 1992 г. Юлия Латынина свою статью-панегирик рынку назвала «Атавизм социальной справедливости». С возмущением помянув все известные истории попытки установить справедливый порядок жизни, она привела сентенцию неолибералов: «Среди всех препятствий, стоящих на пути человечества к рынку, главное — то, которое Фридрих Хайек красноречиво назвал атавизмом социальной справедливости».

Поскольку 90% нашего впечатлительного населения было очаровано дамами вроде Латыниной и джентльменами вроде Ельцина, россиянам удалось обобрать, как никого и никогда не обирали в мире. Наша элитарная интеллигенция, представленная сплоченной интеллектуальной бригадой будущих реформаторов, сделала свой философский выбор. Она приняла неолиберальное представление о справедливости. Исходя из этого в доктрине реформ было хладнокровно предусмотрено массовое обеднение населения России — бедность рассматривалась не как зло, а как полезный социальный механизм.

Господствующее меньшинство, имея деньги, телевидение и целую рать профессоров, поэтов и юмористов, навязывает массе граждан свою идеологию, хотя и неглубоко. Зато другая часть упирается и укрепляется. В данный момент, в преддверии кризиса, который сбросит в бедность еще сколько-то миллионов впечатлительных россиян, а сколько-то миллионов бедных столкнет на дно нищеты, мы представляем собой общество, расколотое представлениями о справедливости на три части.

Одна часть (думаю, примерно половина) считает тип жизнеустройства в России, созданный реформами, крайне несправедливым. Это зло, с которым невозможно примириться, и речь идет лишь о том, чтобы выбрать приемлемый способ его преодоления.

Другая часть (думаю, процентов десять) принципиально довольна этим жизнеустройством, она приняла мораль «падающего — подтолкни». У остальных 40% — расщепленное сознание. Они принимают принципы этого жизнеустройства, но хотели бы только, чтобы падающим подстилали немного соломки.

Тенденция, в общем, такова, что переток людей от этих 40% к большинству преобладает над обратным потоком. Это видно даже по правящему слою. Например, В.В. Путин в своей аргументации отказа от государственного патернализма в Послании 2000 г. буквально следовал представлениям фон Хайека, а уже к 2007 г. стал вспоминать Рузвельта. А дальше, глядишь, вспомнят о более современных Л. Эрхарде и У. Пальме. Но главное, сослаться на справедливость стало даже правилом хорошего тона. Оправдывая в 2004 г. попытку «монетизации льгот», вице-премьер А. Жуков выдал шедевр демагогии: «Справедливость надо восстановить. Жители села не имеют телефонов и поэтому не могут получать льгот, которыми пользуются обтелефоненные городские граждане». Эта стыдливость обнадеживает.

Копаться в подсознании Латыниной и вице-премьеров не будем, важна сама тема, ее надо осваивать. Что можем почерпнуть в сокровище мировой мысли? О нашей отечественной гуманитарной и правовой мысли надо сказать пару неприятных слов. Во-первых, она «отвернулась» от проблемы справедливости. Трудно назвать какую-то серьезную и внятную книгу по этой проблеме, выпущенную за последние 20 лет, даже левых философов, — именно когда проблема стоит едва ли не на первом месте в национальной повестке дня. Во-вторых, даже на гламурных философских посиделках всяческих «круглых столов» как будто наложено табу на понимание справедливости, выработанное в русской культуре и философии. А ведь огромная русская революция и произошла в

результате осознания и прочувствования проблемы справедливости. И вот, в своей собственной истории учиться ни у кого не хотят!

Хорошо, будем опираться на непререкаемые авторитеты Запада, раз нет пророков в своем отечестве, а восточных мудрецов мы знаем плохо.

Проблема справедливости в нынешнем понимании возникает с появлением государства, когда власть осуществляет распределение выгод и тягот в обществе посредством права. Это распределение создавало противоречия и вызывало конфликты, поэтому категория справедливости стала одной из важнейших в политической философии. Первые систематические выводы из опыта и размышлений оставил Аристотель в книгах «Этика» и «Политика». Если взглянем под углом зрения Аристотеля на установки государства Российская Федерация, то придется признать, что эти установки нарушают главные аксиомы справедливости, известные уже в Древней Греции.

Вот, уже почти 20 лет наша власть утверждает, что главная задача государства — обеспечить экономическую свободу собственников и конкурентоспособность их самой ловкой части (ясно, что все не могут победить в конкуренции). Напротив, у Аристотеля справедливость — высшая ценность в праве. Все остальные действуют во благо стране и народу лишь при условии, что не противоречат справедливости. Он отмечал в «Политике»: «Понятие справедливости связано с представлениями о государстве, так как право, служащее мерилom справедливости, является регулирующей нормой политического общения».

Нас убеждают, что право собственников богатеть, погружая в бедность половину населения, укрепит страну и государство, и ради этого население должно терпеть. Аристотель говорит совершенно противоположное и подчеркивает, что «главной причиной крушения политий и аристократий являются встречающиеся в самом их государственном строе отклонения от справедливости».

В 90-е годы власть в России устроила тип жизни, противный интересам и совести большинства. Это раз за разом показывают исследования и «сигналы», идущие снизу. Население

терпит, поскольку не имеет инструментов, чтобы изменить положение без катастрофического столкновения, — «крушение нашей политики и аристократии» пока что кажется более страшным злом. Аристотель пишет, как будто прямо авторам доктрины наших реформ: «Собирающемуся представить надлежащее исследование о наилучшем государственном строе необходимо прежде всего установить, какая жизнь заслуживает наибольшего предпочтения».

Нас убеждают, что принятые в РФ законы (в первую очередь, Основной закон) справедливы по определению, уже потому, что они — законы. Это довод негодный, легальность законов и их справедливость — разные категории. От того, что депутаты от «Единой России» проголосовали за реформу ЖКХ, этот закон не становится справедливым. Аристотель предупреждает: «Законы в той же мере, что и виды государственного устройства, могут быть плохими или хорошими, основанными или не основанными на справедливости».

В 90-е годы в России были установлены законы и общий порядок, при которых возникла дикая, незнакомая нам раньше коррупция. Несмотря на фарисейские декларации, эти законы и порядок сохраняются. Аристотель предупреждал, что одна из первых обязанностей справедливого правителя — «посредством законов и остального распорядка устроить дело так, чтобы должностным лицам невозможно было наживаться».

Перенесемся в наше время. Какие идеи определяют сегодня представления о справедливости в «социально мыслящей» части западного общества, исключая радикальные фланги правых и левых? Каков вектор мысли просвещенной части западного среднего класса, за которым якобы повели нас реформаторы? С первого взгляда видно, что этот вектор совершенно не совпадает с курсом российских реформ. Этот курс, заданный у нас в 90-е годы, поражает своей принципиальной несправедливостью. Наша низовая культура пока что смягчает эту несправедливость, но потенциал разлитых в обществе доброты и сострадания быстро иссякает.

В последние 30 лет рамки представлений о справедливости на Западе задаются трудами американского философа Джона Ролса (1921—2002). Его главный труд «Теория справед-

ливости» вышел в 1971 г. Как говорят, он «оживил политическую философию и омолодил либерализм». Каковы же главные постулаты и теоремы его труда?

Во-первых, исторический опыт подтвердил вывод Аристотеля, справедливость — ценность высшего уровня. Она, по словам Ролса, так же важна в социальном порядке, как истина в науке или красота в эстетике: «Изящная и экономически выгодная теория должна быть отвергнута или пересмотрена, если она не соответствует истине; точно так же законы и учреждения, независимо от того, насколько они эффективны и хорошо организованы, должны быть изменены или отменены, если они несправедливы».

Во-вторых, критерий социальной справедливости является жестким и абсолютным: «экономическое и социальное неравенство, как, например, богатство и власть, справедливы только тогда, когда несут общую пользу и компенсируют потери наиболее незащищенных членов общества». Иными словами, уровень справедливости измеряется положением наиболее обездоленного слоя общества, а не «среднего класса». Неравенство, которое не идет на пользу всем, является несправедливостью.

Вспомним, что именно этот критерий отвергали идеологи реформы, которые с 60-х годов вели методическую пропаганду против советской «уравниловки», которая в какой-то мере «компенсировала потери наиболее незащищенных членов общества». И этой пропаганде многие поверили! Решили, что отнятое у «слабых» разделить с ними «по справедливости». Разделили!

Ролс считает несправедливым даже «принцип равных возможностей», согласно которому в рыночной системе люди с одинаковыми талантами и волей в идеале имеют равные шансы на успех. Ролс утверждает, что эта «природная потеря» несправедлива и для ее коррекции нужно введение неравенства, приносящего пользу наиболее обделенным.

Подчеркну, что это — выводы либерального философа, а не коммуниста и даже не социал-демократа. Он считается самым крупным философом XX века в США. Более того, его критикуют другие крупные либеральные философы за то, что он

слишком либерален и недооценивает проблему справедливости в отношении коллективов, общностей людей, переводя проблему на уровень индивида.

Но мы-то каковы! Ведь принципы этого либерального философа проникнуты более глубоким чувством солидарности и сострадания к людям, чем рассуждения о соборности и народности наших политиков. А уж рассуждения наших рыночников выглядят просто людоедскими. О практике вообще помолчим. Из благополучного советского общества конца 80-х годов на «социальное дно» столкнули 15—17 миллионов человек, половина которых были квалифицированными работниками. На этом «дне» люди очень быстро умирают, но оно пополняется из «придонья», в котором за жизнь борются в отчаянии около 5% населения. А мы празднуем «день Конституции».

Да, ее законы — меньшее зло, чем беззаконие. Но нельзя же не видеть несправедливости законов, которые отняли у людей право на труд и на жилище, а теперь шаг за шагом сокращают право на здравоохранение и на образование. Тенденция неблагоприятна — что же мы празднуем?

Политики и СМИ сумели выбить из нашего мышления сам навык рассуждений о справедливости. Это — путь к катастрофе, мы потеряли компас и карту. В тумане маячат угрозы всему нашему народному бытию, а мы их не различаем и не можем осознать. Вот о чем надо задавать вопросы В.В. Путину, но нет голоса.

2009 г.

ЗАГОВОРИЛИ О МОДЕРНИЗАЦИИ

Оппозиции необходимо выработать внятные установки относительно проекта модернизации России, который власть выдвигает как общенациональные проекты на среднесрочную перспективу. Кто-то решил, что это магическое слово консолидирует расколотовое общество. Отмалчиваться нельзя, а проблема очень непростая.

Вспомним предысторию. Три года назад заговорили о необходимости для России перехода к инновационному типу развития. Что власть имела в виду, никто не раскрыл. Надо, однако, вспомнить, что идея такого перехода была выдвинута сразу же после того, как В.В. Путин стал президентом. Тогда Министерству промышленности и науки было поручено разработать «концепцию инновационного развития». Были собраны аналитические доклады, они показали, что дело это сложное. А тут взвились цены на нефть, и проблема тихо исчезла. Заговорили о России как «энергетической сверхдержаве», что и было выбором экспортно-сырьевого пути. И вот, «инновационный путь» снова в национальной повестке дня России — теперь под флагом модернизации.

И снова встают те же вопросы. Что означает «модернизация»? Пояснения расплывчаты. В 90-е годы реформаторы очищали пространство России от «сорняков» — промышленности и лишнего населения, потребляющих драгоценную нефть. От нас требовали деиндустриализации — а теперь модернизации. Как это понять? Государство хочет возродить научно-технический потенциал России и начать новую программу индустриализации, причем с энергоемким производством для себя? Не будем спорить о понятиях и примем эту грубую, но в главном верную формулу.

Но ведь она требует тотального преобразования страны — вот в чем проблема! Разве Запад допустит такое? Нефть

ему и самому нужна. А «новая индустриализация» невозможна, если не прикрыть задвижки нефтепроводов на Запад. Разрешит ли наша власть это противоречие без конфликта?

Восстановление и модернизация России (а не коттеджей узкого круга «собственников») возможны только на базе отечественной промышленности и сельского хозяйства. Для модернизации потребуются средства, на которые сегодня закупаются «ножки Буша» и гречка. Но переход к такому «пути развития» означает революцию — при нынешнем порядке он в принципе невозможен.

Вот жестокий факт: в 1990 г. из СССР на экспорт ушло 27,8% добытой нефти, а в 2008 г. из РФ ушло 74%. В 1985 году для внутреннего потребления в РСФСР осталось по 2,51 т нефти на душу населения, а в 2008 году в РФ — по 0,9 т на душу (в 2005 г. 0,7 т). Надо вникнуть в эту разницу. За годы реформы сократились посевные площади на 43 млн. га. Более чем на треть! Нет солярки для крестьян, нет для них и электроэнергии — ее производственное потребление на селе сократилось за годы реформы в 4,2 раза. Нефть для народного хозяйства — это жизнь для народа России. Откачка нефти на мировой рынок — это, после некоторого предела, угасание России. И этот предел уже перешли. Сегодня Россия напоминает огромного алкоголика, который при голодных детях тащит из дома последнее имущество.

В 2001 г. еще был шанс компромисса перераспределения энергоресурсов в пользу производства. Но уже надо было пройти по краешку пропасти. Уже не хватало времени, чтобы обновить старые системы до полного истощения их ресурсов. Но с тех пор прошло еще 9 лет, и оставшийся запас прочности совсем мал. Программа восстановления срочно требуется во всех отраслях, и прежде всего в сельском хозяйстве, — иначе все средства развития будут «проедены» и уйдут на ликвидацию аварий.

Значит, модернизация уже не может быть половинчатой, а должна стать тотальной, по всему фронту, как в 30-е годы — совмещая восстановление с чрезвычайными проектами по созданию «центров высоких технологий». Но для этого надо изменить общие социальные условия и формы. Широко-

масштабная научно-техническая деятельность и новаторство возможны лишь на фоне общего улучшения жизни населения и оптимистических ожиданий — при отсутствии «социальных страхов». Инновации всегда сопряжены с риском, и в обстановке страха всегда предпочтительно примитивное воспроизводство.

Нам знакомы две больших программы инновационного развития — западная и советская (опыт Японии и Китая нам известен хуже). На Западе мотором был индивидуализм предпринимателя, который видел в новаторской работе и в накоплении денег Призвание, способ служения Богу. Успех измерялся на рынке. В России и СССР мотивы были иными, но высокого накала. Однако опыт показал, что побудить наших людей к творческому труду и инновациям на принципах рынка трудно. А может быть, и невозможно — скорее, они этим займутся на Западе. Инновационного процесса как большой системы в условиях нынешней РФ не складывается.

Более того, за 90-е годы разрушена большая система, в которой и существует инновационный процесс. Не деньгами же он жив, а людьми. Взглянем снизу: много фундаментальных открытий, порождающих инновации, берут начало от рабочих, замечающих аномалии в поведении материала или в ходе процесса. В советской системе рабочие сообщали о своих наблюдениях инженеру или в БРИЗ (бюро рационализации и изобретательства), те — работникам отраслевого НИИ, посещающим завод. Через них импульс шел в НИИ АН СССР, оттуда приезжали посмотреть — и по той же ткани человеческих и организационных отношений шел обратный поток инновации. Это и был процесс модернизации. Сейчас вся эта ткань изорвана в клочья, многих ее кусков вообще нет. Даже заплатки не из чего ставить.

Модернизация возможна только при коллективном духовном подъеме людей, соединенных в сложной, высокоорганизованной совместной работе. Ученый, инженер, рабочий, управленец и множество других работников должны иметь мотивацию высокого уровня, которую не заменить ни рублем, ни страхом. Но как обстоит тут дело в России?

Начнем с личного состава «спецназа модернизации». Действующие лица в этой истории — не индивиды, а общности, собранные на особой матрице. Кризис потряс всю эту систему, в России продолжается распад всех общностей (кроме криминальных). Этот процесс запущен в 90-е годы, но ни остановить этого маховика, ни начать «сборку» общностей на новой основе после 2000 года не удалось.

В целом попытка превратить «поднятые» реформой социокультурные группы в системообразующее ядро «нового» народа успехом не увенчалась. Эту функцию не смогли взять на себя «новые русские» (буржуазия «из пробирки»). Видимо, ядром общества не сможет стать и средний класс. Утверждение, будто период 2000—2008 гг. был эпохой среднего класса, наивно. Ничего эпохального этот субъект не совершил, ничего от него и не ждут. Новый «гегемон» воспринимается как явление преходящее и нежизнеспособное. По своим качествам эта общность — продукт смутного времени, он уже не обременен коллективной памятью «советского типа», но не обрел «своей» памяти. Куда он может повести расколотое общество, кого он может сплотить для творческого усилия?

Представим себе, что в Москве открыт монумент, олицетворяющий этот средний класс. Каков может быть этот памятник «белому воротничку» или «офисному планктону»? Сделанный с симпатией в жанре шаржа монумент «Челноки»? Поставим его в один ряд с фигурой «Рабочий и колхозница» или памятником «Воину-освободителю» в Трептов-парке.

Прежде всего, в 90-е годы были подвергнуты демонтажу профессиональные общности, бывшие двигателями модернизации при советском строе, — промышленные рабочие («рабочий класс») и научно-техническая интеллигенция. Были повреждены или ликвидированы инструменты, необходимые для поддержания системной памяти общностей — необходимого средства для их сплочения. Под флагом «демократизации» были устранены системы социальных норм и санкций за их нарушение — правовых, материальных и моральных.

За годы реформы число промышленных рабочих России сократилось на 53%. Произошло резкое ухудшение демографических и квалификационных характеристик рабочего клас-

са России, что будет иметь долгосрочные последствия. Какова судьба 10 миллионов выброшенных с предприятий рабочих? Значительная часть рабочих опустилась на «социальное дно». Как изменился социальный статус рабочего, престиж рабочих профессий в среде молодежи? Сегодня ни общество, ни государство не имеют ясного представления о том, какие угрозы представляет для страны утрата рабочих как профессиональной общности, соединенной определенным типом знания и мышления, социального самосознания, мотивации и трудовой этики. Утрата профессиональной общности работников промышленного производства (рабочих и ИТР) грозит выпадением России из числа индустриально развитых стран.

Аналогично складывалась судьба общности квалифицированных работников сельского хозяйства. В 2008 г. член Совета Федерации РФ С. Лисовский сказал: «Мы за 15 лет уничтожили работоспособное население на селе». Надо же вдуматься в эти слова! Россия утратила 6 миллионов организованных в колхозы и совхозы квалифицированных работников сельского хозяйства.

Быстро деградирует и другая ключевая в модернизации общность — интеллигенция. Она замещается «средним классом» — новым культурным типом с «полугуманитарным» образованием, приспособленным к функциям офисного работника без жестких профессиональных рамок. В 2008 г. высшее образование выпустило 746 тыс. «специалистов» гуманитарно-социального профиля и около 26 тыс. выпускников вузов по физико-математическим и естественнонаучным специальностям. Численность научных работников (исследователей) в России сократилась в 2,5 раза.

Кто будет осуществлять модернизацию, если разрушены все звенья цепи и она сама распалась?

Второй фактор — моральный дух. Наше общество переживает культурный кризис, который подавляет в людях творческие импульсы. Признаком его служат общее снижение квалификации работников, ориентация на «легкие» деньги, низкий престиж тяжелого непрерывного труда (особенно физического), увлечение оккультными верованиями и дешевой мистикой. А со стороны государства и «собственников» —

низкий уровень инвестиций в науку и техническое творчество. Даже, можно сказать, общая неприязнь к производству. Всей душой — к торговле, финансам и праву. С той «элитой» России, что поднялась на разрушении 90-х годов и, как говорили, «питается трупом убитого советского хозяйства» — гонит за рубеж природные богатства России, подвига модернизации не совершить.

Как же могло наше общество, наша интеллигенция, принять саму доктрину такой реформы? Ведь для такого поворота требовались культурные предпосылки, глубокая перестройка мировоззрения.

На первый взгляд может показаться, что мировоззрение не играет особой роли в нашей судьбе, — примет Д.А. Медведев решение, и покатится Россия по пути модернизации. Это неверно. Решение такого масштаба должно вырасти из культуры. Если мы не видим разницы между получением денег от производства и от добычи, если одобряем «прибыль сегодня» как высший критерий политики, то идея модернизации булькнет, как камень в болоте, — и тишина.

Почему такая высокая смертность мужчин трудоспособного возраста? Почему такой уровень пьянства, такой всплеск числа разбоев и грабежей? В 2005 г. на конференции «Медико-социальные приоритеты сохранения здоровья населения России в 2004—2010 гг.» директор ГНЦ социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского, бывший министр здравоохранения РФ Т. Дмитриева сообщила, что уровень психических расстройств с начала 1990-х годов увеличился в 11,5 раза. Растет и смертность, и тяжелая заболеваемость, связанная с психическими расстройствами. В частности, 80% инсультов в стране происходит на фоне депрессий. Все это — признаки тяжелой духовной болезни.

Да, необходим переход к инновационному развитию. Но это значит сначала произвести реабилитацию всего общества, устранить источники социальных страхов и стрессов, успокоить людей. Происходит же обратное, нам все время прощают социальные потрясения, от которых обывателю некуда спрятаться. То надо устраивать ТСЖ и отдавать дом в руки каких-то неведомых компаний, о которых тут же говорят, что это

жулики. То сообщают о планах ввести неподъемный налог и обязательное страхование жилья, то намекают, что в Пенсионном фонде нет денег, что стариков в России переизбыток и молодые не желают их «кормить». Телевидение, в том числе государственное, задает в обществе очень высокий уровень нервозности. Для чего-то это надо, но на модернизации ставит крест.

Она возможна только при спокойной уверенности людей, соединенных в сложной совместной работе. Ученый, инженер, рабочий и множество других работников должны иметь высокую мотивацию, ее не заменить ни рублем, ни страхом. Создать условия для сотен тысяч таких коллективов — трудное дело, но нет и признаков поворота к нему.

Куда же делся тот полет мысли и духа, который отличал нашу профессиональную элиту во всех группах — ученых, инженеров, рабочих? Тут много причин наложилось друг на друга. Но я все же выделю одну, которая сверху, в сфере сознания, — с 70-х годов влиятельная часть нашей интеллигенции стала работать «на понижение». Высокие мотивы, бескорыстие, творческое любопытство стали объектом иронии, а потом и издевательства. Правилom хорошего тона стало говорить о таких вещах с напускным цинизмом, а уважительно отзываться именно о рыночных отношениях. Ты мне, я тебе, никто никому не обязан. Поначалу это было маской, а потом маска приросла к лицу и стала от него неотличима.

Более того, общество вообще потеряло интерес к творчеству и напряженному труду. Скажите «Стаханов» — и в ответ равнодушие или смех. Неинтересен сам факт, что этот шахтер сделал важное открытие, выразил его в простых словах и произвел инновационный проект, позволивший ему выполнить в забое 14 норм. Освоение структуры этого проекта, даже его философии, стало основой стахановского движения. Спросите сегодня молодого рабочего, близко ли ему это?

А если и попадает на телеэкран увлеченный человек, говорящий о великих проблемах бытия и о том, как он и его сверстники решали именно великие проблемы, то этот человек выглядит каким-то ископаемым. И удивляешься, как он сохранился.

А послушайте политиков — о таких материях они сейчас вообще не вспоминают. Модернизация? Проще простого — нужно «субсидирование процентных ставок по кредитам, предоставляемым на расширение выпуска высокотехнологичной продукции». Ах, этого недостаточно? Тогда еще «конкурентная среда разработчиков, поставщиков и дилеров». Деньги и конкуренция! Какая там протестантская или православная этика, служение Богу или Отечеству. Мы упростились до кнута и пряника.

Стабильного инновационного процесса в этих условиях в России не складывается и не может сложиться. Значит, надо менять условия! Ведь порочные круги надо разрывать, как это ни трудно. Если всерьез говорить о модернизации, надо всерьез оценить и масштаб вызова, и наши возможности. Каждая попытка, вырождающаяся в болтовню, отравляет и так больной организм народа.

2010 г.

ПОСЛЕ КОНДОПОГИ: ГОД БЕЗ РЕФЛЕКСИИ

Главной причиной нынешнего кризиса России является демонтаж ее народа. Народы России, собравшиеся вокруг русского ядра, уже складывались в большую полиэтническую гражданскую нацию. Но этот процесс дважды был пресечен — в начале и в конце XX века. Кризис конца XX в. загнал Россию в историческую ловушку, выбраться из которой можно, только вновь «сбрав» ее народ как субъект истории, обладающий политической волей. Для этого необходим русский национализм. По этому вопросу не желают определиться ни власть, ни оппозиция — и это усиливает деградацию общества.

На деле мы поставлены перед выбором — какой национализм нам предпочтительно обрести, и уйти от этого выбора невозможно. Есть два вида национализма, враждующие между собой, — «гражданский», собирающий народы в большие нации, и «этнический», разделяющий нации и народы на менее крупные этнические общности («племена»). Этнонационализм консолидирует народ образом врага и коллективной памятью о нестерпимой обиде или травме, нанесенной этим врагом. Он обращен в прошлое. А гражданский национализм выстраивает этничность на иной мировоззренческой матрице, на общем проекте будущего.

Запад, захватывая колонии, везде стремился подавить местный гражданский национализм и навязать этнический. Например, трайбализм, идеология враждующих племен, — творение колониальных администраций. В России Церковь и государство усиливали у русских гражданский национализм. Благодаря этому была создана сложная конструкция полиэтнического государства с русским ядром. Она имела большие достоинства, но и была очень хрупкой — этничность сохраненных (неассимилированных) народов могла «взбунтоваться» и выйти из-под контроля, разрушая империю и государство.

Советская власть приняла эту конструкцию и положила ее в основу СССР — при полном понимании рисков. Изменить ее уже было невозможно. Созревший за полвека капитализма этнонационализм многих народов России можно было погасить только предложением строить СССР как «семью народов», причем даже с огосударствлением этничности. Русский народ был держателем всей империи (СССР). Это, как и раньше, накладывало на русских дополнительные тяготы, но давало преимущество в «большом времени». Только при этом своем статусе русские смогли стать одним из десятка больших народов мира и создать большую культуру (литературу, музыку, науку и пр.). Этнонационализм ограничил бы развитие во всех этих направлениях.

С опорой на массовую социальную и культурную лояльность власть могла жестко подавлять все проявления этнонационализма, вплоть до репрессий против элиты и даже целых народов. Плановая система хозяйства не допускала стихийной миграции и внедрения больших иноэтнических масс в стабильную среду. После краха СССР были ликвидированы социальные и культурные механизмы, которые раньше дезактивировали этнические «бомбы». Началась их сознательная активация — в идеологии, праве, экономике.

Из опыта последних лет видно, что одна из задач «холодной» гражданской войны на этом этапе — подрыв гражданского национализма русских и разжигание в них этнонационализма. Подрыв этот ведется в «кипящем слое» молодежи и интеллигенции. При слабости государства этого достаточно, чтобы подавить волю массы, не способной к самоорганизации. Сдвига большинства русских к этнонационализму пока не произошло, но к этому их толкают непрерывно. Важно, что изменились установки молодежи: в 90-е годы она была более терпима к иным этническим группам, чем люди старших поколений, а к 2003 г. произошла инверсия.

Русский этнонационализм набирает популярность в массах, однако тяготение к этническому и гражданскому национализму находится в неустойчивом равновесии. В ближайшие годы, вероятно, произойдет сдвиг в ту или иную сторону.

Здесь мы не будем затрагивать всю программу, говорим о трудовой этнической миграции. Она мобилизует этнонационализм потому, что связанные с ней социальные проблемы легко, почти самопроизвольно, представляются как этнические. Конфликт, которому удастся придать форму этнического, по достижении критических точек (особенно гибели людей) входит в режим самовоспроизводства и самоускорения. Создание таких конфликтов требует очень небольших ресурсов, и эта технология отработана на огромном числе экспериментов в десятках стран.

Этапом в развитии проблемы стали события в 2006 г. в Кондопоге (Карелия), и не сами события, а их идеологическое использование.

С небольшими вариациями СМИ дали тогда такую информацию о событиях: «Серьезные беспорядки на национальной почве произошли в минувшие выходные в Кондопоге после поминок по молодым людям, убитым в драке с чеченцами в минувшую среду. Местные жители разгромили и сожгли ресторан, рынок, магазины и палатки, принадлежавшие выходцам с Северного Кавказа. Порядок в городе был наведен лишь через сутки прибывшим из Петрозаводска ОМОНОм. Более ста участников погромов были задержаны. Практически все кавказцы, находившиеся в Кондопоге, эвакуировались в Петрозаводск. В субботу в Кондопоге состоялся стихийный митинг, участники которого потребовали от властей выселить всех нелегальных мигрантов из Кондопоги. Кроме того, митингующие приняли решение закрыть городской рынок и передать его лицам славянской национальности» (РИА-Новости).

События в Кондопоге были использованы одновременно и для усиления тезиса о наступлении «русского фашизма» (нацизма, ксенофобии и т.д.), и для пропаганды этнонационализма — как русского, так и антирусского. В целом эта идеологическая кампания усилила позиции этнонационализма и обнаружила некоторый рост его популярности. Как видятся его перспективы в свете событий в Кондопоге, которые стали модельными? Не будем заострять внимание на деталях, они затемняют суть дела.

Главная, массивная причина, которая прямо затронула более половины населения РФ, порождена реформой. Она подорвала хозяйство страны и ту систему, которая не допускала региональных социальных катастроф. Она сломала и административную систему, которая регулировала перемещение больших масс людей по территории страны, не допуская внезапного и неорганизованного межэтнического смешения. Известно, что такое смешение неизбежно ведет к конфликтам, это определено самой природой этноса как типа человеческой общности. Вторжение в пространство такой общности большой массы «иных», не успевающих (или не желающих) следовать нормам местной культуры, неизбежно вызывает кризис, всплеск национального чувства.

Это прекрасно знали в царской России и в советское время, но это игнорировала (или использовала) власть реформаторов 90-х годов. Более того, эта власть все сделала для того, чтобы отвлечь людей от разумного понимания причин тех болезней, которые породила миграция. Власть должна была бы объяснить, что если граждане приняли нынешнюю социально-экономическую систему, эти болезненные проблемы людям придется терпеть. Если терпеть неумоготу, то есть два выхода — или добиться изменения социально-экономической системы, порождающей эти проблемы, или начать «молекулярную» войну всех против всех — как вариант коллективного самоубийства.

До этого выбора дело пока не дошло, и за оставшееся время надо сделать усилия для осмысления ситуации. Кондопога — модель второго выбора.

Вот первый признак: участники митинга в Кондопоге, а затем и все интерпретаторы событий тщательно избегали соединения конкретного инцидента с контекстом массивных и долговременных процессов, идущих в стране. Отдать рынок лицам «славянской национальности»! На деле мы живем в особой аномальной системе — глубоком кризисе социальных и межнациональных отношений, который в самом лучшем случае придется еще преодолевать не менее десятка лет. Это надо понимать и в своих действиях по разрешению сию-

минутной проблемы стараться не подорвать возможности разрешения проблем фундаментальных.

Вот реальность: ряд регионов РФ погрузился в социальное бедствие, которое вытолкнуло оттуда массы людей в поисках заработка. Когда в русской среде оказываются приезжие русские или похожие на них чуваша, этого почти не замечают. Появление общины с Кавказа вызывает болезненную реакцию даже независимо от сопутствующих факторов — таких, как экономическая конкуренция с местными, преступная деятельность «чужого типа» и пр. Возникает общая почва для конфликтов, и достаточно искры, чтобы он вспыхнул.

Уподобив общество организму, надо вспомнить, что даже ткани одного организма, все одинаково родные и необходимые, не должны «неорганизованно» проникать друг в друга. Когда это происходит при травме, возникает воспаление, их взаимное отторжение, чреватое гибелью организма. Даже не сильный удар вызывает местную болезнь и ее видимое проявление — синяк. А реформа просто разорвала ткани страны, перекрутила ее сосуды и сухожилия. Мы сейчас тяжелобольная страна, и пытаться облегчить нашу боль, создавая образ врага из наших же регионов и частей нашего же большого народа, — значит помогать прикончить Россию.

Социологи указывают на связь роста ксенофобий в период «травматической трансформации» общества с разрастающимся комплексом социальных обид, принимающих, тем не менее, форму не социального, а этнически окрашенного протеста. Недоверие обществу компенсируется преданностью «своим», что нередко сопровождается ксенофобиями и враждебностью к «чужакам».

Вторжение «иных» сверх критической массы всегда вызывает болезненную реакцию. Но она многократно усиливается, если и местная общность переживает кризис. Когда в доме беда, не до посторонних, их присутствие ранит. Даже благодушных иностранных туристов не хочется видеть. А ведь из районов бедствия (особенно с Кавказа) приезжают люди в далеко не лучшем состоянии — настороженные, взвинченные, озлобленные страхом и, у большинства, зверской эксплуата-

цией со стороны своих же хозяев. Многие из них ушиблены той антирусской пропагандой, которой промывают им мозги уже двадцать лет.

Их самосознание определяют словом «гиперэтнизм», то есть перевозбужденная этничность. Она отличается от традиционного этнического сознания в местах постоянного проживания в своей этнической среде. Это — особый культурный продукт рыночной реформы, и раз уж русский народ этой реформе не стал или не смог сопротивляться, приходится этот ядовитый продукт глотать (как и многие другие подобные продукты).

Гиперэтнизм связан «с культурой нового типа — плюралистичной, информационно-виртуальной, освобожденной от жесткого социального контроля, ориентированной на индивидуальное самовыражение... Подчеркиваются упрощенность, единообразие и делегитимизация новых проявлений этничности, конструирование и реконструирование новых традиций и образов этнического, только напоминающих старые, трансформация переработанной соответствующим образом этничности в один из продуктов массового потребления, который может быстро распространяться на рынке поп-культуры... Изобретенная традиция способна быстро снабжать человека суррогатом мировоззрения и групповой идентичностью, предоставлять свободу самовыражения, но одновременно удерживать человека под властью идеологических фантомов».

Перед нами — описание массовой душевной болезни, нового, непривычного и плохо изученного состояния целых социальных групп. Такова наша реальная обстановка — горячий и взрывчатый материал с обеих сторон. И множество теней прыгает наготове, с запалами и керосином.

Как же, в целом, ведут себя наши люди, вышедшие из советского строя? Они проявляют такой уровень терпимости, разумности и достоинства, какой и не снился «цивилизованным» обществам Запада. СМИ, которые раздувают миф о ксенофобии русских (а тем более преступный миф о «русском фашизме»), ведут сознательную информационную войну против России. Кондопога — локальный перескок на другую траекторию.

В отношениях местного населения и мигрантов всегда возникает выбор: способствовать интеграции двух общностей — или их взаимной изоляции («геттоизации» мигрантов). Но интеграция не идет самопроизвольно, по добромуделанию сторон. Это — «строительство», требующее творчества, усилий и ресурсов. Самопроизвольно возникает как раз «закрытость», создающая конфликтогенную среду.

В Кондопоге процесс пошел по пути изоляции. В этом промышленно развитом городе есть, очевидно, структуры т.н. гражданского общества. В ходе событий они никак себя не проявили. События осени 2006 г. — итог довольно длительного развития. Вот сообщение: «07.08.2003, Республика Карелия. Мусульмане требуют прекратить расистские погромы в Кондопоге. Председатель Духовного управления мусульман Карелии муфтий Висам Али Бардвил посетил город Кондопогу, на рынках и улицах которого уже в течение нескольких дней продолжаются нападения на людей с неславянской внешностью».

Исследования миграции и сопряженных с ней проблем ведутся интенсивно и системно. Вывод таков: в России возник новый узел противоречий и порочных кругов, причем тенденции запущенных процессов неблагоприятны.

Вот некоторые выводы: «Анклавные рынки [труда] создают возможность быстрого накопления капитала и выступают привлекательными, высоко криминализированными социальными пространствами, действующими преимущественно в городах России, вокруг и внутри которых сталкиваются интересы многих противоборствующих субъектов... Характер конфликтов создает редкостную по своей напряженности атмосферу, в которой довольно высоки риски столкновений на межэтнической, расовой, религиозной основе. Это предопределено экономической моделью анклавного рынка, его «идеологией», которые создают «монополизацию» шансов для мигрантов, позволяют им преуспевать, эффективно защищаться от нетолерантного окружения и претендовать на статус, не соответствующий их нынешнему месту в иерархической лестнице... У тенденции нарастающего насилия есть своя экономическая, ценностная, политическая, организационная, социально-психологическая и криминальная составляющие».

Пока что российское общество и государство не имеют ни экономических, ни культурных, ни политических ресурсов, чтобы быстро и эффективно разрешить эту созданную реформой проблему. Реформа к тому же породила информационную среду, которая многократно усиливает этническую солидарность с конфликтующими группами. Массы людей превращаются в «виртуальных» участников конфликта — вне зависимости от расстояния. Ксенофобия охватывает целые регионы и придает локальному конфликту, который без этого уже был бы разрешен, широкий характер. Мониторинг десяти главных изданий РФ показал, что не выполняются ни Федеральный закон «О СМИ», ни законы, запрещающие пропаганду межнациональной розни, ни «Кодекс профессиональной этики журналиста». Объяснения руководителей СМИ циничны или имитируют наивность. Это и есть политическая технология, инструмент информационной войны.

Дискуссии в Интернете в основном идут под лозунгом: «Поддержим Кондопогу!», тот способ действий, который был применен в Кондопоге. Там митинг требовал от власти провести маленькую этническую чистку конкретного района, применить наказание на коллективной этнической основе, ввести нормы «прямой демократии» (принятие правовых решений на митингах), дискриминацию по национальному признаку («выселить мигрантов кавказской национальности», а «рынок передать лицам славянской национальности»).

Показательна статья Дм. Стешина в «Комсомольской правде» 30.08.2007, которая вызвала горячее одобрение «в широких кругах». Начинается она заставкой: «Подняв протест против нескольких хулиганов-чеченцев, жители карельского городка умудрились выжить всех кавказцев». Думаю, газета специально ставит в этой фразе точки над «i», чтобы дать возможность западным СМИ раскрутить тему государственной ксенофобии в РФ.

Каждое слово в статье взвешено. Читаем о событиях: «Власти по обыкновению делали вид, что ничего особого не произошло. И тогда люди вышли на улицы громить магазины и ларьки, принадлежащие кавказцам. Отведя душу, кондопожцы собрали народный сход, который определил требования

к властям. Первым пунктом стояло «выселить из города в 24 часа всех кавказцев».

Здесь четкая квалификация событий: люди устроили погром, они «отвели душу», «сход» потребовал «этнической чистки». Далее Стешин с одобрением пишет о действиях «власти» (мэра), после которых «почти все чеченцы уехали из Кондопоги. По словам Папченкова, он опирается на требования прошлогоднего народного схода. Из двух десятков чеченских семей, живших до прошлого августа в Кондопоге, уехали почти все».

Может, это написано искренне, а может, нет. Объективно выглядит так: власть опирается не на закон, а на требования «народного схода». «Дiasпора», которую народ требовал «выселить», насчитывала два десятка семей. Материал для анти-российской кампании подан на блюдецке.

Это о власти. А о «народе» у Стешина читаем такое: «В Питере ждут машину с кондопожским шунгитом (камнем для облицовки зданий). Но загрузить ее некому — все бригады заняты. Заказчик предлагает привезти гастарбайтеров, пусть грузят камень. Юра в ответ кричит в трубку: «Вы не поняли, наш карьер в Кон-до-по-ге! Слышали про такой город? У нас через день годовщина погрома. Гастарбайтеров тут просто порвут». Заказчик все понимает мгновенно. И уже готов подождать несколько дней. Юра... сообщает: «Вот так и живем, чужих не кормим. Кавказцы почти все разъехались, даже грузины и армяне, хотя им никто слова худого не сказал».

Тут тоже умело отобраны штрихи, чтобы создать портрет «русского фашиста», к тому же дурака. «Чужих не кормим» — это о людях, которые за треть цены приехали бы грузить камень. Справляют в городе годовщину погрома. «Гастарбайтеров тут просто порвут» — это речь уже не о кавказцах, а вообще, о социальной группе. Юра якобы не понимает, что кондопожский шунгит покупается в Питере только потому, что его разгружают, поднимают на строительные леса и облицовывают им элитные дома те самые «гастарбайтеры». Стешин представляет нам спектакль: всеобщее ликование и одобрение вызывает погром, благодаря которому в одном небольшом городе удалось «выселить кавказцев», ничего не изменив в социально-экономической системе в целом.

Какой ценой этот спектакль оплачивает общество в целом? Поддержка депортации «мигрантов» означает легитимацию расчленения РФ. Ясно, что если населению запрещается по этническому признаку передвигаться по территории государства — при том, что созданный в нем порядок не позволяет вести хозяйство в своем регионе, — то эти регионы имеют моральное право отделиться. В 1990 г. максимальная разница в среднедушевом доходе между регионами РСФСР составляла 3,5 раза. В 1995 г. она выросла до 15,6 раза, в ноябре 2005 г. составила 12 раз. Запретить в этих условиях миграцию — значит вообще подорвать в ряде регионов возможность ведения того образа жизни, который принят в стране, а это и есть шаг к ее расчленению. Уже сейчас идет архаизация жизни многих регионов. С 1990 по 2005 г. разница между регионами в розничном товарообороте на душу населения выросла от 3,1 до 26,5 раза и в объеме платных услуг от 3 до 56,8 раза.

Выполнение государством противозаконных митинговых требований означает переход от власти коррумпированной к власти криминальной, поскольку требование о депортации (граждан РФ!) и этнической чистке находится в радикальном конфликте с законами РФ и международным правом.

Требование этнической чистки в нынешних условиях — шаг к «молекулярной» этнической войне почти на всей территории РФ. При этом именно русские в такой войне будут нести неприемлемый урон. Если они и начнут мобилизоваться для такой войны, то под рукой организованной преступности, которая сама является наднациональной.

После событий в Кондопоге говорилось, что государство действует ошибочно — вместо закручивания гаек «потакает» преступникам. Но система противоречий, о которой идет речь, — взрывчатый материал, с которым государство вынуждено обращаться очень осторожно. Требовать от него «решительных» действий вроде депортации может только провокатор — сознательный или по наивности.

Если оценивать действия государства в целом, то я бы считал, что в рамках рыночной реформы оно действует верно. Радикализация ситуации в Кондопоге была попыткой сломать равновесие. Пробный шар в виде погрома был ультима-

тумом государству: закрути гайки, иначе мы вырвем у тебя лицензию на насилие. Это — утрата государством большой доли его легитимности. Сильнее всего это ударило бы именно по русским.

Чтобы снять накал страстей, власти пошли в Кондопоге на уступку, приглушая политическую сторону события. Радоваться тут особенно нечему — в государстве, как и в семье, уступки, вырванные ультиматумами и шантажом, в перспективе обходятся очень дорого.

2007 г.

ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ МИГРАЦИИ КАК СРЕЗ КРИЗИСА РОССИИ. ТЕЗИСЫ

1. Этническая трудовая миграция в России и вызванные ею социальные и культурные проблемы и конфликты порождены фундаментальными причинами. Эти проблемы и конфликты не могут быть разрешены косметическими средствами, как «инкультурация», «политкорректность», «коммуникационная компетентность» и пр. Такие средства полезны хотя бы для небольшого смягчения ситуации, но могут служить маскировкой реальных причин и создавать вредные иллюзии.

2. Проблема этнической миграции (далее «проблема») — одна из граней глубокого системного кризиса, в который сорвалась, при попытке «перестройки», российская цивилизация в целом, все ее подсистемы, элементы и связи. Рассмотрение «проблемы» вне этого системного контекста малопродуктивно.

3. Россия находится в первой, «инкубационной» фазе развития «проблемы». Ситуация пока что стабилизируется инерцией советской культуры и коллективной исторической памятью о совместной жизни народов и этносов в Российской империи и СССР. Эти стабилизирующие ресурсы близки к исчерпанию, в течение следующего десятилетия на арену выйдет качественно новое поколение. За это время силы, работающие на демонтаж РФ, идеологически обработают критическую массу населения в духе этнического национализма (как русского, так и антирусского). Холодная межэтническая война перейдет в тлеющую.

При продолжении нынешней социальной, национальной и культурной политики федеральный Центр не сможет накопить силы, средства и знания для эффективного контроля за развитием процесса.

4. В настоящее время государственная власть и та часть правящего слоя, которая ориентирована на сохранение РФ, не могут освоить сложившуюся ситуацию и тенденции ее развития — ни интеллектуально (рационально), ни духовно (нравственно). Инициативой владеют силы, ориентированные на ликвидацию России как целостности (цивилизации, страны и нации). Здравый смысл населения и госаппарата, их краткосрочные интересы тормозят ликвидацию, но остановить ее не могут — силы неравные.

Без того, чтобы в государстве возникли структуры, нормально разрабатывающие стратегию и доктрину разрешения «проблемы» как специфической войны, существенного успеха не будет. Сейчас даже вообразить невозможно в РФ кабинета, где бы ежедневно собирались «у карты и ящика с песком» два десятка «генералов и экспертов», которые обрабатывали бы данные «разведки» и готовили планы операций всех уровней и типов. Нет таких генералов и экспертов, нет такого «ящика с песком». В государстве «проблема» обсуждается на уровне афоризмов и «импровизаций на тему».

Возникает подозрение, что этот фронт власть оборонять не собирается.

5. Другой симптом глубокого концептуального кризиса государственности виден в том, что власть до сих пор не изложила обществу сути того исторического выбора, перед которым оказались все народы России, и прежде всего русский народ, в результате реформ. Каков тот тип межэтнического общежития, который нам предлагается верховной властью и правящим слоем? Ведь именно этим и определяется тип отношений местного населения и этнических мигрантов в каждом городе и деревне. Как можно не отвечать на этот висящий в воздухе России вопрос! Ведь этим государство само порождает хаос, легитимируя произвол и даже самосуд на местах («глотаите суверенитет, сколько проглотите»).

Очевидно, что неолиберальная реформа сокрушила все социальные, культурные и идеологические основания, на которых базировалось межэтническое общежитие в Российской империи и СССР. Возник хаос, который на поверхности был усмирен силой и компромиссами, однако нового устойчивого

порядка предложено не было. Что будет в России? Этнический тигель? Ассимиляция? Апартеид? Этнические чистки? Все эти претенденты на статус господствующего порядка уже предъявлены, так каков же выбор власть имущих?

Это молчание — уход государства от выполнения одной из важнейших обязанностей. Страна стала большой «серой зоной» с очень неопределенной системой права в сфере межнациональных отношений, на грани узаконенного бесправия. Остатки советского обычного права, скрепляющего хоть обыденный порядок, добиваются целенаправленной информационно-психологической войной, которой способствуют и государственные СМИ.

Скорее всего, органы верховной власти не только не могут ответить на этот фундаментальный вопрос, но даже не могут понять, о чем идет речь. С экранов льется поток рассуждений, которые поражают своей бессвязностью, отсутствием логики, недодуманностью и просто невежеством.

Не намного лучше обстоит дело и в оппозиции. Пока в этом пункте ситуация не изменится, даже полезные частные инициативы не окажут воздействия на ход массивных неумолимых процессов.

2007 г.

КАК НАС СОБИРАЮТСЯ ФОРМИРОВАТЬ

Недавно Б. Грызлов объявил, что «Единая Россия» делает главным пунктом своей программы «русский проект». 3 февраля 2007 г. заседал Центр социально-консервативной политики — «мозговой трест» партии «Единая Россия». Стенограмма заседания помещена на официальном Интернет-сайте Центра (<http://cskp.ru/clauses/6/2529/>).

Председательствующий Ю.Е. Шувалов сказал: «У нас сегодня очень серьезный вопрос. Мы его называли «Формирование российской нации». Предлагается несколько проектов. Главный — это проект И. Демидова «Русский проект партии «Единая Россия».

Действительно, серьезный вопрос. Важно само утверждение, что российскую нацию надо еще формировать. Важно также, из кого и как ее собирается формировать партия власти. Если бы речь шла о заседании какого-нибудь молодежного клуба или маргинальной секты, все сказанное можно было бы пропустить мимо ушей. Но ведь «Единая Россия» господствует в парламенте, монопольно издает законы, по которым нам жить. Стенограмма этого заседания — важный документ. Он отражает ход мысли сильных мира сего в России.

Не знаю, как его восприняли сами члены партии. Я скажу без всякой политической подоплеки, что у меня этот документ вызвал крайнее недоумение. Я даже подумал, уж не лукавый ли нас водит? Может, это и сайт подставной, соорудили его какие-то глумливые «оранжевые»? Если так, пусть извинит меня «мозговой центр», но я выскажу некоторые соображения — по поводу высказанных идей (из людей я там никого не знаю, хотя кое-кого, судя по фамилиям, видел по телевизору).

Первое, что удивляет: множество видных интеллектуалов (профессора, деканы, издатели журналов) собрались формировать нацию, но не договорились, что под этим понимают. Ка-

ждый выступавший фантазировал на эту тему, все по-разному. Один (Шеляпин Н.В.) даже сказал: «По большому счету общепотребительного понятия «нация» в современном пространстве не существует. Каждый это понимает так, как он желает. Есть и научные концепции, но в целом общество еще пока не воспринимает как что-то устойчивое и понятное».

Не знаю, что он понимает под «современным пространством», но в современной литературе (в том числе на русском языке) понятие «нация» представлено как вполне разработанное. Понятие широкое, но в каждом контексте ясно, о чем речь. Понятие «гражданская нация» задает одну плоскость рассуждений, «территориальная нация» — другую и т.д. «Понимает так, как он желает» лишь человек, который эту литературу не читает, а мыслит, как и «в целом общество», понятиями обыденного сознания. Но такой человек и не берется за составление партийной программы «Формирование российской нации». Он просто эту нацию формирует ежедневно, но на «молекулярном» уровне.

Горяинов Л.В. не видит никаких проблем с понятием: «Что такое русская нация? Это люди, которые и за границей чувствуют себя русскими». Ничего себе, критерий! А как быть с теми 95% русских, которые за границей не бывали? И как согласуется это определение с положением русского в Латвии, который «чувствует себя русским», но волею судеб принадлежащим к латвийской нации? А главное, г-н Горяинов, взявшись за «формирование российской нации», меняет предмет формирования на «русскую нацию». Интересно, сам-то он замечает эту подмену? Согласитесь, что для многонациональной России она вовсе не так уж безобидна. Неизвестно еще, как к ней отнесутся рядовые члены «Единой России» вроде Рамзана Кадырова.

Положение пытается поправить г-н Вассоевич А.Л.: «Что такое «русская нация»? В принципе это нация всех коренных народов исторической России. Давайте вспомним о том, что при Петре Великом были и русские немцы, и русские татары и, по сути дела, сам этот термин вовсе не подразумевал дробления на этнические группы».

Тут уже не недоумение, а изумление. Азербайджанцы у Вассоевича входят в «русскую нацию»? А эстонцы входят?

Они — типичные «коренные народы исторической России». Они и оформились как народы уже в составе России. И что за «русские татары» были при Петре Великом? Наверное, члены тогдашней «Единой России». Но этот термин, если таковой был, как раз «подразумевал дробление на этнические группы». С его помощью человек объявлял, что он — татарин (это его этническая группа), подданный России (это его политическая нация).

Полосин А.В. тоже себя не затрудняет: «Русскими мы считаем тех, кто говорит, думает на русском языке. И отсюда вытекает прямо проект». Какой проект? Откуда он вытекает и куда втекает? О чем речь? Язык — один из множества (порядка сотни) признаков этничности, а речь-то идет не об этносе, а о российской нации! Если татарин, забыв о предупреждении Полосина, вдруг что-то подумает на татарском языке, он что — выбывает из российской нации? А если он, учась в МГУ, говорит и думает по-русски, то он уже не татарин, а русский?

Вскользь была высказана и такая странная мысль: «Русской была немка Екатерина Вторая, русским был политический деятель Иосиф Виссарионович Джугашвили (Сталин). Безусловно, любой человек, который относит себя к пространству русской культуры и русской политики, является русским». Почему же «немка была русской»? Тут какая-то загадка, словам придается необычный смысл. Всегда считалось, что Иосиф Джугашвили, как зачем-то назван Сталин, был грузином и никогда не просил считать себя русским. Зачем такие сложности? Что за критерий русскости — «относит себя к пространству русской политики»? И Кондолиза Райс по службе относит себя к этому пространству.

Заключает весь этот социально-консервативный симпозиум сам автор «Русского проекта» И.И. Демидов: «Есть же такой тезис, что народ — это все, и мертвые, и живые, и будущие. А нация — это актуальный народ, в актуальное время расположенный... Как ответственные люди мы должны доказать, что все, что мы сегодня говорили и что еще будем говорить и делать, действительно отвечает интересам нашей русской нации».

Ну это, как говорится, вообще... «Нация — это актуальный народ, в актуальное время расположенный». Нет у нации ни прошлого, ни будущего. Она вся — здесь и сейчас, общность временщиков. Вот какую нацию из нас хотят «сформировать»? Французы будут каждодневно спланиваться воспоминаниями и спорами о Жанне д'Арк и Вольтере, о Наполеоне и Пастере, французские дети будут изучать подвиги Верцингеторига, вождя восстания галлов против Рима в 52 г. до н.э., а «наша русская нация» под рукой «единороссов» — качать французам нефть по трубе и бороться с Зурабовым за пенсии. Какие, однако, странные мысли бродят в этом «Александрхаусе», где обитает мозг партии.

Итог обсуждению подвел один из ведущих идеологов партии А.К. Исаев: «Я думаю, что мы можем сегодня осознать и сказать, что, безусловно, партия «Единая Россия» является партией русского народа и русской цивилизации».

Прекрасно, что участники заседания «могут осознать и сказать» такие вещи. Надо только дождаться, чтобы это осознали и сказали и другие граждане России.

Все это заседание вызывает такую тревожную мысль. Государство РФ тратит деньги на зарплату и условия работы сотен ученых этнологов, издаются и обсуждаются их труды, созываются международные конференции. Почему интеллектуальная верхушка «партии власти», вместо того чтобы заниматься импровизациями на темы народов и наций, не пригласила двух специалистов, чтобы они сделали два сжатых доклада о современных концепциях по этим вопросам? Есть две концепции, обе их надо знать тем, кто берется за такие «проекты». Надо знать, а не изобретать плохие велосипеды. Честное слово, я не могу найти объяснения тому, что происходит. Невозможно придумать, чем бы такое знание могло повредить «Единой России».

Надо остановиться и на одной конкретной и очень рискованной мысли, которая прозвучала на заседании. Ее высказал А.К. Исаев: «Мы должны сказать о том, что идея права наций на самоопределение, вплоть до отделения, в свое время сформулированная большевиками, была сформулирована с вполне конкретной целью — разрушения государства. Мы можем

признать право наций на самоопределение вплоть до отделения, если нации грозит геноцид... Поэтому мы выступаем за сохранение существующих государственных и цивилизационных пространств. И в силу этого мы, конечно же, должны принять программу разгосударствления национальных автономных формирований внутри России... Черты квазигосударств внутри страны должны быть сняты. Особенно с национальных образований. И мы должны сказать открыто, что мы по этому пути будем двигаться, никого не унижая и не обижая».

Это — совершенно новый поворот в национальной и международной политике «партии власти». Ссылкой на злодеев-большевиков тут не отделаться. Отвергается Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам, принятая Генеральной Ассамблеей ООН в 1960 году (Резолюция ООН № 1514). Ее Статья 1 гласит: «Все народы имеют право на самоопределение; в силу этого права они свободны определять свой политический статус и свободны осуществлять свое экономическое, социальное и культурное развитие». Сама РФ возникла на основании этого права, приняв в 1990 г. «Декларацию о суверенитете».

Допустим, ООН не указ «Единой России» и РФ отказывается быть правопреемником СССР. Но реальность такова, что на постсоветском пространстве идут болезненные процессы разборки тех дров, что наломали в 1991 г. Перед нами Абхазия, Южная Осетия и Приднестровье. Кто уполномочил А.К. Исаева от имени РФ одним махом лишать их права на самоопределение? При чем здесь геноцид? Кто и где будет доказывать, что Грузия собирается устроить геноцид абхазов?

И что значит «сохранение существующих цивилизационных пространств»? Что это за понятия? Где начинается и где кончается «цивилизационное пространство» России? В Константинополе? В Ханты-Мансийске? В Хасавюрте? Как можно в политике оперировать такими расплывчатыми сущностями? Ведь это говорится в контексте «формирования российской нации». Дело же нешуточное!

Но главное — практическое следствие из всего этого: «Мы должны принять программу разгосударствления национальных автономных формирований внутри России... Черты квазигосударств внутри страны должны быть сняты».

Скажите, когда, на каком референдуме было принято это революционное решение? Понимает ли г-н А.К. Исаев, что он сказал? Ведь речь не о тенденции, а о «программе разгосударствления», вроде как о приватизации по Чубайсу. Объясните, что значит «разгосударствление Республики Татарстан»? Как снять с нее «черты квазигосударства»? Переименовать в «зону № 17»? Ведь есть же какие-то наметки программы. Если вы «должны сказать открыто», так и скажите. Не лукавый ли нас водит? Мутно небо, ночь мутна...

Наконец, скажу об историческом открытии А.К. Исаева, будто «идея права наций на самоопределение в свое время сформулирована большевиками с целью разрушения государства». Историческая память — одна из важнейших сил, соединяющих людей в нацию. Это проектировщикам «российской нации» надо бы знать. Так вот, к сведению идеологов «Единой России».

Принцип «каждая национальность должна быть вершителем своей судьбы» был выдвинут правительством Франции в 1851 г. (хотя Энгельс считал, что это — изобретение злокозненной России). Понятие «права наций на самоопределение» было высказано в 1865 г., на Женевском конгрессе Интернационала. Ленин еще и не родился. В 1896 г. Международный конгресс рабочих партий и профсоюзов в Лондоне принял постановление, в котором сказано: «Конгресс объявляет, что он стоит за полное право самоопределения всех наций». Марксизм на Западе был тогда влиятельной идеологией, а социал-демократия — влиятельной политической силой. При чем здесь большевики? Их еще просто не было, ведь это немаловажная деталь.

Российские социал-демократы в 1903 г., на своем по сути первом съезде, включили в программу признание права народов на самоопределение (§ 9 Программы). Иначе и быть не могло, раз они социал-демократы. К разделению на большевиков и меньшевиков это не имело отношения.

Концепция самоопределения народов стала одной из главных идей XX века, «овладевших массами». В обзоре на эту тему американского этнолога сказано: «Во времена Первой мировой войны две личности, неожиданно получившие зна-

чительное глобальное влияние в области управления государством, В. Ленин и В. Вильсон, придали этому потенциальному разрушителю международного порядка новый нормативный статус».

Так надо же вникнуть во всемирное значение этой идеи, а не бросать ее походя в корзину со странными комментариями. В Сенате США президент Вильсон признал: «Вы не знаете и не можете себе представить те переживания, которые я испытываю в результате того, что у многих миллионов человек мои слова пробудили надежды».

Право наций на самоопределение, одновременно декларированное из России и из США, позволило в XX веке демонтировать мировую колониальную систему со сравнительно небольшими жертвами и разрушениями. А ведь могло и повсеместно быть так, как в Алжире (1 миллион погибших при населении 8 млн. человек). Представим себе войну Индии за независимость в середине XX века!

А в России, когда вопрос встал в практической плоскости, большевики провозгласили право наций на самоопределение, как раз чтобы сохранить единство трудящихся всей Российской империи — и на этой основе произвести «пересборку» империи уже в виде Советского Союза. Без признания этого права было невозможно нейтрализовать националистические «элиты», которые после Февральской революции растащили империю. И эта программа «усмирения этнонационализма» признана в мировой науке блестящей.

Но ведь опыт подтвердил правильность этого шага — неужели А.К. Исаев это забыл? Попытавшись подавить сепаратизм под флагом «единой и неделимой России», белые, по выражению их же историка, «напоролись на национализм и истекли кровью». Красные, напротив, собрали страну «снизу», как многонациональную «республику Советов», ради которой трудящиеся поддерживали русскую Красную армию против своих «элит».

Право на самоопределение в СССР было отнесено к категории «нецелесообразных», и Сталин заявил в 1923 г.: «Следует иметь в виду, что, помимо права наций на самоопределение, существует также право рабочего класса на укрепление

своей власти, и этому последнему право на самоопределение является подчиненным». На опыте мы знаем, что вплоть до «революции Горбачева» ни в какой республике СССР и в голову никому не приходило ставить вопрос об отделении. Это понятно — советское национально-государственное устройство было устойчивым именно при советском строе. А когда Ельцин стал всем приказывать «берите суверенитета, сколько проглотите», это и означало развал страны «сверху». Но, в отличие от 1918—1921 гг., никакого проекта пересборки «Единая Россия» предложить не может. И даже с самыми близкими союзниками ее чиновники разжигают «газовые войны».

Вот такие недоуменные мысли вызвало это заседание.

Но главное — где же ответ на эту доктрину «партии власти» партий оппозиции? Где их концепция сборки российской нации? Как они видят принципы межэтнического сосуществования народов России и всего постсоветского пространства? Ведь первая обязанность оппозиции — изучать, обдумывать и предлагать обществу альтернативные проекты будущего. Только это может придать оппозиции силу и обеспечить массовую поддержку.

2007 г.

РАЗ УЖ ЗАГОВОРИЛИ О НАЦИИ...

Недавно мы писали о том, как публике был представлен «Русский проект» партии «Единая Россия». Тогда же на эту тему откликнулась Н.А. Нарочницкая в интервью под заглавием «Мы должны стать нацией» («Наше время», 2007, № 33). Она сделала ряд утверждений, которые надо обсудить.

Наталья Алексеевна — человек известный и авторитетный, замечательный историк и литератор. На мой взгляд, это самая блестящая фигура в русском патриотическом движении — и в интеллектуальном плане, и вообще. Ее суждения никак нельзя оставить без внимания, тем более если с какими-то из них не соглашаешься.

Важен сам заголовок интервью. В нем заявлено, что «мы» — не нация. Мы только должны «стать нацией». Согласитесь, что для депутата от партии «Родина» это — исключительно сильное заявление. Оно должно быть развернуто и сразу порождает множество вопросов. Например: что Н.А. Нарочницкая считает нацией и чего «нам» не хватает, чтобы стать ею? Каким образом мы можем превратиться в нацию, что для этого должен сделать каждый человек и государство? Было ли население России нацией когда-то раньше и если было, то почему перестало ею быть? Интервью полезно тем, что побуждает нас задуматься над всем этим. Выскажу мое мнение о части тезисов Н.А. Нарочницкой.

Когда политик призывает нас «стать нацией», важно выяснить, что он понимает под этим словом. Разные представления о нации означают разные образы ее будущего строения, разные средства и методы «сборки», разные типы государственной идеологии и национальной политики. Без явного изложения этих программных установок призыв «стать нацией» смущает. Ведь строительство нации не может быть бесконфликтным — «иных» надо преобразовывать в «своих». Когда

германский канцлер Бисмарк начал строить немецкую нацию, он заявил что единство нации достигается только «железом и кровью». Тютчев на это написал известные строки:

«Единство, — возвестил оракул наших дней, —
Быть может спаяно железом лишь и кровью...»
Но мы попробуем спаять его любовью, —
А там увидим, что прочней...

Тут — одно из важнейших отличий России. И цари в Российской империи, и ВКП(б) в СССР собирали нацию на иных основаниях и иными методами, чем Запад. Вопрос: мы теперь продолжим русскую традицию — или откажемся от нее? Это — проблема выбора, и его надо делать осознанно, излагать планы открыто и ясно.

Н.А. Нарочницкая говорит так: «Мы должны из народонаселения стать нацией — единым преемственно живущим организмом, в котором, в момент исторического вызова, во-зобладает ощущение общности над всеми частными разногласиями». Здесь кратко и обтекаемо, но все же дано определенное представление о нации — то, которое было выработано в романтической немецкой философии (его иногда называют «этнокультурным»). Ключевые слова здесь — «единый организм».

Деятели немецкого Просвещения понимали «народ» как «органическое единство духа», опирающееся на общность языка и культуры. При таком взгляде нация — это организм, порожденный надчеловеческими силами. Источником этих сил у одних философов был «миф крови и почвы», у других воля Провидения, предначертавшего каждой части человечества свою миссию и «естественную» форму сообщества. Наш Вл.Соловьев писал: «Идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности».

Множество мыслителей и поэтов ищет ту сущность (эссенцию), которая и обеспечивает единство членов нации (народа, племени), «преемственно» воспроизводит его в каждом новом поколении. Это представление об этничности называется эссенциализм. Крайние его приверженцы ищут эту эссен-

цию в крови (и, как выразился один этнолог, «забредают в зоопарк социобиологии»), другие, как наш замечательный Л.Н. Гумилев, говорят о влиянии ландшафта и космического «этнического поля».

Если так, то возникает вопрос: как могло случиться, что данная изначально сущность нашей нации исчезла. Когда и кто ее разрушил или изъяс? Она должна быть «разбужена» или привнесена откуда-то извне? Но ответить на эти вопросы в рамках концепции эссенциализма очень трудно. Поэтому она уступила место другой модели нации, более простой и согласующейся с фактами. Основы ее были заложены философами французского Просвещения (как пишут, и Бисмарк, прибегая к риторике «крови и почвы», в практике опирался на французскую концепцию).

Согласно этой модели, жители определенной территории становятся нацией, когда члены их общности признают определенные общие права и обязанности по отношению друг к другу. Именно взаимное признание такого товарищества и превращает их в нацию, а не другие общие качества, которые отделяют эту общность от всех иных, стоящих вне ее. Понятно, что такое товарищество может быть или укреплено, или разрушено экономическими, политическими и культурными средствами, без всякого «зова крови» или Провидения. Немецкая и французская концепции развивались разными путями. У немецких философов-романтиков нация — вечный дар. У французов — результат выбора людей, выражающих волю жить вместе, продукт творческой деятельности всех групп общества.

Н.А. Нарочницкая определяет нацию как организм, в котором «в момент исторического вызова возобладают ощущение общности над всеми частными разногласиями». Это также предполагает наличие какой-то надчеловеческой сущности, голоса свыше, который предупредит нас, какого числа произойдет момент исторического вызова. Обычные люди голосов свыше не слышат, на них больше действует телевидение. Никто не заметил исторического вызова ни в день беловежского сговора, ни в момент приватизации. А ведь ломалось жизнеустройство. Каким же образом, по мнению Н.А. Нарочницкой, мы будем замечать такие моменты в будущем? И ка-

кие разногласия надо считать частными? Кто укажет критерий — «Единая Россия»?

Согласно современной концепции, подобные озарения для жизни нации не требуются, потому что нация создается и обновляется непрерывно — через множество отношений между людьми, как «молекулярный» процесс. Теоретик нации Э. Ренан сказал в 1880 г.: «Нация — это каждодневный плебисцит». Иными словами, для ее существования необходимы социальные механизмы, позволяющие постоянно обмениваться мнениями по всем вопросам, касающимся нации. Задуши эти механизмы — и нации нет. Так оно и произошло в 90-е годы и так продолжается сегодня. Призывы «стать нацией» тут бесполезны — надо эти механизмы восстанавливать, хотя бы снизу, «в катакомбах».

Была ли у нас нация? Конечно. Россия уже к середине XVI в. воспринималась на Западе как большое национальное государство, представляющее угрозу государствам Европы. Это значит, в России уже складывалась нация. Тогда возникла целая программа западного национализма в отношении России, которую и следует назвать термином «русофобия». С тех пор она развивалась и дополнялась, но главная идея осталась той же самой: «русские — это варвар на пороге». Эта идеологическая конструкция могла сложиться лишь в рамках зрелого национального сознания в отношении зрелого противника.

В России нация не раз собиралась — и демонтировалась, иногда доходя в своем распаде до катастрофы (как в Смуте XVII в., в начале XX века или сегодня). Эти переходы и надо хладнокровно описать. Н.А. Нарочницкая, вставив в свое интервью антисоветский пассаж (без этого никак), создала противоречия, из которых с пользой для дела не выбраться. Она пошла обругала советский тип национального устройства: «Дробление по национальному признаку, в угоду большевистской доктрине права на самоопределение, показало себя миной замедленного действия. Помимо того, это не является лучшим способом сохранить национально-культурное своеобразие. Есть другие инструменты... Вот в Германии живут лужичане — славянский народ. У них нет автономии, но есть свои школы, свои университеты, деятели культуры, писатели».

Замечу, что депутат отвергает право наций на самоопределение, которое относится к общепризнанным нормам международного права и закреплено Конституцией РФ (статья 5). Но это ладно, конституций наши депутаты не читают. Печальнее то, что эта доктрина, рожденная в Европе в середине XIX века, отвергается на основании того, что она «большевистская». Ну до чего мы дойдем с такой аргументацией?

Большевиков давно нет, газеты к ним туда не доходят, а если они на нас оттуда и смотрят, то с жалостью. Это надо же — забрести с такую трясину, как мы сегодня. Если мы хотим из трясины вылезти, то надо не проклинать большевиков, меньшевиков, царя и пр., а учиться на их успехах и ошибках. Каждая власть и каждый народ отвечают на тот исторический вызов, который выпал на их долю в их конкретный момент. Большевикам выпала рухнувшая монархическая государственность и разогнанная либералами империя (нация). Большевики сумели восстановить государство, обуздать этнический национализм окраин и снова собрать империю и нацию. Причем собрать с такими отношениями товарищества, что обновленная российская нация в форме советского народа целый исторический период была самой крепкой из известных в истории полиэтнических наций. Это — факт, который в этнологии считается высшим достижением национальной политики. Сейчас мы даже мечтать об этом не можем — а сколько апломба.

Нация скрепляется всеми системами жизнеустройства. «Большевистская» доктрина и была рассчитана на соответствующие системы. Советская нация была крепка, пока действовали системы советского строя, — а значит, «большевистская доктрина» была адекватна и эффективна. Магических формул на все случаи не существует. Альянс антисоветских западников и антисоветских патриотов ликвидировал советский строй. Почему же они при этом не произвели адекватных изменений в связях нации, если хотели ее сохранить? Ведь они «рассыпали» ее — по глупости или по злему умыслу. Вот о чем хотелось бы услышать объяснение Н.А. Нарочницкой — не знали «белые» патриоты России, что они делают? А теперь-то хоть знают? Незаметно.

Факты таковы, что в ходе общего кризиса советского общества с конца 80-х годов XX в. едва ли не самый тяжелый удар был нанесен по сфере этнических отношений — как внутри русского народа, так и в межэтнических отношениях между народами. Политическая задача разрушения советской системы потребовала подрыва всех типов связей, скреплявших «империю зла». С этой целью с конца 80-х годов велась интенсивная пропаганда, возбуждающая этнонационализм всех народов, включая русский. В результате был подавлен тот державный, объединяющий национализм, который был характерен для советского мировоззрения. Вместо него было создано множество агрессивных этнонационализмов, которые стали разделять как народы между собой, так и родственные этнические группы отдельных народов (иногда с откатом их к родоплеменной структуре).

Был прерван процесс становления большой полиэтнической советской нации, произведен ее глубокий демонтаж. На территории постсоветских государств была разожжена политизированная этничность с высоким потенциалом межнациональных конфликтов. Экономический кризис породил интенсивные миграционные потоки, что привело к напряженности и конфликтам в зонах межэтнических контактов кризисного типа — при ослаблении сил взаимной адаптации мигрантов и принимающего общества.

Пассивное сопротивление этому развалу оказывали все народы. Самым устойчивым был русский народ, в котором сохранялось самосознание государствообразующего народа. Здесь видны сдвиги от советского имперского национализма к национализму гражданскому, который послужил бы основой для сборки полиэтнической нации в новых условиях, как политической российской нации. Эта тенденция, однако, наталкивается на сопротивление тех сил, которые участвовали в демонтаже советской национально-государственной системы.

В пассаже Н.А. Нарочницкой есть и вторая мысль, которой трудно было ожидать даже от самого антисоветского патриота. Советской и российской модели нациестроительства была поставлена в пример практика Германии! Учитесь, мол, как надо

сохранять народы. Это поразительно! Германия к Западу от Эльбы была вся заселена славянскими племенами и народами. Все они стерты с лица земли — уничтожены или ассимилированы. Уцелел один крупный народ — сорбы (сербы-лужичане). Их сейчас около 100 тысяч, все они двуязычны, число носителей их языка как родного трудно определить. Перспективы сохранить свой язык у сорбов невелики, поскольку практически во всех сферах их коммуникации господствует немецкий язык. И это предъявляют России с ее двумя сотнями сохраненных малых народов как пример «лучшего способа сохранить национально-культурное своеобразие»!

Какой же нацией нас зовет стать Н.А. Нарочницкая? Как немцы? А где Бисмарк? Как технически она предлагает ликвидировать в РФ «дробление по национальному признаку»? Ведь если это «дробление», то есть сохранение народами России своих этнических признаков, названо «миной», то скажите, как вы предлагаете с этой «миной» поступить? Похоже, что ее собираются взорвать.

Советский Союз, собранный на иных основаниях, нежели западные нации, действительно был очень прочен в течение целого исторического периода, но начиная с 60-х годов XX в. его механизм соединения множества этносов в нацию начал давать сбои и требовал модернизации, которая не была проведена. Это произошло во многом потому, что в советском обществоведении возобладала точка зрения на нацию как на «организм», который растет «естественным» образом. На деле это сложная система, требующая непрерывной творческой заботы, ремонта и обновления. Продолжать следовать «эссенциалистскому» подходу для нас сейчас просто губительно. Мы должны обновленную нацию именно строить — тяжелым трудом и с большими затратами. И тут надо очень осторожно и вдумчиво относиться к проблеме соотношения нации и этничности.

Мы будем строить нацию полиэтническую, собранную вокруг русского ядра. Эта работа ведется уже более пяти веков, и в этом у России опыт, какого не имеет никто в мире. Успех России был основан на особом типе отношений ядра с этническими общностями — «семье народов». В этом была и сила, и

хрупкость конструкции. Я уверен, что мы и дальше будем идти по российскому пути, а не по французскому, немецкому или американскому. Проблемы и трудности возникают на каждом из путей, у всех свои, в разные моменты разные. Завидовать нам некому.

Но в строительстве нации нужна осторожность и вдумчивость. Иллюзия, будто ты обладаешь магическим знанием, на пользу не идет. Н.А. Нарочницкая, на мой взгляд, иной раз высказывает резкие суждения, не видя подводных камней. Например, она слишком жестко разделяет нацию и этничность (национальность). Она пишет: «Россияне — это и русский, и башкир, и калмык, и татарин, мы все россияне: это гражданское состояние... Но [гражданская нация] не рождает ни сказок, ни песен, ни традиций, ни Гете, ни Пушкина — их... рождает только национальная — русская, немецкая, татарская и иная культура. Нация как субъект культуры и самоопределения — это русские, а гражданская нация — это россияне».

Тут поставлен большой вопрос, о нем надо говорить особо. Но утверждения здесь неверные. Почему же «нация как субъект культуры и самоопределения — это русские»? Разве татарин и башкир не являются субъектами культуры всей нации, в том числе и русской культуры? Как такое может быть? Почитайте Пушкина, «Капитанскую дочку». Более того, поэта в известном смысле создают читатели — в том числе «друг степей калмык». Пушкин — важный «механизм созидания нации», но он и ее создание. Гете писал, когда немецкой нации еще не было, но он ее строитель и одновременно порождение. Шекспир писал за два века до того, как шотландцев втянули (с большой кровью) в английскую нацию, но разве он не принадлежит шотландцам?

Мы для простоты говорим: «русская культура», имея в виду то ядро, на котором выросла российская культура, культура не этническая, а нации. Люди всех народов — субъекты этой культуры. Вообще, культура — далеко не только сказки. Сталин — творец важных элементов российской (советской, русской) политической культуры, хотя этническим русским не был. Академик Харитон — один из творцов российской (со-

ветской, русской) научной культуры. Он, кажется, был евреем, но это не меняет дела. Сводить культуру нации к сумме этнических культур — это как раз и есть рассыпание нации, ибо общая культура является главным связующим механизмом.

Есть силы, которые хотели бы загнать русских в тупик романтического, неконструктивного национализма. Это надолго затянуло бы кризис России и разлад в самом русском народе. Романтика многих манит, но все же лучше нам удержаться от этого соблазна.

2007 г.

БУНТ ЭТНИЧНОСТИ И НАША ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Начав разговор о народах, мы вынуждены обратиться к проблеме этничности. Человек — существо общественное. С самого возникновения человека как вида он существует как общности — семьи соединялись в роды и общины, из них возникали племена, развитие государства превращало племена в народы, населяющие страны. Племя, народность, народ, национальность, нация — для всех них этнос является общим, «родовым» понятием. У нас в этом смысле обычно применяется слово «народ».

Придерживаясь различных представлений о происхождении этничности, большинство ученых признает, что общность людей, сложившаяся как этнос, есть присущая человеческой истории форма жизни, подобно тому как животному миру присуща форма биологического вида. Из этого следует, что развитие человеческой культуры происходило не путем ее равномерной беспорядочной «диффузии» по территории Земли, а в виде культурных сгустков, создателями и носителями которых и были сплоченные общности — этносы.

Наши представления об этносах и народах выражены в понятиях Просвещения. С конца XIX века мышление нашей интеллигенции находилось под сильным влиянием исторического материализма (марксизма) — одной из главных концепций Просвещения. В отношении этничности (и связанных с ней понятий народа и нации) конкурирующие с марксизмом либерализм и национализм принципиально не отличались.

Русская культура, воспринявшая идеалы Просвещения, приняла и его универсализм — идею о прогрессе и движении к единому человечеству, соединенному общими ценностями. Русская культура дополнила и усилила этот универсализм

православной идеей всечеловечности. Для нас это дополнение было очень важно — и Российская империя, и Советское государство исключали ассимиляцию народов как технологию. Те, кто хотел, вливались в состав русских, остальных не принуждали. Представление о межнациональном общежитии основывалось на образе семьи народов.

Но XX век обнаружил крах универсализма Просвещения. Начатая в России цепь национальных революций, слившаяся в большую мировую революцию, была вызвана нежеланием народов влиться в глобальную систему западного капитализма на правах его периферии. Первая мировая война расколола и сам Запад. Затем важная его часть впала в фашизм и радикально отвергла универсализм Просвещения. При этом соблазн фашизма охватил культурный слой Запада в гораздо большей степени, нежели это проявилось в политической сфере.

Сразу после Второй мировой войны была разрушена колониальная система Запада — при этом этническое самосознание вырвалось с такой силой, которая не укладывалась в рамки рациональности Просвещения. Прошло еще немного времени — и потерпела катастрофу система межнационального общежития, созданная в Российской империи и затем в СССР. И в ответ на все это — неолиберализм, откат к истокам, слепой фундаментализм Просвещения в его самой механистической версии.

Американский философ Фукуяма даже провозгласил, что мы дожили до «конца истории». А на самом деле история нашего времени просто пошла другим путем — вместо классовой борьбы на арену вырвалась борьба в этнических и националистических доспехах. И эти общественные явления оказались гораздо сложнее вроде бы понятных социальных. Так, за последние десятилетия в разных частях мира произошли массовые убийства и настоящие акты геноцида под знаменами разных форм национализма.

Взрывы этнического и национального сознания опрокинули все исторические предсказания левых, правых и центристов XX века. Нам говорили, что эти формы сознания окончательно исчезнут под влиянием индустриального капитализма, демократического государства и глобализации. На деле за

период с 1980 по 1995 г. в мире произошли 72 гражданские войны на этнической, национальной, религиозной и расовой почве. После 1995 г. обстановка еще более обострилась.

Нежелание либеральных философов оторваться от индивидуализма, представляющего человека «свободным атомом», делает общественное сознание неспособным принять вызовы реальности. Отказ от реализма в понимании быстро текущих процессов загоняет часто мысль в наихудший коридор из всех возможных. Если учесть, какую силу набрал Запад и его «пятые колонны», то либеральный фундаментализм надо считать угрозой существованию человечества. Само явление этничности как одного из наиболее мощных видов человеческой солидарности целиком выпало из сферы внимания европейской культуры. Этничность стала рассматриваться как экстравагантная и архаичная особенность «диких», почти мифических народов, живущих где-то в сельве или тайге.

В 1990 г., когда уже стали обыденным явлением этнические войны в Азии и Африке, а затем и в самой Европе (Кавказ, Балканы), я работал в университете в Испании. На одном семинаре я задал коллегам вопрос, как они представляют себе понятие этничности. Уважаемый профессор университета Сарагосы ответил мне, что в Европе этничности давно нет, она сохранилась как реликтовое явление лишь у малых народностей самых слаборазвитых стран. Это при том, что испанские газеты ежедневно уделяли 10—20% своей площади сепаратизму и терроризму баскских организаций, выступающих под флагом этнического национализма.

В рассказе-антиутопии Хорхе Луиса Борхеса «Тлен, Укбар, Orbis tertius» (1944) говорится о том, как ему странным образом досталась энциклопедия страны Тлен. В ней были подробно описаны языки и религии этой страны, ее императоры, архитектура, игральные карты и нумизматика, минералы и птицы, история ее хозяйства, развитая наука и литература — «все изложено четко, связно, без тени намерения поучать или пародийности». Но весь этот огромный труд был прихотью большого интеллектуального сообщества («руководимого неизвестным гением»), которое было погружено в изучение несуществующей страны Тлен. Жители этой страны были отвержены изначальному тотальному идеализму.

Либеральный философ Дж. Грей в своей грустной книге «Поминки по Просвещению» называет всю современную западную политическую философию «политическое мышление в духе страны Тлен». Он пишет, что ошибочное представление человека как индивида привело к бессилию либеральной мысли. Она отбрасывает этничность и национализм как труднодоступное пониманию отклонение от нормы. По словам Грея, «подобное понимание господствующих сил столетия... не предвещает ничего хорошего современной политической философии или либерализму».

Какой позор, что наша российская интеллигенция, начиная с поколения Горбачева, впала в это же самое либеральное мышление «в духе страны Тлен»! Сколько крови уже пролилось из-за этого на нашей земле.

Почему представления Запада об этничности так оторвались от реальности? Реформация, а затем Научная революция (возрождение атомизма) произвели в Западной Европе культурную мутацию, породив совершенно новое представление человека о себе самом. Человек стал индивидом, свободным атомом, и это было закреплено как непререкаемая догма. Эта догма, подкреплённая словом великих писателей и ученых, школьными учебниками и газетами, вошла в массовое сознание европейцев. Она поддерживалась и всеми институтами буржуазного общества — и укладом капитализма, и образом жизни атомизированного человека, и социальными теориями.

Когда мы приняли этот уклад и эти теории, сразу попали в мясорубку — огромных денег и сил, которые защищают от нее западного человека, у нас не было и не будет. Но ведь уже видно, что западная политическая философия фатально ошибочна! Как же можно продолжать ей следовать? В ней различие культур рассматривается как эфемерная, несущественная случайность в человеческой жизни и истории. Нас сегодня убеждают, что Россия — часть европейской цивилизации. Скажешь, что культура у нас другая, а тебе отвечают: «Да, но это мелочи». Нас загоняют в «страну Тлен» — а там что с нами сделают?

Мы видим страшный провал того мышления, с которым Запад подходит к проблеме народа — и перенимаем это мыш-

ление. Это ужасно, и чем дальше от советской культуры и советской школы, тем страшнее та яма, в которую мы сползаем.

Агрессивный национализм порожден именно Западом и вызван отчаянными попытками атомизированного человека найти новое основание для солидарной общности. Современный индивид, лишенный подлинной основы для самоутверждения, реанимирует архаические пласты и значения культуры. Это он делает в поисках исцеления от страха жизни чужих среди чужих в западных городах, представляющих собой «всеобщие чужбины».

Попыткой вырваться из этого страха индивида объясняет психолог Э. Фромм возникновение расизма и «мифа крови» как радикальных и архаичных проявлений этничности: «Человек, освободившийся от пут средневековой общинной жизни, страшился новой свободы, превратившей его в изолированный атом. Он нашел прибежище в новом идолопоклонстве крови и почве, к самым очевидным формам которого относятся национализм и расизм».

Этот «страх перед чужими» был вызван разрушением общины, лишением человека того космического чувства, при котором он чувствовал себя в мире как в доме. Советский человек совершил великое дело — сумел перенести дух общины в трудовой коллектив индустриального общества. И вот, это наше национальное сокровище грубо растаптывают. Какая носорожья тупость!

Наши либеральные «цивилизаторы», которые думают, что несут свет «отсталому народу», как раз и стали агентами архаизации нашей жизни — и не только в хозяйственном плане, но и в плане межэтнического общежития. Каких страданий это уже нам стоило. А ведь был урок перед глазами — западные колониальные режимы как раз и привели к возникновению «племенного» сознания в захваченных ими землях. А теперь они сокрушаются по поводу «трайбализма, чья мощь оказалась одним из сюрпризов, а в своей ультранационалистической форме — одним из проклятий XX века».

И постсоветские страны испытывают сейчас нарушение этнического равновесия вследствие интенсивных потоков миграции. И невежество политиков в вопросах этничности сего-

дня очень дорого обходится и мигрантам, и местному населению, и государству.

Это невежество выражается уже в языке, на котором говорят и политики, и чиновники, и СМИ, когда касаются этнических проблем. Чего стоит хотя бы дикий в своей нелепости термин «лицо кавказской национальности»! Когда возмущение этим термином достигло порога, в газетах («Комсомольская правда», 2003) стали писать: «приметы злодея: кавказской народности, на вид — 25 лет». Политики озабочены защитой прав русских за рубежом, например, права школьников на изучение русского языка в Латвии. Об этом говорят как о защите прав соотечественников, хотя и это нелепо. Уже более 15 лет как Латвия — иное государство, русские в ней борются не за возвращение в Россию, а за получение латвийского гражданства, никаких оснований называть их соотечественниками нет (скорее подойдет устаревшее слово «соплеменники»). Напротив, едва ли не большинство абхазов имеют гражданство России, но их соотечественниками называть не принято, хотя они-то как раз точно соответствуют этому понятию.

В результате возникают напряженность и эксцессы, на которые и общество, и государство отвечают на удивление тупо, лишь подливая масла в огонь или закладывая мины замедленного действия. Самой обычной реакцией на межэтнические конфликты являются обычно проклятья в адрес «национализма и ксенофобии», которые раздаются с трибун всех уровней, и милицейские репрессии, загоняющие «дьявола национализма» в подполье. Никто не желает и слышать о «непередаваемой значимости» этнического самосознания. Между тем, как пишет видный ученый-этнолог, эти конфликты говорят об отчаянном усилии людей, «чтобы восстановить те условия жизни, при которых некогда удовлетворялись определенные потребности; чтобы вырваться за вновь окружившие их стены, даже если они только плод фантазии, и попасть туда, где они могут считать себя дома и где, объединившись со своими, они смогут вновь обрести в некоторой степени то, что можно обозначить как чувство физической и эмоциональной безопасности». Эти конфликты — важный симптом социального неблагополучия, но их просто подавляют, нисколько не думая о лечении самой болезни.

Для нас в России проблемы этничности имеют особую значимость. Мы погрузились в глубокий и затяжной кризис, из которого придется выбираться еще очень долго. Взрыв этничности, порожденный культурным и политическим кризисом перестройки, был подпитан развалом хозяйства. Грубое и даже насильственное разрушение общей мировоззренческой матрицы советского народа, глумление над символами национального самосознания и подрыв коллективной исторической памяти создали в массовом сознании провал, который мог быть заполнен только различными версиями идеологий, включающих этнические составляющие. И московские, и местные элиты, и теневые, в том числе преступные, силы в России и за рубежами использовали эти конъюнктурные идеологии в целях мобилизации людей для решения своих политических и экономических задач, чаще всего разрушительных. Те, кто пытался этому сопротивляться, не имели инструментов, чтобы понять происходящее, и не имели языка, чтобы его объяснить людям.

Чем дальше развивается этот кризис и чем большие зоны сознания и обыденной жизни охватывает создаваемый реформой хаос, тем сильнее обостряется у человека потребность вновь ощутить себя частью целого, частью устойчивой социальной общности, создающей если не реальные, то хотя бы иллюзорные защиты стабильного бытия. И в этой ситуации вечного переходного периода самым доступным и очевидным ответом становится идентификация себя с этнической группой. Этническая принадлежность в обществе, столь уродливо расколотом социальными противоречиями, оказывается едва ли не единственной консолидирующей силой. Реформа генерирует и радикализует этничность в России.

Мы не можем закрывать на это глаза в надежде, что все образуется само собой. Мы даже не можем ожидать, что эти проблемы осознает и разрешит государство — и оно, и политические партии, и все институты общества не на высоте этих проблем. Процессы возникновения, демонтажа и пересборки всей этнической структуры России носят «молекулярный» характер и протекают на всех уровнях общества. Мы все лично — их участники и действующие лица. Мы сможем овладеть

этой частью нашей трагической реальности только в том случае, если все примем участие в ее изучении, трезвом осмыслении и осторожном обсуждении на всех площадках и форумах.

Здесь — важное поле для теоретической работы и борьбы оппозиции. Пока что она уходит от этой жгучей проблемы, но уйти от нее невозможно, надо осваивать накопленные в мировой науке знания, изучать богатый опыт Российской империи и СССР и формулировать свои установки.

2007 г.

КАКАЯ КУЛЬТУРА НАМ НУЖНА?

Какая культура нужна России (на мой взгляд)? Вопрос предполагает разговор о культуре без придыхания. Нужна — понятие прагматика. Культура как полезная вещь. Так в чем ее польза для России и сегодня? Полезна ли нам та генетически модифицированная пища культуры, которой нас кормят, — или она разрушает наш мозг и наше сердце? Каковы критерии различения, на что мы можем опереться, если не верим «людям в белых халатах»? Тут надо следовать за богами Азбучных истин, а не за богами Торжищ, хоть и от культуры.

Человек создан миром культуры. Это огромная машина, которая нас чеканит по чертежу, заложенному в нее сильными мира сего. Мы, конечно, сопротивляемся, уползаем — подправляем чеканку своей низовой культурой. Но диапазон широк, одно дело увиливать от лекции в сельском клубе, другое — прятаться в болоте от зондеркоманды карателей.

Итак, первое дело культуры — заставить нас быть людьми. Дело культуры — дать нам знания, умения и мотивы, чтобы жить в обществе и непрерывно создавать его. Культура дает нам квалификацию — быть членом общества. Она загоняет нас в рамки дисциплины, как при обучении рабочего, врача и пр. Культура вбивает в нас множество табу и запретов, подчиняет цензуре. Культура дает нам знания и умения быть частицей народа, а не соринкой в человеческой пыли. Это сложное обучение и трудное дело.

Какая же культура нужна обществу и народу как целому или их большей части, если они расколоты? Нужна та, что учит и побуждает действовать так, чтобы наш народ был собранным и дееспособным, чтобы он обладал культурными ресурсами противостоять вызовам и угрозам. Та культура, которая нас этих качеств и ресурсов лишает, не просто нам не нужна,

она — против нас. Нам нужна культура, которая делает наше общество способным разумно и эффективно существовать и развиваться в быстро меняющемся мире.

Теперь в России идет переделка культуры, по масштабу небывалая. Как выразился А.Н. Яковлев, «впервые за тысячелетие взялись... Ломаются вековые привычки, поползла земная твердь». Что поползла, мы и сами видим. И объект уничтожения — не СССР, рушат тысячелетнюю Россию.

Многие, видя такие разрушения во всех срезх культуры, начинают искать какие-то объективные предпосылки, дефекты русской культуры, «недоделанности» российской цивилизации. Это романтический взгляд. Ничего «объективного» в этом поражении нет. СССР оказался не готов к информационной войне. Ракеты и бомбы успели сделать, а тут оборона была слаба. А враг опирался на великолепную науку, давшую эффективные технологии. В войнах поражения бывают, надо изучать их уроки.

Это проигранное сражение поддается нормальному строгому исследованию. Есть доктрина «смены культурного ядра», есть тексты философов и мэтров культуры, есть люди с их мемуарами, живые свидетели созревания всего этого большого проекта. Есть организации, деньги, технологии, международное сотрудничество. Тут работала и работает большая и хорошо оснащенная команда. Белорусам можно в их болоте прятаться, пока эта команда нами занята...

Выражаясь грубо, эту программу надо назвать цивилизационной гражданской войной, хотя и с мощной поддержкой извне. Она была бы невозможна без «холодной войны», но главные действия ведутся на нашей территории. Война — не метафора. Это видно по тому, как упорно реализуется программа. Ведь несмотря на массовые духовные страдания народа, у которого из-под ног вышибли земную твердь, как палач табуретку, никакой коррекции в свою доктрину стратеги не внесли.

Каков вектор этих изменений с точки зрения той главной «пользы» культуры, о которой говорилось выше? Из опыта последних 20 лет, из наблюдения за созреванием доктрины пе-

рестройки с начала 60-х годов я делаю вывод, что «новая культура», насаждаемая в России, есть средство деструкции российского общества и демонтажа русского народа как ядра российской нации. Это — главный смысл «новой культуры», что и определяет ее вектор. Какие-то точечные достижения, творческие удачи, слова, поступки — это нечаянные радости, нюансы или тактические уступки.

Та часть нашей интеллигенции, которая стала личным составом этой армии «деструкторов», нашла, конечно, для себя оправдания — на то она и рефлексирующая интеллигенция. Но, думаю, в глубине души они со мной согласны. Это и породило аномалию: уже 17 лет нет СССР, а на ТВ с утра до вечера пинают нашу «империю зла», к месту и не к месту, как будто призрак видят. Совесть скулит, и ее пытаются приглушить антисоветским мифом. Речь не о личностях, а о групповых установках. Упреки бесполезны, нужно понимание.

Мы утешаем себя тем, что блицкриг не удался, что устои русской культуры повреждены, но удержались. Верно! Но какой мерой мерить кампании войны против культуры? Думаю, не временами года, а поколениями. Сейчас входит в жизнь молодежь, воспитанная родителями, учителями и офицерами еще старой культуры, пусть и угасающей. А кого выдаст через пару поколений конвейер «реформированной» школы? Представить можно — «человек массы» и мозаичная культура, на которой строится новая школа, достаточно изучены. Это будет молодежь уже иной культуры и, строго говоря, уже иного народа. Разрыв непрерывности и мутация нашей культуры возможны. Этот исход не фатален, но зависит от нас. Основные виды оружия уже введены в действие, огневые точки засечены. Была бы воля сопротивляться.

Условием катастрофы 80—90-х годов был переход государства на сторону противника. На разрушение «старой» культуры была брошена идеологическая машина КПСС и индустрия культуры государства. В лоне верховной власти работал и главный штаб противника. Без этого не добился бы он такого успеха. Сегодня этот штаб слегка потеснен на обочину власти, но лишь слегка. В главном власть все равно следу-

ет стратегическим установкам прежней доктрины, но как будто нехотя, поневоле. Вектор не изменился, но маховик разрушений слегка притормаживается. Это вселяет надежды, хотя и не слишком большие. Без самоорганизации и «давления снизу» власть с этим «штабом» не порвет.

По каким же площадям били, где наши главные разрушения? Кризис культуры всегда связан с кризисом ее философских оснований. По ним и били. Назову два системообразующих элемента культуры, входящих в ядро всех ее срезов художественной, хозяйственной, политической культуры и т.д.

Антропология, представление о человеке. В центре любой культуры — ответ на вопрос «Что есть человек?» Вопрос этот корнями уходит в религиозные представления, но прорастает в культуру. На это надстраиваются все частные культурные нормы и запреты.

Здесь произошел разрыв большой части интеллигенции со всей траекторией русской культуры, с корпусом художественных образов, которыми питалось наше самосознание. Это и есть основа кризиса, но деятели культуры сводят все к нехватке денег. Вот вульгарный материализм. Что означает для них порвать с главной нитью мысли и душевного поиска Пушкина и Толстого, Достоевского и Чехова, Платонова и Шолохова! Оставить такое наследство ради чечевичной похлебки Ерофеева — какой духовный и эстетический провал...

Тысячу лет культурное ядро России покоилось на идее соборной личности. Человек человеку брат! Конечно, общество усложнялось, эта идея изменялась, но ее главный смысл был очень устойчивым. К нам был закрыт вход мальтузианству, отвергающему право на жизнь бедным. И вдруг культурная элита в конце XX века кинулась вслед за идеологией в самый дремучий социал-дарвинизм, представив людей животными, ведущими внутривидовую борьбу за существование. Конкуренция — это наше все!

Кризис культуры возникает, когда в нее внедряется крупная идея, находящаяся в непримиримом противоречии с другими устоями данной культуры, — люди теряют ориентиры,

путаются в представлениях о добре и зле. И вот, русская интеллигенция стала убеждать общество, что «человек человеку волк», а ее элитарная часть — прямо проповедовать социальный расизм. От того, что у нас наговорили, и кальвинисты остолбенеют.

Так началось лавинообразное обрушение всех структур культуры. Этика любви, сострадания и взаимопомощи ушла в катакомбы, диктовать стало право сильного. Оттеснили на обочину, как нечто устаревшее, культуру уживчивости, терпимости и уважения. Мы переживаем реванш торжествующего хама — в самых пошлых и вызывающих проявлениях. Это и архитектура элитарных кварталов и заборов, и набор символических вещей (вроде «джипов»), и уголовная эстетика на телевидении, и повсеместное оскорбление обычаев и приличий. Это и наглое открытое растление коррупцией символических фигур нашей общественной жизни — милиционера и чиновника, офицера и учителя... Все это — следствие культурной революции двух последних десятилетий.

Культурно-исторический тип. Удар нанесен по всей мировоззренческой матрице, на которой был собран человек — носитель современной русской культуры XX века, человек советский.

Высокая русская культура, вобравшая в себя универсализм и православия, и Просвещения, вошла в «симфоническое» взаимодействие с мечтой о Земле и Воле, выраженной в общинном коммунизме. Это породило необычный в истории культуры тип — русского трудящегося XX века. Сохраняя космическое чувство и эсхатологическое восприятие времени, он внес в идеал справедливости вектор реального действия, знания и воли.

Величие этого культурного типа, который возненавидела антисоветская интеллигенция, оценили виднейшие мыслители XX века — и Запада, и Востока (назову Грамши и Кейнса, Сунь Ятсена и Махатму Ганди).

Появление этого типа — не природный процесс, это результат огромной культурной программы. В России произошло то, чего до этого не наблюдалось нигде, — культу-

ру высокого, «университетского» типа открыли для массы трудящихся, их не стали отделять от элиты типом культуры. Это — именно то, о чем мечтали русские просветители. В советское время уже как государственная программа началось это «общее дело» — снятие классовых различий через освоение единого языка и мира символов. Теперь идет разделение народа на классы («расы») по культурному признаку — машина культуры этим и занята. Так какой части народа нужна эта машина?

Средством демонтажа советского человека стал и подрыв культуры мышления. Была проведена большая кампания по разрушению рационального сознания и механизмов его воспроизводства. Целенаправленное воздействие было оказано на все каналы социодинамики культуры — на школу и вузы, на науку и СМИ, на армию и искусство. Невежество стало действенным! Оно узаконено, подкреплено потоком алогичных, антирациональных утверждений, противоречащих и знанию, и мере, и здравому смыслу. Замечу, что репрессировано и религиозное сознание, его вытесняют оккультизм и суеверия.

Втоптано в грязь массовое художественное чувство. Говорят, всему виною рынок. Неправда! Продукт «новой» культуры не может конкурировать как товар — ни с советскими, ни с западными продуктами. Почему посещаемость театров в РФ снизилась в три раза? Да потому, что по своему качеству театр никуда не годится, как люди ни тянутся к этому искусству. Сравните с советскими спектаклями, которыми нас иногда балует канал «Культура», и все станет ясно.

Средства, которые применялись при подавлении «старой» культуры, зачастую преступны. Из духовного пространства России удалены целые пласты культуры — Блока и Брюсова, Горького и Маяковского, многие линии в творчестве Льва Толстого и Есенина, революционные и большинство советских песен и романсов. Каков масштаб ампутации! Да за это одно... То опустошение культурной палитры, которое произвели «хозяева» России за двадцать лет, — особый тип измены Родине.

Велика ли роль «Кремля» в этом кризисе культуры? Я считаю, что да, очень велика. Можно даже говорить об исторической ответственности. На глазах нынешней власти (о 90-х годах не говорим) продолжается демонтаж народа и общества средствами культуры, и активного противодействия этому нет. Гражданское общество сникло, не успев возникнуть, советские гражданские структуры ликвидированы, создать оборону могло только государство. Оно от этой обязанности ушло. Дальнейший распад культуры ведет к неминуемой катастрофе.

2007 г.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ: РАСПАД ИЛИ НОВАЯ СБОРКА?

В духовно озабоченных слоях российской интеллигенции еще тлеют угольки демократии. Здесь следуют указанию Марата, что в обществе надо поддерживать необходимый уровень «нервозности». Ни дня без скандала! Конечно, с 90-х годов пассионарность увяла. Персонал устал, многие ушли на покой. Где пламенная Новодворская? Где наш Карякин? Альбац, как Стаханов, выдает на-гора свои 14 норм, но где же орлят миллионы? Да и нет у молодых той элегантности и тех горящих очей, не слышны те обильные, страстные речи.

Недавно арену нашего унылого цирка оживил Владимир Варфоломеев с «Эха Москвы». Он придумал список Добра и Зла, дал критерии для разделения рода человеческого на праведников и грешников. Этот труд, конечно, дополнил Священное Писание, но так невнятно и бесконфликтно, что без усилий «сверху» и скандала не получилось бы. Но такие мелочи иногда полезны как информационные поводы — не пропадать же добру. Вот, стали говорить об интеллигенции. Кое-какую зацепку для разговора этот «список» дал. Вот какие мысли он навеял.

Небольшой, но очень необычный культурный тип, возникший при разложении сословного общества России, — интеллигенция — в советское время стал матрицей, на которой выросло большое, многомиллионное сообщество. В 1989 г. в СССР было 23 млн. человек с законченным высшим образованием. Это огромная масса квалифицированных работников и в то же время подвижников — целое сословие людей, сплоченных особым мировоззрением и особым духовным состоянием. СССР не мог оплачивать таких работников по западным стандартам, и их вклад в развитие страны неоценим. Правда,

не вполне оплаченный труд дал части интеллигенции как бы моральное право покуролесить во время перестройки. Именно в этой части была популярна подлая поговорка: «Бесплатный сыр бывает только в мышеловке». Сыром они считали свой интеллектуальный труд в СССР, а мышами — население. Поймали нас и радовались...

Многие качества нашей интеллигенции у меня вызывали и вызывают восхищение. Друзей моих прекрасные черты... Я с 1960 года, еще дипломником, работал в их среде, но кое в чем к ней не подходил — как раз в том, что было унаследовано от «старой русской интеллигенции». Далеко не все советские «образованцы» сумели усвоить одно особое наследственное качество — можно назвать его «обостренным нравственным чувством», можно по-другому. По этой линии перестройка и расколола сословие интеллигенции. Но это свойство меня удивило сразу, как только я попал в «научную среду». А уж в гуманитарной среде, куда я перешел лет через десять, оно выражено гораздо жестче и грубее — тут даже было духовное звание «совести нации» (причем трех степеней).

Эта «духовная озабоченность» небольшой, но выдающейся части коллег поначалу казалась странной. Станным было в них это раздвоение сознания. В лаборатории им было присуще разумное, реалистичное отношение к вещам и людям. Всех оценивают верной мерой, знают и уважают достоинства каждого. Тот — золотые руки, к нему за помощью в эксперименте; другой — эрудит, сразу укажет нужный источник; третий — замечательное творческое воображение, кладезь идей. Прекрасный ансамбль, бригада исследователей.

И вдруг, как будто что-то щелкает в мозгу товарища, он воздевает глаза к небу и начинает рассуждать о высоких материях как совершенно другой человек (в те времена обычно рассуждали о «негодности всей системы»). Вот тут и начинается: «Иванову я руки не подам, Рабиновичу я палец в рот не положу» и т.д. И это бы не страшно — через пару дней, смотришь, сидит у Иванова на кухне со своими рассуждениями, тычет вилкой в селедку. Диву даешься — как он ухитряется видеть мир через совершенно разные призмы?

В этом, наверное, есть что-то от гениальности. Талант интеллектуального труженика сцеплен с каким-то детским аутизмом. Как будто наша интеллигенция — это огромный коллективный савант, гений и идиот одновременно. Такое редкое существо надо бы лелеять и беречь, от опасных игрушек отвлекать, к огню не подпускать. Но попробуй... Да ведь его и специально отравляли с конца 80-х годов. К тому же по-иезуитски, прикрываясь высокими идеалами, лишили этот контингент психиатрической помощи. История еще скажет свое слово об этом злом деле.

Реформа разрушила интеллигенцию как большую общность. Одни отбросили свою маску «не от мира сего», одолели свой аутизм и оказались очень прагматичными торговцами и банкирами. Это уже интеллектуалы на западный манер, «расстриги» от интеллигенции. Большинство вернулось к своим культурным корням и здравому смыслу, снова стало тем, что мы называем «трудовая интеллигенция», — тянут лямку, стараясь прокормить семью и замедлить сползание страны в дикость. Третьи переключили свою мессианскую страсть на отрицание уже «этой системы», нередко доходя до беззаветного самопожертвования (в рамках капиталистической законности).

В принципе, на данный момент можно констатировать, что русская интеллигенция временно отключила свои общесловные генераторы морали и духовности. Она распалась на рыхлые группы, каждая из которых в мировоззренческом плане бродит по своему порочному кругу. Даже странно, что кто-то в такой ситуации вообще вспомнил о проблеме «подавать ли Иванову руку, класть ли палец в рот Рабиновичу». Варфоломеевский список — как будто сон из счастливого детства.

Пока что трудно сказать, смогут ли рассыпанные клочки интеллигенции вновь собраться на общей платформе после кризиса. Этого и обо всем нашем обществе пока нельзя сказать. Пока что грани осколков не окислились настолько, чтобы говорить о полном перерождении их культурного типа. Но пути явно расходятся, и наверняка общая платформа после такого потрясения будет сильно обновлена и переделана. Ее строительство будет трудным делом.

Если говорить о том, что происходит в интеллигенции как социальной общности, то нужно ввести какие-то принципы ее структуризации — список Варфоломеева нелепым образом напомнил об этой проблеме. Главная забота — состояние именно массивной части бывшего сословия, совокупности тех, кто резко снизил накал мессианской страсти и занят обеспечением выживания «семьи и страны». Небольшие части «справа и слева» от этой совокупности и сейчас структурированы, их группы чем-то сплочены, их можно «нанести на карту». Хотя сплочены они не на профессиональной основе, это позволяет им сохранить знания и навыки коллективной мысли.

В основной же массе, как мне кажется, главной и долгосрочной проблемой является именно ее деструктурирование, гомогенизация. Если резкое снижение трудового потенциала общности промышленных рабочих РФ мы понимаем как деклассирование, то в случае интеллигенции, наоборот, утрата ею своего профессионального качества происходит вследствие «растворения» цеховых перегородок. Исчезает тонкая структурная организация, компактные профессиональные сообщества сливаются в аморфную массу, и сословие интеллигенции приобретает черты недоразвитого класса пролетариев какого-то неопределенного труда. Он не физический, но и умственным его трудно назвать. Это воротнички не синие и не белые, а грязноватого цвета.

Перед нами и вокруг нас — тяжелобольная, контуженная социальная общность, утратившая жесткую мировоззренческую основу, отошедшая от чеканных норм рационального мышления и рассуждения, смешивающая в одном умозаключении научный, религиозный и суеверный взгляд, спрятавшая где-то глубоко свои представления о добре и зле. Это наш родной социум, мы все, пишущие и читающие, к нему принадлежим, мы все таковы, как ни хорохорься. Мы или спасемся вместе, или вместе сойдем на нет, нас растащат как расходный материал.

Наверное, иначе мы и не могли бы выжить в последние полтора десятилетия, копыта новых псов-рыцарей вытапывали русский культурный слой гораздо методичнее, чем копыта монгольских коней. Но эти оправдания никому не нуж-

ны. Вопрос в том, смогут ли в нашей среде возникнуть зародыши новой кристаллизации? На государство надежды мало, наверху как будто вообще не понимают, что такое умственный труд и почему для него необходима определенная социальная организация. Еще печальнее, что и сама наша ставшая толпой интеллигенция этого, похоже, не понимает.

Вот кому следовало бы сегодня протянуть руку — не в знак уважения, а для поддержки — тем, кто пытается создать хоть небольшие островки, на которых могла бы начаться новая сборка профессиональных сообществ. С их правилами и стандартами, ритуалами и санкциями, с их строгой мерой и ориентацией на истину, с их свободой и ответственностью.

Такое возрождение интеллигенции есть пусть недостаточное, но необходимое условие для восстановления России.

. 2007 г.

УРОКИ ОКТЯБРЯ И УРОКИ ПОРАЖЕНИЯ

В эти дни 90 лет назад произошла Октябрьская революция. Она прорвалась в ту брешь, что пробила Февральская революция. Русская революция повернула мировую историю и целый век во многом определяла ее ход — и в материальном, и в духовном смысле. Она породила целую цепь революций, которые слились в мировую революцию крестьянских стран, — в Китае, Индонезии, Индии, Вьетнаме, Алжире, Мексике — по всему «незападному» миру. Зеркало русской революции — Лев Толстой, а не Маркс.

Такого масштаба революции — великие свершения народов и их культур. То, что многие в России сегодня открещиваются от русской революции или стараются принизить ее значение, — признак редкостной глупости. Да и вся антисоветская риторика последних двадцати лет — свидетельство глубокого интеллектуального регресса. Дело ведь не в том, нравятся тебе или не нравятся такие катастрофы. Если они порождены твоим народом, их надо знать и понимать, а не пытаться от них спрятаться за черным мифом. Нам сегодня тем более надо хладнокровно изучить русскую революцию, потому что она продолжается. Чем лучше мы ее поймем, тем менее тяжелые удары получим от ее дубины.

Мы учили, что в Феврале в России произошла буржуазно-демократическая революция, которая свергла монархию. Это факт, который признают и «правые», и «левые», и «патриоты». Дальше — каждый дудит в свою дудку. Правые огорчаются: хитрые большевики вдруг устроили переворот и сорвали весь прогресс — ни тебе рынка, ни демократии, какую-то Азиопу устроили. Только сегодня удалось взять реванш и обогнать «совка». Патриоты огорчаются, что вдруг, как черт из табакерки, в Октябре выскочили евреи и устано-

вили свою безбожную власть. Только сегодня, наконец, удалось достойно, с хоругвями, перезахоронить великого русского патриота эсера Каппеля. Он, убегая от проклятых столыпинских переселенцев, в Сибири провалился в лужу и умер от простуды. Но теперь этим переселенцам показали кузькину мать. Вот ликвидируют наконец-то РАО «ЕЭС», помянут они Матеру!

Все это — наивный детский реваншизм, несбыточные иллюзии. Эти наши «бывшие» — дешевое пушечное мясо нынешних акул глобализации. Их жалкий лепет этим акулам уже не нужен, и их ждет та же участь, что и восторженную интеллигенцию перестройки, — отбросят, как грязную тряпку. За ними идут бульдозеры — транснациональные корпорации и их «недостойный двойник», глобальный преступный мир с его силовыми структурами. Вот с кем придется вести долгую партизанскую войну загнанным в болото наследникам «совка» — если хотят выжить как народ. Выжить можно, это иго будет гораздо короче татарского. Наши победители — больное племя, уже пошла в нем цепочка неблагоприятных мутаций.

Но чтобы выжить, надо осознать самих себя. Тут серьезное препятствие, дудка советского официоза. Она дудит вот что: Февральская революция под руководством большевиков переросла в социалистическую пролетарскую революцию. Однако силы «старой России» собрались и летом 1918 г. при поддержке империалистов начали контрреволюционную гражданскую войну против советской власти.

Вот с этой дудкой и надо разобраться, она и помогла довести нас до 1991 года. Эта картина русской революции неверна — не в деталях, а в главном. Не могла Февральская революция «перерасти» в Октябрьскую, поскольку для Февраля и царская Россия, и советская были одинаковыми врагами. Для Февраля обе они были «империями зла», как для Рейгана с Горбачевым.

Возьмем суть. С конца XIX века Россия втягивалась в периферийный капитализм, в ней стали орудовать европейские банки, иностранцам принадлежала большая часть промыш-

ленности, нефть и уголь. Этой волне глобализации сопротивлялось монархическое государство — строило железные дороги, казенные заводы, университеты и науку, разрабатывало пятилетние планы. Оно пыталось модернизировать страну и не справилось — было повязано и сословными обязательствами, и долгами перед западными банками. Как говорили западные мыслители, попало в историческую ловушку и выбраться из нее уже не могло.

Главным врагом монархического государства была буржуазия, которая требовала западных рыночных порядков и, кстати, демократии — чтобы рабочие могли свободно вести против нее классовую борьбу, в которой заведомо проиграли бы (как это уже произошло на Западе). Крестьяне (85% населения России) к требованиям буржуазии были равнодушны, но их допекли помещики и царские власти, которые помещиков защищали. Рабочие были для крестьян «своими» — и буквально (родственниками), и по образу мыслей и жизни. В 1902 г. начались крестьянские восстания из-за земли, потом возникло «межклассовое единство низов» — и произошла революция 1905 г. Крестьяне отшатнулись от монархии и повернули к революции из-за столыпинской реформы. Только после 1905 г. большевики поняли, к чему идет дело, и подняли знамя «союза рабочих и крестьян» — ересь для марксизма. Но без его прикрытия обойтись было нельзя, на языке марксизма мыслила русская интеллигенция («мозг нации») и Запад.

А буржуазия с помощью Запада возродила масонство как межпартийный штаб своей революции (в 1915 г. главой масонов стал Керенский). Главной партией там были кадеты (либералы-западники), к ним примкнули меньшевики и эсеры. Это была «оранжевая» коалиция того времени. Большевики к ней не примкнули — и правильно сделали. Этот урок надо бы и сегодня помнить.

Итак, в России созревали две не просто разные, а и враждебные друг другу революции: 1) западническая, имевшая целью установить западную демократию и свободный рынок, 2) крестьянская, имевшая целью закрыть Россию от западной

демократии и свободного рынка, не допустить раскрестья-нивания. На Западе вторая революция потерпела поражение, а на периферии — победила или оказала влияние на ход истории.

Обе революции ждали своего момента, он наступил в начале 1917 г., когда война, на которую погнали Россию, развалила государство. Масоны завладели Госдумой, имели поддержку Антанты, а также генералов и большей части офицерства (оно к тому времени стало либеральным, монархисты-дворяне пали на полях сражений). Крестьяне и рабочие, собранные в 11-миллионную армию, два с половиной года в окопах обдумывали и обсуждали проект будущего. Они теперь были по-военному организованы и вооружены. В массе своей это было поколение, которое в 1905—1907 гг. подростками пережило карательные действия против их деревень и ненавидело царскую власть.

Февральская революция была переворотом в верхах, проведенным Госдумой и генералами. Но она стала возможной потому, что ее поддерживали и банки, скупившие хлеб и организовавшие голод в столицах, и солдаты. Порознь ни одной из этих сил не было бы достаточно. Во всех революциях требуется участие госаппарата.

Либералы-западники, пришедшие к власти, разрушили государство Российской империи сверху донизу и разогнали саму империю. Это развязало руки революции советской, грязную работу сделала буржуазия и ее прислужники, можно было строить и восстанавливать.

Уникальность революции 1917 г. в том, что сразу стали формироваться два типа государственности — буржуазно-либеральная (Временное правительство) и «самодержавно-народная» (Советы). Эти два типа власти были не просто различны по их идеологии и социальным проектам. Они находились на двух разных и расходящихся ветвях цивилизации. То есть их союз в ходе государственного строительства был невозможен. Разными были фундаментальные идеи, на которых стоят государства — прежде всего, представления о мире и человеке.

С Февральской революции, когда произошел слом старой государственности, и началась вялотекущая гражданская война. Но не с монархистами — вот что важно понять! Это была война «будущего Октября» с Февралем. В апреле 1917 г. крестьянские волнения охватили 42 из 49 губерний европейской части России. Эсеры и меньшевики, став во главе Советов, и не предполагали, что под ними поднимается неведомая теория государственности крестьянской России, для которой монархия стала обузой, а правительство кадетов — недо-разумением. «Апрельские тезисы» Ленина дали этому движению язык, простую оболочку идеологии. Стихийный процесс продолжения российской государственности от самодержавной монархии к советскому строю, минуя либерально-буржуазное государство, обрел организующую его партию (больше-виков). Поэтому рядовые монархисты (и черносотенцы) после Февраля пошли именно за большевиками. Да и половина со-става царского Генерального штаба.

Монархия капитулировала без боя. С Февраля в России началась борьба двух революционных движений. Более того, на антисоветской стороне главная роль постепенно переходила от либералов к социалистам — меньшевикам и эсерам. И те и другие были искренними марксистами и социалиста-ми, с ними были Плеханов и Засулич. В это же надо наконец-то вдуматься! Они хотели социализма для России, только со-циализма по-западному, «правильного». А у нас народ был «неправильный». Так что нынешние «сторонники Февраля» пусть не воображают, что болеют душой за «историческую Россию».

В Грузии красногвардейцы социалистического правитель-ства, возглавляемого членом ЦК РСДРП Жорданией, сразу на-чали расстреливать советские демонстрации. А лидер мень-шевиков Аксельрод требовал «организации интернациональ-ной социалистической интервенции против большевистской политики... в пользу восстановления политических завоева-ний февральско-мартовской революции».

Имело место параллельное развитие с начала XX века двух революций, стоящих на разных мировоззренческих ос-

нованиях. Меншевики-марксисты считали Октябрь событием реакционным, контрреволюцией. В этом они были верны букве марксизма, прямо исходили из указаний Маркса и Энгельса. В советское время марксизм «вульгаризировали» — всю антисоветчину из него выкинули. Для того момента правильно сделали, но перед перестройкой мы оказались беззащитными. Эсеры и объявили Советам гражданскую войну, а подполковник Каппель был их первым командиром.

Силы, пришедшие к власти в результате любой революции, если их не свергают достаточно быстро, успевают произвести перераспределение собственности, кадровые перестановки и обновление власти. Новая власть получает кредит доверия. А значит, уже вскоре контратака с ходу оказывается невозможной. Это понял Ленин и точно определил тот короткий временной промежуток, когда можно было сбросить буржуазное правительство без больших жертв. Это надо было сделать на волне самой Февральской революции, пока не сложился новый государственный порядок, пока люди находились в ситуации выбора, но уже угасли надежды на то, что Февраль ответит на чаяния подавляющего большинства — крестьян. В этом смысле Октябрьская революция стала шедевром революционной мысли.

Трагедией было то, что не удалось оторвать эсеров от кадетов и слишком силен был в них революционный дух. Гражданская война «белых» против Советов не имела целью реставрировать монархию. Это была «война Февраля с Октябрем» — столкновение двух революционных проектов.

Философским основанием Октября был общинный крестьянский коммунизм (покрытый тонкой пленкой марксизма, но сейчас не о пленке). Революцию совершили общинные крестьяне (авангардом была их молодая часть в солдатской шинели) и рабочие из крестьян, мобилизованные на заводы во время войны. Это было подавляющее большинство русского народа, высокоорганизованное (в общине, армии и трудовом коллективе завода) и на пике духовного и культурного подъема. По словам Грамши, этот тип русского человека как будто вобрал в себя духовную энергию трудящихся всего мира, на-

копленную за 300 лет. В нем был огромный потенциал, к нему тянулись трудящиеся всех народов России (да и всего мира).

Эта часть народа подобрала себе самую подходящую из имеющихся партий, назначила командиров и даже набрала отряды этнических маргиналов для выполнения грязной работы, без которой не обходятся революции. Именно в свой проект она загнала и отобранных вождей (Ленина, Троцкого, Сталина и пр.). Как сказал об этой истории Брехт, «ведомые ведут ведущих».

Таким было ядро русского народа в первой половине XX века. Судить его с либеральными критериями сытого интеллигента горбачевской формации или со шкурными критериями нынешнего «рыночника» — глупо. С этим ядром советской власти удалось вновь собрать империю, сплотить ее в новом типе межэтнического общежития, провести модернизацию села и индустриализацию, создать прекрасную школу, науку и армию. В общем, построить новаторские и высокоэффективные институциональные матрицы, которые сделали СССР сверхдержавой и обеспечили воспроизводство и приращивание здорового и образованного народа в независимой стране с высоким уровнем безопасности от главных видимых на тот момент угроз.

За первыми шагами на этом пути наблюдал Кейнс, величайший западный экономист XX века (в 20-е годы он работал в Москве). Он сказал, что в России тогда была главная лаборатория жизни, что Советская Россия, как никто, близка и к земле, и к небу. Вот в чем была сила советского строя, пока он не вырастил своих могильщиков.

Советский проект был выходом из той исторической ловушки, в которую попала Россия в начале века, — ей приходилось одновременно «догонять капитализм и убегать от него». Было несколько путей, все их перепробовала Россия: Столыпин, либералы-западники, эсеры, социал-демократы, большевики и анархисты. Каждый проект был представлен без карикатуры, в главном. Тогда вырвались мы по пути, предложенному крестьянской общиной и оформленному Лениным. Сейчас у нас диалог блокирован, и от кризиса веет безысходностью.

Одни уперлись в марксизм, другие в либерализм, третьи впали в детство и жуют миф о поручиках и корнетах.

А нам надо понять, почему проект, который начала Октябрьская революция и который обнаружил такую мощную силу, потерпел крах. Надо понять это, чтобы предвидеть будущее и вырабатывать новый проект. В чем была заложена предпосылка краха, признаки которого появились уже в середине 50-х годов и приобрели системный характер в 70-е годы? Но это уже другая тема.

Факт в том, что в новых условиях, с новым господствующим культурным типом 70—80-х годов, при новых технологиях цивилизационной войны против России советский строй не справился с задачей удержания культурной гегемонии. В этом важном отношении весь проект оказался дефектным, вырожденным. То, что интеллигенция в момент кризиса не проявила спасительной рефлексии, не смогла понять и объяснить суть болезненного состояния советского общества, а, наоборот, в большинстве своем примкнула к его губителям, есть историческая ошибка интеллигенции как профессионального интеллектуального сообщества.

Следствием этого срыва являются не только разрушение страны и массовые страдания людей в период разрухи, но и риск полного угасания русской культуры и самого народа. Ибо мы сорвались в кризис в таком состоянии, что он превратился в «ловушку». Прежняя траектория развития опорочена в глазах молодежи, и в то же время никакой из мало-мальски возможных альтернативных проектов будущего не получает легитимности у населения. Мы оказались в положении цивилизации, которая подрезала свои собственные корни, но не может сосуществовать с принципами иных цивилизаций. Таков итог антисоветского поворота конца XX века.

Но исход вовсе не предопределен. Шок от культурной травмы поражения проходит — постсоветская молодежь травмы не испытала и может мыслить рационально. Персонал массивной организованной системы — госаппарата — тоже настроен жить, а единственное место на земле, где он может заработать на жизнь, это Россия. Значит, есть контингент, обладающий необходимыми качествами и мотивами для того,

чтобы Россию спасти и вытащить из кризиса. Путем перебора альтернатив этот контингент неизбежно придет к выводу, что единственный способ осуществить это — восстановление главных систем советского строя. Какие при этом будут навешаны на него идеологические побрякушки, не так уж важно. Тут есть возможности для союзов и компромиссов.

Если молодежь России хочет выжить как этническая общность, она должна преодолеть внушенное ей отвращение к «совку» и рассмотреть все варианты будущего хладнокровно.

2007 г.

ВОССОЕДИНЕНИЕ ЧЕРЕЗ СЕТЬ

В истории больших стран и народов периоды укрепления связности и единства чередуются с кризисами, иной раз приводящими к распадам. Особенно драматично это происходит, если страна складывается как империя, включая в себя разные народы и большие территории. Обычно такие тяжелые кризисы создаются коалициями внутренних «антиимперских» сил и внешних геополитических противников страны. Такие коалиции разорвали в феврале 1917 г. Российскую империю, похожий на них альянс сумел расчленить СССР в 1991 г. Понятно, что противники единства страны всегда используют моменты ослабления ее государственности и быстро идущие в такие моменты изменения в мировоззрении людей.

Нас интересует вопрос, каковы после таких кризисов шансы у разделившихся частей вновь собраться в едином или союзном государстве? Уже 15 лет как расчленен СССР, но до сих пор у большинства наших граждан не утихает боль от этой катастрофы. Остаются родными и большая часть народов, с которыми мы долго жили вместе, и земли, которые мы чувствовали как часть нашего большого дома. Умом понимаешь, что все это не наваждение, что мы живем в иной реальности, но чувства входят в разлад с разумом.

Понятно, что у русских наибольшую горечь вызывает разделение с самыми близкими народами — украинцами и белорусами. Мы вместе начинали историю Руси как один союз родственных племен. Потом православие и культура начали стягивать нас в один большой народ. Мы долго прожили вместе в одной стране, вместе были самым сплоченным ядром советского народа и кадровым костяком больших программ. Это всем известно, и говорить об этом не надо.

Лучше взглянем на соединение наших народов в Россию, ее расчленение как СССР и перспективу воссоединения как

на техническую проблему, на систему из элементов и связей в их движении и развитии. Все чувствуют, что это воссоединение стоит в национальной повестке всех трех частей. Нынешнее состояние ненормальное, нестабильное. Неминуемо пойдет или интеграция, или дальнейший распад с новой пересборкой.

Образование чего-то целого из частей — трудный процесс, строительство нового. Древние греки говорили: «Целое больше суммы его частей», оно имеет особую силу, «душу» — энтелехию. Создание целого, наполнение его жизнью и силой всегда считались великим творческим делом.

Сравним две империи, не имевшие заморских территорий, Россию и США. Обе предложили миру разные типы жизнеустройств, обе несли мессианские идеи, очень разные. В известной речи в Сенате (1900) так говорится о США: «Бог сотворил нас господами и устроителями мира, водворяющими порядок в царстве хаоса. Он осенил нас духом прогресса, сокрушающим силы реакции по всей земле. Он сделал нас сведущими в управлении, чтобы мы могли править дикими и дряхлыми народами. Кроме нас, нет иной мощи, способной удерживать мир от возвращения во тьму варварства. Из всех рас Он сделал Американский народ Своим избранным народом, поручив нам руководить обновлением мира. Такова божественная миссия Америки».

Россия изначально собиралась иначе, чем США. Там пошли по пути этнической чистки территории, а потом ассимиляции — «переваривания» иммигрантов в этническом тигле и сплавления их в нацию по шаблону протестантов-ангლოსаксов. В конце XIX века работник службы социального обеспечения в отчете о положении семьи выходцев из Италии написал: «Пока не американизировались. Все еще готовят на итальянский манер». Не все в США удалось, но в целом возникла более или менее однородная нация (сейчас, правда, возникли проблемы — негры и испаноязычные не сплывались и теперь взламывают весь этнический тигель).

Собирание России, напротив, было интеграцией — каждая новая часть включалась в целое, не теряя своей особенности и самобытности. Каждый народ, входя в Россию, прида-

вал этому целому какое-то свое качество. Система получилась гораздо сложнее, но разнообразие — великая ценность и порождает свойства, незаменимые в трудные моменты. Русские проявили замечательную уживчивость с другими и умение привлечь их к общему делу. Потому-то они и освоили огромные просторы Евразии, а Россия стала большой цивилизацией, по своей сложности и потенциалу сравнимой с Западом.

Для нас важно, что интеграция не достигается просто путем обмена — ты мне, я тебе. Между продавцом и покупателем на рынке, конечно, возникает взаимодействие, но это связи слишком временные и слабые, рынок не соединяет части в целое. Интеграция — это всегда создание какого-то «общего котла», в который каждая часть вносит свою лепту. Например, в отличие от рынка в семье каждый ее участник делает свой вклад, и все они соединяются, а не обмениваются. Это соединение и создает то целое, которое «больше суммы частей». Очень часто вклады участников несоизмеримы между собой, они качественно так различны, что выразить их в единообразной форме, например денежной, трудно или невозможно.

Когда во время перестройки производили расчленение СССР, то напирали на экономическую выгоду или невыгоду. Это был подлог, и только тотальное господство клики Горбачева в СМИ не позволило вовремя его разоблачить. При разделении целостной системы на части устраняется тот «кооперативный эффект», который и придает главную ценность большой системе. Этот кооперативный эффект может достигать огромной величины, придавая системе чудесную, внешне необъяснимую силу. Потеряв целостность страны, мы утратили такие огромные выгоды (энтелехию), которые никакими деньгами не оценить. Так же заинтересованные силы отводят нас от интеграции России, Украины и Белоруссии, напирая на то, что невыгодно продавать газ по заниженной цене, надо перейти на исключительно рыночный обмен.

С древности известен принцип: «Разделяй и властвуй!» Это значит, что в любом противостоянии (войне любого типа) важнейшие боевые операции имеют целью нарушение системной целостности противника. В этом деле главную роль играют не громилы, а вдумчивые аналитики. Для них найти «сла-

бое место» у противника — значит нащупать в его системе тот узел связей, который необходим для целостности. Ткнул в это место шилом — и чудесной силы как не бывало. Не оценить в деньгах потери России от того, что значительную часть украинцев сумели настроить против русских. Это была вражеская операция высшего класса.

Война, хоть и холодная, — это дезинтеграция противника во всех измерениях. Первым делом воздействуют на связи, а не на внутренне сплоченные элементы систем. Так на фронте слабые места — стыки и фланги, то есть участки, где части связаны друг с другом. Стараются прежде всего ослабить или разорвать связи, играющие критическую роль, а дальше возникший кризис рвет и калечит остальные связи сам. Мы пережили дезинтеграцию СССР и наблюдаем вялотекущую дезинтеграцию РФ. Процесс у нас перед глазами, можем учиться. Без этого знания не воссоединить земли и народы.

Пройдя мысленно по перечню разорванных связей, мы и увидим программу дезинтеграции. Это полезно сделать, чтобы договориться о том, какие связи надо защищать, укреплять, восстанавливать, какие надо строить заново и по-другому, какие в новой реальности никуда не годятся, так что остатки их надо обрезать и зачистить. Опыт разрушения систем дает колоссальное знание, и раз уж над нами такой жестокий эксперимент история поставила, надо из него выжать максимум информации.

Разрушение каждого пучка связей — особая программа и особая тема. Здесь просто назовем некоторые из них. Важнейший пучок связей создает государство — едиными законами, общим языком и идеологией, своими символами, множеством систем, соединяющих людей и территории (например, армией и школой). Подорвать единую государственную надстройку, какой был союзный центр в СССР, подточить те связи, которыми она стягивает страну и народ, — вот первый этап в расчленении. Надо его вспомнить и обдумать.

Союз — географическая целостность. Для ее поддержания нужны большие системы — транспорта, связи, энергосетей, охраны границ и пр. Многие из этих общих систем тоже удалось расчлениить, а части их стараются изменить так, чтобы

они потеряли тягу к сращиванию. Например, отказ от общей технической политики или ликвидация отечественного авиастроения сразу облегчает растаскивание больших систем западными конкурентами.

Союз связывается общим языком, общей школой и общим культурным ядром. По всем этим сущностям бьют силы, работающие на разделение, все их пытаются защитить объединительные силы. Баланс этих сил в наших трех странах различен и неустойчив — перевес берут то одни, то другие. В целом пока что идет медленное расхождение почти единого ранее цивилизационного облика. В этом нет ничего естественного или мистического. Это нормальная работа геополитиков и системотехников. Если мы будем апатично наблюдать за их манипуляциями, то свою работу они доведут до конца. Сами собой разорванные связи не срастутся. Тут нужны знания, воля и действие.

До сих пор многие у нас еще лелеют надежду, что воссоединение РФ, Украины и Белоруссии — хотя бы в форме общего экономического и культурного пространства — возможно просто через восстановление части прежних связей. Такую надежду нам как будто дает недавний исторический опыт.

Действительно, расчленение Российской империи после Февральской революции 1917 г. было краткосрочным. В ходе Гражданской войны она была опять собрана почти на той же территории (не считая Польши и Финляндии, которые входили в империю условно). Такое быстрое воссоединение расчлененных частей страны можно назвать реинтеграцией. Частично срослись по линиям разрыва — разделенные поверхности еще не «оокислились».

Конечно, новое собрание России в образе СССР происходило с обновлением многих систем, при наличии принятого большинством населения общего проекта. Опыт нейтрализации национализма этнических элит и очень быстрой сборки страны в виде СССР считается блестящим достижением советского государственного строительства. В 90-е годы и сегодня эти самые этнические элиты очень старались и стараются этот опыт опорочить, и это понятно — их цель в том, чтобы подавить постсоветские интеграционные проекты, особенно в России, Белоруссии и на Украине.

В какой же мере возможно сращивание разорванных связей сегодня? В начале 90-х годов многие надеялись, что так и произойдет. Но это не удалось. Силы разделения внутри и за рубежами были намного мощнее. Судя по многим признакам, время, когда было возможно такое воссоединение, истекло. Уже нельзя «зачистить контакты», соединить те же провода — и машина заработала бы. Нужна новая программа, новое строительство целого, создание новых стыковочных узлов, производство материала для связей нового типа, новый язык, новые формы и символы единства. Значит, нужен и новый уровень разнообразия интеграционных связей.

Более того, даже то направление интеграции, в котором мы как будто дальше всего продвинулись, — с Белоруссией — уже возможно лишь как строительство нового Союза, а не как воссоединение двух союзных республик. Ведь для нас Белоруссия сейчас ценна не просто как кусок земли, населенный братским народом. Это — важнейший плацдарм в нашем контрнаступлении на кризис.

Белорусы выработали оригинальный национальный проект, сплотились вокруг него и почти вылезли из кризиса, внеся множество важных творческих изменений в структуры советского типа. Повторить этот проект в РФ сейчас невозможно — Дерипаски и Абрамовичи оседлали экономику и держат в своих руках многие другие рычаги. Было бы опасно позволить им запустить руку в белорусские структуры. Ведь в недалеком будущем эти сохраненные и обновленные в Белоруссии структуры будут нам необходимы, от других мы такой помощи не получим.

Взять хотя бы машиностроение — нам придется готовить целиком новое поколение квалифицированных рабочих и инженеров, и на постсоветском пространстве только Белоруссия сохранила широкий спектр больших современных предприятий, на которых сможет пройти практику массовый контингент наших кадров. А значит, нельзя допускать простой реинтеграции Белоруссии и РФ, потому что тогда наши олигархи эти заводы, сохраненные белорусами, приватизируют, затопчут и задушат. Нужно строительство новых интеграционных связей, гарантирующих сохранение плацдарма, его защиту от объятий российских олигархов.

Быстрая интеграция России с Украиной тоже, на мой взгляд, чревата рисками. На Украине идет быстрый процесс этногенеза — изменения многих черт украинского народа, можно сказать, его «пересборки». Это процесс плохо изученный, в чем-то даже интимный. У значительной части украинцев его сумели загнать в антирусское русло. Это уже не первый такой проект в истории, опыт есть. Если проявить терпение и добрую волю, то почти наверняка этот всплеск антироссийских настроений сникнет, внушенная людям страсть иссякнет, люди более спокойно обдумают свои долгосрочные и фундаментальные интересы. А если в момент общего возбуждения лезть к людям, навязываться, спорить с ними или даже ругаться, то смута затянется надолго. Надо делать все то, что полезно для сближения наших народов, и не делать того, что вредно. А желающих навредить немало — и там, и у нас (достаточно посмотреть телевидение).

Иными словами, снова плести всю ткань связей между народами, даже братскими, — дело, требующее воли, мудрости и терпения. Чем больше людей будет считать себя такими «ткачами», тем лучше пойдет дело — внизу терпения и мудрости побольше, чем у сильных мира сего. Есть дела, абсолютно необходимые для сближения и в то же время доступные для нашей молодежи. Это, прежде всего, срочное восстановление общего информационного пространства, связанного «неустраняемыми» каналами, то есть гибкой многообразной сетью. Такие возможности сегодня предоставляет Интернет. Сумеем создать сотню хороших совместных сайтов с форумами — и пойдет диалог с молодой украинской интеллигенцией и студентами, в том числе с националистами. Диалог — на пользу сближению, «оукливание» — во вред.

Явно нужен многосторонний разговор и о тех новых формах интеграции, которые вызревают в последнее десятилетие. Очевидно, что сам тип национального государства быстро меняется, у него появляются новые «стыковочные узлы» для взаимодействия поверх национальных границ. Зачем же нам пытаться воспроизвести старые формы в совершенно новых условиях. Эти попытки наталкиваются на сопротивление, недоверие, требуют больших средств. Ну какой смысл предла-

гать Белоруссии «стать частью России»! Лучше выявить и избрести весь перечень возможных форм интеграции и выбирать из него способы, лучшие для каждого конкретного случая. Разнообразие придает устойчивость.

В этом деле у нас сейчас положение в чем-то даже лучше, чем в устоявшемся СССР. Тогда было трудно менять привычные формы, а жесткая политическая система тяготела к единообразию структур и процедур. Это дешевле и проще, но конструкция становится хрупкой. Сейчас мы имеем большое пространство для творчества и можем запускать «молекулярные» процессы, минуя иерархические каналы.

Надо только понять, что эту работу никто за нас не сделает и мы, большинство, заинтересованы в ней гораздо больше, чем депутаты и министры. Надо создавать небольшие ячейки разного типа и сплетать их в сеть — совместно с друзьями из Белоруссии, с Украины и вообще отовсюду.

2007 г.

УЛИЦА, УЛИЦА, ТЫ, БРАТ, ПЬЯНА...

С весны 2005 г., после «оранжевой» революции на Украине, на политической сцене РФ стал разыгрываться новый сценарий. В символических уличных демонстрациях против власти стали смыкаться праволиберальные и леворадикальные группы. Вот репортаж о демонстрации в Петербурге (2005 г.): «Объединились те, кого доселе считали несоединимыми. Вместе, под ярким многоцветьем флагов, шли молодые люди из «Яблока» и НБП, анархисты и коммунисты, предприниматели и пенсионеры».

Это явление наблюдается и на собраниях «Другой России», и в «Маршах несогласных». Поскольку либералы-западники за 90-е годы совершенно утратили авторитет в массе населения, от участия левых в этом альянсе многое зависит — именно они несут лозунги тех протестов, которые обеспечивают демонстрациям хотя бы минимальное сочувствие улицы. Ситуация здесь изменчива, однако важна не только выработанная на закрытых совещаниях и переговорах конъюнктурная позиция, но и само видение проблемы у лидеров и участников разных движений, их логика в обсуждении той угрозы для государственности РФ, которую создают «оранжевые».

Если позиция либеральных политиков в борьбе с «режимом Путина» ясна и логична, то намерения левых и националистических организаций — продукт постмодерна, вне логики и программ. Вот, на левом интернет-сайте pravda.info выложена статья о том, что «на этапе революционной борьбы, когда будут решаться общедемократические задачи, российские левые должны консолидироваться со всеми оппозиционными силами, в том числе и с экс-премьером Михаилом Касьяновым».

Этап какой революционной борьбы мы переживаем? Какова программа Касьянова? Каковы основания для того, что-

бы левым заключать с ним не просто союз, но даже «консолидироваться»? Основания смехотворные: «Его аппарат состоял из профессионалов с преимущественно левыми взглядами... Здесь достаточно упомянуть главного экономического советника Касьянова, знаменитого Михаила Делягина».

Вот радикальные левые — национал-большевики. «Оранжевая» доктрина не вяжется ни с одним словом их самоназвания, но нацболы в восторге от революции. В заявлении НБП говорилось: «Мы приветствуем неожиданный, но исключительно взрывчатый союз украинских демократов и либералов с националистами. Так держать, товарищи! Против мрачных мертвецов Кучмы и Януковича. Мы приветствуем под оранжевым знаменем начавшуюся украинскую революцию живых против мертвых. Ваш пример вдохновляет нас».

Нацболов хвалили те, кто должен быть их заклятыми врагами. «Никого значительнее нацболов сейчас я не вижу, хотя во многом и не разделяю их идеологии. Но сегодня они являются наиболее опасной, а следовательно, с моей точки зрения, полезной в противостоянии существующему режиму силой», — заявил Б. Березовский.

Делегация молодежного «Яблока» выезжала на Украину и участвовала в акциях на Майдане, потом и в РФ стала ядром «оранжевых». Этих молодых либералов, в гроб сходя, благословил А.Н. Яковлев. В одном из последних интервью «Независимой газете» он сказал: «Я знаю молодежную организацию «Яблока» — мне многие ребята там нравятся. Это люди с состоявшимися демократическими взглядами, желающие что-то понять». Вот высшая похвала архитектора перестройки — «желают что-то понять». Это у него называется «состоявшиеся демократические взгляды».

Чем всегда брала левая мысль и почему она считалась и в России, и на Западе необходимой частью общественной мысли в целом? Она брала тем, что умела выделить главное противоречие эпохи, без карикатуры, изложить интересы сторон и дать верную карту расстановки сил. При этом, как правило, левая мысль была на стороне обездоленного и угнетенного большинства, но ее анализ становился национальным или мировым достоянием. Что же сегодня? Куда все это пропало? Левые

ругают Чубайса, возмущаются отменой льгот пенсионерам, но за этими деревьями не видно леса главных противоречий.

Не видно даже тех угроз для России и ее народа, которые уже созрели и вот-вот начнут взрываться. Понятно, почему молчит власть, неспособная эти угрозы отвести. Понятно, почему молчат Чубайс и Каспаров, которые эти угрозы реализуют. Но как понимать молчание левых? Первая причина, что приходит на ум, — кризис левой методологии. Не видят противоречий, не могут назвать их движущие силы.

Даже идеологи КПРФ, в большей степени сохранившие унаследованную от советского времени дисциплину рассуждений, повергнуты «оранжевым» спектаклем в смущение. Руководители близкого к партии Центра исследований политической культуры России С. Васильцов и его заместитель С. Обухов пишут: «Коммунисты ни в коем случае не должны уходить с улиц. В любом городе и селе есть масса «больных» проблем, коммунисты призваны стать во главе их решения... Любое массовое движение всегда действует по своей собственной, вполне определенной, логике. Партии необходим особый, соответствующий моменту, язык: емкий, краткий, образный и близкий для человека улицы».

Что же, от категорий классовой борьбы КПРФ отходит и предлагает нового социального субъекта — человека улицы? Это прямо-таки скачок в царство свободы. На каком же языке будут с ним говорить коммунисты XXI века? Что это за особый язык: «емкий, краткий, образный и близкий для человека улицы». Судя по всему, это язык матерный (как выражались герои Лескова, «материальный»). Таков теперь исторический материализм.

По мнению аналитиков КПРФ, любое массовое движение всегда действует по своей собственной логике. Зачем же тогда коммунистам оставаться на улице? Чтобы перенять логику «человека улицы»? Похоже, что с такой логикой КПРФ не сможет определить свою позицию в момент «оранжевой» революции — как не смогла ее определить для себя компартия Украины.

Примечательно противоречивое рассуждение одного из руководителей КПРФ А. Фролова: «Сегодня в широком ходу версия о том, что акции протеста левопатриотической оппо-

зиции льют воду на мельницу импортируемой с Запада «оранжевой революции», цель которой — окончательно разрушить Россию. И хотя я полагаю, что запущена эта версия не без стараний путинских пропагандистских служб, тем не менее отвергать ее с порога никак нельзя... Что же показывает практика? Мощный митинг КПРФ прошел в Уфе отдельно от акции «оранжевых». С его трибуны было четко сказано: «Мы все очевидцы того, что происходило под «оранжевыми» знаменами в Грузии и на Украине, кто финансировал «оранжевых» и кто сейчас в правительстве этих стран. Это ставленники Америки. Мы родились и присягали Красному знамени и верны будем ему до конца жизни. КПРФ не входила ни в какой блок «оранжевых» и «голубых». Коммунисты всегда были верны своему народу и своей Родине и всегда в бой шли первыми». Затем протестанты двинулись к Дому республики, где соединились с участниками «оранжевого митинга» и приняли участие в пикетировании».

Так что же показала практика? Митинг КПРФ разоблачает «оранжевых» как ставленников Америки. Заявляется, что «коммунисты всегда в бой шли первыми». Казалось бы, они должны были пойти в бой именно против ставленников Америки, против «оранжевых». Нет, они «соединились с участниками оранжевого митинга и приняли участие в пикетировании». Тут есть признаки поражения логики.

Фролов считает, что надо «врозь идти, вместе бить». С кем врозь, кого бить? Вопрос простой: если власти («путинскому клану») будут угрожать «американские ставленники», то в чем классовый интерес российских рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции? В том, чтобы «вместе со ставленниками» покрепче ударить власть? Или «вместе с властью» покрепче ударить «оранжевых ставленников»? Ответа нет, хотя, похоже, партийные массы предпочли бы сначала побить «ставленников».

Один из левых идеологов «новой волны» пишет: «В условиях, когда главной политической угрозой стала прямая фашистская диктатура, началось сближение всех противников фашистского режима из обоих антагонистических лагерей — коммунистического и «демократического»... На наших глазах формируется единый фронт противников фашистской административной вертикали от «комитета 2008» и сторонников Хакамады до анпиловцев и лимоновцев включительно».

Итак, главной политической угрозой он считает фашистскую диктатуру. Казалось бы, «оранжевая» революция, свергающая эту «диктатуру», должна рассматриваться как благо, устраняющее главную угрозу. Но вот вывод: «[Образование единого антифашистского фронта] несет в себе огромные риски и угрозы, как для Компартии, так и для России в целом. Фактически в России начал реализовываться «оранжевый» сценарий, уже обкатанный и отрепетированный на Украине... Не слишком ли велика цена за временный и неустойчивый альянс с заведомо классово и социально враждебной силой?»

Как это понять? Ведь «оранжевый» сценарий, хотя и несет риски и угрозы, все же есть угроза низшего уровня по сравнению с главной. Нельзя же в условиях войны с фашистской диктатурой отовсюду получать одни удовольствия. Классовый анализ, даже одобренный ругательствами, ведет к нарушению логики. Какая, к черту, фашистская диктатура? Совсем забыли азы истории — или лавры Швыдкого с его пугалом «русского фашизма» уязвили самолюбие?

В целом мышление наших «левых» пока что ограничено рамками истмата. Самые ортодоксальные марксисты благосклонно отнеслись к «оранжевой» революции, видя в ней подъем политической активности трудящихся. По мнению А. Бузгалина, «Майдан стал не просто массовой общедемократической акцией гражданского неповиновения. Он стал прообразом мирной народно-демократической (антиолигархической) революции, столь необходимой народам Украины». Какая близорукость! Майдан был инструментом для достижения цели, не имеющей ничего общего с «народно-демократической революцией». Чтобы не увидеть этого, надо было иметь на глазах не фильтр, а шоры.

О правых не говорим, это разумные враги России, к тому же подключенные к интеллекту Запада. Беда в том, что левые не нашли языка, на котором можно верно описать главные угрозы нашему бытию, порождаемые нынешним кризисом. Марксистские понятия скользят мимо, не выражают той беды, которую интуитивно чувствуют люди. Тот альянс, который в 1991 г. добился ликвидации СССР, начал новую операцию в бывших советских республиках. Одна из целей — пресечь попытки к

восстановлению хозяйственных и культурных связей. На наших глазах проведена замена властных группировок в Грузии и на Украине. И это была не косметическая замена, а радикальный поворот с усилением антироссийских установок новой власти. Недаром эти акции получили название «революций». Никакого отношения к классовой борьбе они не имеют, никаких социальных противоречий не разрешают, но ведь и противоречия, и борьба бывают не только классовыми.

И в среде левых идет расщепление — возникли левые «постмодерна», вечная оппозиция, не просто культурно чуждая, но даже враждебная левизне труженика, его социальным требованиям справедливости, законности, благополучия для всей страны. Это наследники не Октября 1917 г., а парижского «Красного мая» 1968 г. и перестройки. Им противна Россия — «тысячелетняя раба».

Да, к ним тянется часть молодежи, как она тянулась и к Горбачеву, а потом к Ельцину. Корень этого — в мировом кризисе индустриальной цивилизации, которая оставляет обездоленными и духовно измученными большую часть городских жителей. Запад сдобривает их участь разного рода жвачками, а в России на это нет денег и знаний. С конца 80-х годов эта часть обездоленных была мобилизована для бунта против советского строя. Сегодня следующее поколение — для бунта против режима Путина. Это — наша социальная драма, глубокое недовольство молодежи «канализируют» на ложный образ врага, и ее бунтарство не чревато ни социальной революцией, ни демократизацией, ни духовным обновлением.

Как же нам разобраться в этой ситуации, не наплодить новых врагов? Россия сейчас — арена противоборствующих сил, она подвижна, в ней мало порядка и много хаоса. И пока эти силы не обретут четкую мировоззренческую структуру, надо отказаться от определения главных сил как правых и левых. Лучше поставить вопрос так: какова «карта» расколотов России, как меняется расстановка сил и их «окраска»?

Понятия «правые» и «левые» привнесены к нам давно и издалека, смысл их уже на наших глазах не раз сменился. Исторически левые — те, кто подрывает порядок и сеет хаос. Правые — партия порядка. Когда левые за социальную спра-

ведливость, а когда за свободу наживы — зависит от того порядка, который они ломают. Если на дворе капитализм, они за трудящихся, если советский строй — они за буржуа. Люди запутались, коммунисты даже говорят, что они левые, но дело их правое.

Зачем же нам сейчас рассуждать в понятиях «правые-левые»? Больше пользы от «карты», полюса которой — фундаментальные ценности. Огрубляя, можно сказать, что население России разделилось на две части (не говорим о тех, кого реформа сбросила в бедствие и на время парализовала их гражданское чувство). Цель одних — переделать Россию в зону «нового порядка», пусть на задворках Запада, с потерей своей культуры и даже большинства населения, не способного перенести такую реформу. Цель вторых — отвести от России эту угрозу, а затем договориться о приемлемом жизнеустройстве.

Внутри этой второй части общества есть шанс компромисса, но с первой частью — нет. Можно назвать первую силу антинациональной, ибо ее цель — сменить саму матрицу, на которой воспроизводится народ России. Вторая сила старается уберечь культурно-исторический тип народа. Это в интересах большинства — и русских, и других народов России. В составе обеих этих сил есть и правые, и левые. Антикоммунист Каспаров обнимается с «большевиком» Лимоновым, Зюганов цитирует антисоветчика Ильина. Союзы это непрочные, но таковы свойства хаоса.

Понятно, что исход этой холодной гражданской войны решает не численность «живой силы», а вся система боевых средств. «Вестернизаторы» оснащены лучше, за ними — деньги, СМИ, поддержка «мирового сообщества». Их утопия ясна, миф Запада добротен, шкурные мотивы эффективны. Но главный ресурс антинациональных сил — внутренняя слабость «национального» лагеря. Набирает силу противоречие между двумя течениями национализма — гражданским и этническим. Первое стремится вернуть Россию на имперский путь, вновь собрать «семью народов» вокруг русского ядра, второе — снизить статус России до национального государства европейского типа. Расхождения принципиальны.

Сегодня равновесие неустойчиво. «Оранжевые» принимаются плохо, наверное, готовят другой сценарий, но сильных идей пока не видно. В перспективе, думаю, шансы «оранжевых» будут уменьшаться. Сходит с арены восторженная антисоветская интеллигенция, а «дети страшных лет России» за «оранжевыми» не пойдут, достаточно их повидали.

Национальные силы понемногу укрепляются. Чем быстрее и добротнее будет построена платформа, на которой они смогут договориться, тем меньше будет риск «оранжевых» проектов по каким-то новым сценариям. Тем больше шансов так укрепить нынешнюю политическую систему, что сидящая на двух стульях правящая верхушка будет без катастрофы перетянута на «нашу» сторону. Тогда не понадобятся ни «оранжевая», ни «антиоранжевая» революции.

Но о платформе левых национальных сил надо говорить особо. Проблема стыковки социального и национального требует новых подходов.

2007 г.

ОБРАЗ БУДУЩЕГО — ПУНКТ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОВЕСТКЕ ДНЯ

Проблема будущего России — тяжелая и неизбежная и для власти, и для оппозиции, и для всего населения. Политологи власти даже предложили обсудить такую тему: «образ будущего как национальный ресурс».

Сказать «будущее как ресурс» — почти все равно, что сказать «сознание как ресурс». Это бессодержательно, ибо вне сознания нет человека. Проблема возникает, когда каким-то образом блокируются некоторые функции и инструменты сознания, так что в каком-то частном и конкретном смысле сознание перестает для нас быть ресурсом. Тогда мы и начинаем копать в функциях и инструментах, искать и устранять повреждение. Это именно наш случай.

Способность предвидеть будущее, то есть строить его образ в сознании (воображение), — свойство разумного человека. Прежде чем сделать шаг, человек представляет себе его последствия, строит в сознании образ будущего — в данном случае ближайшего. Если этот шаг порождает цепную реакцию последствий (как переход через Рубикон), временной диапазон предвидения увеличивается. Если человек мыслит о времени в категориях смены формаций и Страшного суда как вселенской пролетарской революции, то его диапазон предвидения отдаляется до горизонта истории — той линии, где кончается этот мир (мир предыстории). Во всех случаях производится одна и та же мыслительная операция — создание образа будущего. Инструменты для нее вырабатываются, начиная со скачкообразного возникновения человека.

Первые коллективные представления — о мире. Они вырабатывались в сфере религиозного (поначалу мифологического) сознания. По данным антропологов, создаваемые таким

сознанием образы мира (в том числе в движении) носили системный характер и в этом отношении мало уступали науке.

Сфера религиозного и мифологического сознания и при-
сущий ей инструментарий действуют и поныне, хотя и в раз-
ных формах (в том числе маскируясь под науку — такова мода
Нового времени). С самого начала одна из главных функций
шамана или жреца заключалась в том, чтобы говорить с духа-
ми или богами и получать от них сведения о будущем.

Для сознания необходим поток сообщений особого
типа — Откровения. Выполнение социальной функции добы-
вать и передавать эти сообщения оформилось очень рано и
приобрело изощренные формы. Так, сивиллы, действующие
под коллективными псевдонимами прорицательницы, были
важным институтом Малой Азии, Египта и античного мира в
течение 12 веков. Они оставили целую литературу — *oracular
sibillina*, 15 книг, из которых сохранились 12. На бытовом
уровне важной фигурой стали гадалки и ясновидящие. «От-
кровение» тайн будущего (апокалиптика) — изначально и по-
ныне столь важная часть общественной жизни, что, по выра-
жению немецкого философа, «апокалиптическая схема висит
над историей».

Для нашей темы актуальна издавна сложившаяся класси-
фикация типов и оснований предвидения будущего. Эти сис-
темы сосуществуют, а периодически теснят друг друга. Так, в
истории была эпоха пророков. Их деятельность закладыва-
ла основы мировых религий как систем. Пророки — выдаю-
щиеся личности, гармонично сочетавшие в себе религиозное,
художественное и рациональное сознание. Кооперативный
эффект взаимодействия всех трех типов сознания придавал
предсказаниям пророков убедительность и очарование.

Пророки, отталкиваясь от злободневной реальности, за-
давали траекторию ее движения в очень отдаленное будущее,
объясняли «тайны Царствия Божия» и судьбы народов и че-
ловечества. Воспринятые народом как личности, Слышащие
глас Божий и избранные Богом для сообщения его Открове-
ния, пророки приобретали такой авторитет, что их прорица-
ния задавали матрицу для строительства культуры, политиче-

ских систем, социальных и нравственных норм. В их лице соединялись духовные и общественные деятели, выполнявшие ключевую роль в «нациестроительстве».

Пророчество как система построения образа будущего, с его очевидной значимостью как ресурса, нисколько не утратило своего значения и в наши дни. В переломные периоды это проявляется наглядно, достаточно вспомнить роль Маркса, который, судя по структуре своего учения, был прежде всего пророком. Пророками были и Махатма Ганди, и Гитлер.

Эпохи пророков можно, в качестве аналогии, уподобить периодам научных революций, приводящих к смене парадигм. В период стабильности, а тем более упадка, предвидение будущего организуется подобно «нормальной науке». С.Н. Булгаков дал обзор этого перехода на примере иудейской апокалиптики («Апокалиптика и социализм», 1910). В отличие от пророков эта деятельность напоминает работу безымянных научных коллективов. Их тексты более систематичны и упорядочены. Они не претендуют на то, чтобы сообщать Откровение самого Бога, а дают трактовку прежних пророчеств.

Уже в иудейской апокалиптике возникают формы абстрактного, обезличенного и не привязанного к конкретно-исторической обстановке знания. Его можно уподобить теоретическому знанию «объективных законов исторического развития». Эти тексты были востребованы, поскольку служили людям средством ободрения, особенно в обстоятельствах кризиса. Прогнозы апокалиптиков включали в себя множество сведений из самых разных областей, что придавало им энциклопедический характер. Апокалиптическая литература такого рода — необходимый ресурс революций, войн, катастрофических реформ. И учение Маркса, и доктрина реформ 90-х годов в России — замечательная иллюстрация канонов апокалиптики такого рода.

В любом случае предвидение опирается на анализ предыдущих состояний, для чего необходим навык рефлексии — «обращения назад». В «откровении» будущего соединяются философия истории с идеей прогресса. Это хорошо видно на материале знакомого старшему поколению исторического материализма Маркса.

Казалось бы, сама постановка задачи такого предвидения является ложной: из многообразия исторической реальности берется ничтожная часть сигналов, строится абстрактная модель, в которую закладываются эти предельно обедненные сведения, — и на этом основании предсказывается образ будущей реальности. Здесь нет непосредственной возможности услышать глас Божий. Источник истины здесь принимает форму Призрака, который не может отвечать на вопросы, он лишь помогает их ставить. Так для Маркса был важен образ Отца Гамлета — как методологический инструмент. Образом Призрака Коммунизма, бродящего по Европе, он начинает свой «Манифест». Но истину надо добывать наукой — следя и за Призраком, и за людьми.

Почему же эти «откровения», стоящие на столь зыбком фундаменте, так востребованы во все времена? Потому, что они задают путь, который, как верят люди, приведет их к светлому будущему. И вера эта становится духовным и политическим ресурсом — люди прилагают усилия и даже несут большие жертвы, чтобы удержаться на указанном пути.

Поэтому прогнозы и имеют повышенный шанс сбыться, хотя реальность с изменчивостью условий и многообразием интересов множества людей, казалось бы, должна разрушить слабые стены указанного прорицателем коридора. Макс Вебер писал: «Интересы (материальные и идеальные), а не идеи непосредственно определяют действия человека. Однако картины мира, которые создаются «идеями», очень часто, словно стрелки, определяют пути, по которым динамика интересов движет действия дальше».

Чтобы «откровение» стало движущей силой (ресурсом), оно всегда должно включать в образ будущего свет надежды. Светлое будущее возможно! Пророчеству, собирающему людей (в народ, в партию, в класс или государство), всегда присущ хилиазм — идея тысячелетнего царства добра. Он может быть религиозным, философским, национальным, социальным. Это идея прогресса, выраженная в символической форме. Во время перестройки академик С.Шаталин иронизировал над хилиазмом русской революции с ее поиском града Ките-

жа и крестьянским коммунизмом — и как будто не замечал, что сам проповедует поразительно приземленный хилиазм «царства рынка».

Мобилизующая сила хилиазма колоссальна. Пример — фанатизация немцев «светлым будущим» Третьего рейха, который вынесет эксплуатацию за пределы Германии, превратив славян во «внешний пролетариат». Более ста лет умами владел хилиазм Маркса с его «прыжком из царства необходимости в царство свободы» после победы мессии-пролетариата. По словам С. Булгакова, хилиазм «есть живой нерв истории, — историческое творчество, размах, энтузиазм связаны с этим хилиастическим чувством... Практически хилиастическая теория прогресса для многих играет роль имманентной религии, особенно в наше время с его пантеистическим уклоном».

Позже Антонио Грамши высказал в «Тюремных тетрадах» такую мысль о роли исторического материализма с его фатализмом для консолидации трудящихся: «Можно наблюдать, как детерминистский, фаталистический механистический элемент становится непосредственно идеологическим «ароматом» философии, практически своего рода религией и возбуждающим средством (но наподобие наркотиков), ставшими необходимыми и исторически оправданными «подчиненным» характером определенных общественных слоев. Когда отсутствует инициатива в борьбе, а сама борьба поэтому отождествляется с рядом поражений, механический детерминизм становится огромной силой нравственного сопротивления, сплоченности, терпеливой и упорной настойчивости. «Сейчас я потерпел поражение, но сила обстоятельств в перспективе работает на меня и т.д.» Реальная воля становится актом веры в некую рациональность истории, эмпирической и примитивной формой страстной целеустремленности, представляющей заменителем предопределения, провидения и т.п. в конфессиональных религиях».

Грамши подчеркивает созидательную силу марксистского догматизма именно как ресурса: «То, что механистическая концепция являлась своеобразной религией подчиненных, явствует из анализа развития христианской религии, которая

в известный исторический период и в определенных исторических условиях была и продолжает оставаться «необходимостью», необходимой разновидностью воли народных масс, определенной формой рациональности мира и жизни и дала главные кадры для реальной практической деятельности». Здесь мы не будем подробно останавливаться на его столь же важной мысли о том, что после победы «подчиненных» хилиазм становится фактором, разрушающим волю народных масс (как это мы и наблюдали в послевоенном СССР).

Для нас сегодня актуально изучение апокалиптики русской революции, замечательно выраженной в поэтической форме стихов, песен и романсов Серебряного века и 20-х годов. Корнями она уходит в иное мировоззрение, нежели иудейская апокалиптика (и производная от нее апокалиптика Маркса). В ней приглушен мотив разрушения «мира зла» для строительства Царства добра на голом месте. Скорее, речь идет о нахождении утраченного на время града Китежа, об очищении добра от наслоений зла, произведенного «детьми Каина». Таковы общинный и анархический хилиазм Бакунина и народников, социальные и евразийские «откровения» Блока, крестьянские образы будущего земного рая у Есенина и Клюева, поэтический образ Маяковского: «Через четыре года здесь будет город-сад».

Стоит заметить, что этой русской апокалиптике с удивительной, религиозной страстью противостоит прогрессизм и классического марксизма, и либерализма. Перед нами — очень поучительная война альтернативных «образов будущего». К ней надо подходить с хладнокровным знанием, тут еще предстоят тяжелые бои.

Здесь, кстати, поучительны резкое неприятие Н.И. Бухариным поэтических образов будущего у Блока и Есенина. Бухарин верно определяет несовместимость с антропологией марксизма прозрения Блока: «с великой болью Блок угадывал по вечерним кровавым закатам и грозовой атмосфере грядущую катастрофу и надеялся, что революционная купель, быть может, приведет к новой братской соборности». Так же верно оценил Бухарин несовместимость с апокалиптикой «произво-

дительных сил» есенинского образа светлого будущего — где «избы новые, кипарисовым тесом крытые», где «дряхлое время, бродя по лугам, сзывает к мировому столу все племена и народы и обносит их, подавая каждому золотой ковш с сыченой брагой».

Отметим еще один важный канон в создании образа будущего. Хилиазм и надежда на избавление в светлом будущем сопровождаются эсхатологическими мотивами. К Царству добра всегда ведет трудный путь борьбы и лишений, гонения и поражения, возможно, катастрофа Страшного суда (например, в виде революции — «и последние станут первыми»). Будучи предписанными в пророчестве, тяготы пути не подрывают веры в неизбежность обретения рая, а лишь усиливают ее. Все идет по плану!

Не раз отмечалось, что странная концепция Маркса об «абсолютном обнищании пролетариата» по мере развития производительных сил при капитализме явно противоречила и исторической реальности, и логике. Но в его апокалиптической модели такое страдание пролетариата перед Страшным судом было необходимо. Клеточку «периодического закона» надо было заполнить.

Эсхатологическое восприятие времени, которое предполагает избавление в виде катастрофы, разрыва непрерывности, порождало и установку «чем хуже, тем лучше», и множество историй с ожиданиями «конца света» и желанием приблизить его. Но как норму — именно принятие страданий как оправданных будущим избавлением. В революционной лирике этот мотив очень силен. Читаем у Брюсова:

Пусть гнал нас временный ущерб
В тьму, в стужу, в пораженья, в голод:
Нет, не случайно новый герб
Зажжен над миром — Серп и Молот.

Дни просияют маем небывалым,
Жизнь будет песней; севом злато-алым
На всех могилах прорастут цветы.

Пусть пашни черны; веет ветер горный;
Поют, поют в земле святые корни, —
Но первой жатвы не увидишь ты.

Каково же наше положение сегодня? Во-первых, русская советская культура конца XX века утратила инструменты и навыки для войны «образов будущего». Мы не только проиграли эту войну, но и отравили свой организм внедренными нам вырожденными образами-вирусами. Без излечения мы не выберемся из той экзистенциальной ловушки, в которую угодили в 90-е годы, но излечение идет очень медленно. Поражение этой части нашего общественного сознания является системным.

Во-первых, предвидение требует мужества, недаром Кант считал, что девиз разума — *Aude sapere* («имей отвагу знать»). Это мужество подорвано у нескольких поколений. А.С. Панарин трактует этот большой сдвиг в сознании как «бунт юноши Эдипа», бунт против принципа отцовства, предполагающего ответственность за жизнь семьи и рода. Начатый с распродажи страны «праздник жизни» затянулся сверх меры. Созревают угрозы, но их не желают видеть и слышать. Будущее идет к нам шагами Каменного гостя.

Общество без рефлексии не имеет будущего. Первым шагом к общему кризису у нас и стало отключение памяти и порча инструментов рефлексии. Это изменение в конце 80-х годов было массовым и поразительным по своей моментальности — как будто кто-то сверху щелкнул выключателем. Произошел сдвиг от реалистического мышления к аутистическому. Цель реалистического мышления — создать правильные представления о действительности, цель аутистического мышления — создать приятные представления и вытеснить неприятные, преградить доступ всякой информации, связанной с неудовольствием. Наши реформаторы и часть среднего класса впали в крайнее состояние — грезы наяву. Исходя из социального запроса этой «элиты» и фабрикуются нынешней апокалиптикой в лице политологии и футурологии приятные образы будущего.

Но ведь и оппозиция реформам создает образы будущего вовсе не реалистические. Они трагичны, но иррациональны — и потому люди не верят даже верным частям этих образов. Часто говорят о «гибели России», но когда спрашиваешь, что конкретно под этим понимается, ответа нет. Об этом как-то не думают. Но ведь не может Россия исчезнуть с лица земли, речь идет о смене тех форм, в которых она пребывает сейчас. Надо представить наш «путь в отступлении», иначе оно будет совершенно неорганизованным.

2007 г.

ЧТО ПОСЛЕ 2008 года?

Надежного прогноза состояния России после 2008 г. быть не может. О будущем ведутся переговоры, но закрытые. Будем исходить из того, что наша правящая верхушка обеспечит преемственность власти. Действительно, глупо было бы менять коней на нашей вечной переправе. Кого запрячь в нашу телегу — Ясина с трепетной Новодворской? Разве они удержат смертность русских в заданном оптимальном интервале?

Значит, в первом приближении можно считать, что вектор и темп событий после 2008 г. кардинально не изменятся. Образ мысли и действий власти в главном останутся теми же, а свойства «народных масс» еще более инерционны.

Но формула вопроса «Какой будет Россия после 2008 г.?» неверна в принципе. России как единой сущности сейчас нет, есть арена противоборствующих сил. Система эта подвижна, в ней мало порядка и много хаоса. Лучше поставить вопрос так: какова будет «карта» расколотов во многих плоскостях России, как меняется расстановка сил и их «окраска»?

Надо отказаться и от привычного определения векторов главных сил как правых и левых. Эти слова принесены к нам давно и издалека, смысл их уже на наших глазах не раз сменился. Вернуться к истокам смысла — тоже мало проку. Исторически левые — те, кто подрывает порядок и сеет хаос (с целью установить свой, «новый» порядок). Правые, напротив, — партия порядка. Когда левые за социальную справедливость, а когда за свободу наживы — зависит от порядка, который они ломают. Если на дворе капитализм, они за трудящихся, если советский строй, они за буржуа. Совсем людей запутали. Коммунисты даже говорят, что «они левые, но дело их правое».

От путаницы в понятиях много бед. Как понять, что в Гражданской войне социалисты-революционеры и марксисты-меньшевики воевали против большевиков, которым помогали генералы-монархисты Брусилов и Куропаткин? А дело в том, что либералы-кадеты, эсеры и меньшевики были в России левыми. А широкий фронт правых включал в себя всех, кто стоял за российский порядок — с его патернализмом, самодержавным государством и семьей народов. И ядром мировоззренческой матрицы части правых был общинный крестьянский коммунизм, к которому после 1907 г. примкнули и большевики. Монархия не устояла — дальновидные правые стали поддерживать большевиков. Поэт крупной буржуазии Брюсов воскликнул: «И вас, кто меня уничтожит, встречаю приветственным гимном».

Так большевики восстановили империю (и еще много чего). А для тогдашних левых что Российская империя, что советская — «империи зла». Так и сейчас, левые и правые — это характеристики момента, а не отношения к главным ценностям. Революционер, сокрушивший тирана и установивший справедливый порядок, обязан превратиться в правого, защищающего этот порядок. Если он остается левым, «перманентным» революционером, то будет отторгнут. Обществу надо жить, а революция — это крайняя мера, спасение через катастрофу.

Так зачем нам рассуждать в понятиях «правые-левые»? Больше пользы от «карты», полюса которой — фундаментальные ценности. Их иерархия — тоже предмет спора, но он проще. Тут люди собираются согласно своим представлениям о добре и зле, о том, как надо было бы устроить жизнь в России.

Огрубляя, скажу, что население разделилось на две части. Цель одних — переделать Россию в подобие Запада, пусть на его задворках, пусть с потерей культурной идентичности, пусть даже с потерей большинства населения, не способного перенести такую реформацию. Цель вторых — отвести от России эту угрозу, а затем договориться о приемлемом жизнеустройстве. Внутри этой части общества есть шанс компромисса, но с первой частью — нет.

Можно назвать первую силу антinationальной, ибо ее цель — сменить саму матрицу, на которой воспроизводится народ. Вторая сила национальная, ее цель — уберечь культурно-исторический тип народа. Это в интересах большинства и русских, и других народов России. В составе обеих этих сил есть и правые, и левые в их обычном понимании. Антикоммунист Каспаров обнимается с «национал-большевиком» Лимоновым, КПРФ чествует антисоветчика Шафаревича. Союзы непрочные, но задачи решаются в порядке поступления.

Понятно, что исход этой холодной гражданской войны определяет не численность «живой силы», а вся система боевых средств. «Вестернизаторы» оснащены лучше, за ними деньги, большие интеллектуальные силы, СМИ, поддержка «мирового сообщества». Их утопия яснее, миф Запада добротен, шкурные мотивы эффективны. Но главный ресурс антinationальных сил — расщепленность сознания власти. Ей и хочется постоять за бедную Россию, но Абрамович и Чубайс все же ближе — при всех их недостатках. Так и царское правительство не могло решиться.

Да и внутренняя слабость «национального» лагеря основательна. Набирает силу противоречие между двумя течениями национализма — гражданским и этническим. Первое стремится вернуть Россию на имперский путь, вновь собрать «семью народов» вокруг русского ядра, второе — снизить статус России до национального государства европейского типа. Расхождения принципиальны.

В целом неустойчивое равновесие. «Оранжевая» риторика принимается плохо, надо готовить другой сценарий, но хороших идей пока не видно. Национальные силы в стабильное время понемногу укрепляются. При резком ухудшении велик риск их быстрой консолидации — вплоть до революционного сознания. «Оранжевым» выгодно поддерживать высокий уровень «нервозности», но не доводить до резкой дестабилизации. В перспективе, думаю, их шансы будут уменьшаться. Сходит с арены восторженная советская интеллигенция, а «дети страшных лет России» за «оранжевыми» не пойдут, достаточно их повидали.

Чем спокойнее, быстрее и добротнее будет построена платформа, на которой смогут договориться национальные силы России, тем меньше будет риск «оранжевых» проектов по каким-то новым сценариям. Тем больше будет шансов так модернизировать нынешнюю политическую систему, что сидящая на двух стульях правящая верхушка будет без катастрофы перетянута на «нашу» сторону. Тогда не понадобятся ни Февральская «оранжевая», ни Октябрьская «антиоранжевая» революции.

2007 г.

Сейчас, по истечении двадцати лет нынешней Смуты (в ее «открытой» фазе), проявилась и стала осязаемой угроза утраты столь многих черт и качеств России, что она перестанет существовать в ее привычном и близком для нас образе.

Понятно, что страны не гибнут в буквальном смысле слова, но могут катастрофически измениться — так, что происходит разрыв непрерывности в их бытии. Сегодня некоторые философы говорят, что Россия не исчезнет, поскольку она уже вбросила в мир свои вечные ценности (литературу, музыку, автомат Калашникова). Они будут жить, даже если исчезнет русский народ, — как живут ценности Древней Греции, хотя нынешние греки уже совсем другой народ, чем в античности.

Чтобы спокойно рассуждать о жизни русских культурных ценностей без русского народа, надо быть философом. Для нас же сама возможность утратить любую ипостась России (народ, территорию, государство) — угроза неприемлемая. Строго говоря, смертельный удар по любой из этих ипостасей означает гибель целого, пресечение исторического пути страны, цивилизации, государства.

Будут ли те изменения, которые сегодня можно предвидеть, пресечением пути России или ее обновлением — вопрос мировоззрения. Я, например, считаю, что в образе Ельцина поднялась со дна советского общества темная сила, которая стала организующим центром разрушения России. Более того, она вдохнула во всех нас волю к смерти — и мы движемся к ней в апатии. А другие, и их немало, видят в Ельцине светлое начало, которое уничтожило «империю зла» и освободило сильных, способных построить новую Россию — без слабых, люмпенов и иждивенцев. То есть без уравниловки и порождаемой ею несправедливости.

И те и другие могут выражать свои взгляды, которые уже не пересекаются. Эти две части России уже живут в разных мирах, с разной совестью. И эти части расходятся, хотя еще не осознали себя двумя несовместимыми расами, жизнь которых на одной земле невозможна. Имеет ли еще смысл пытаться выстроить язык и логику для диалога? Я считаю, что пока не пересекли красную черту, эти попытки надо продолжать.

Пространство диалога видится как система рациональных умозаключений, выводимых в однозначно трактуемых понятиях на основе наблюдаемых фактов. Другими словами, это пространство, автономное от этических ценностей. Участники такого диалога на время откладывают в сторону свою совесть, а представляют друг другу свои проекты будущего. Затем оппоненты оценивают последствия реализации этих проектов и угрозы, которые они порождают. Именно здесь, в оценке угроз, и находится небольшое пространство общих интересов. Здесь и может возникнуть поиск компромисса, а значит, понемногу можно будет вводить в рассуждения и совесть.

К этому краю мы подошли за сорок с лишним лет. Предпосылки были и раньше, в явном виде с начала XX века, но сошли на нет в Отечественной войне — угроза в ней была почти всеобщей. Сегодня те, кто после 1990 г. посчитали себя победителями, еще сохраняют свои иллюзии. Но эти иллюзии уже подорваны настолько, что есть шанс диалога. Думаю, главный побудительный мотив к нему — ощущение угроз, которые «реформа» создает для самих победителей.

В чем же их проект, если не говорить о тех, кто надеется попасть в глобальную элиту? Я вижу их проект так. Продолжится та селекция населения России, которая была начата реформой Гайдара. Она означает выбраковку большинства населения, избыточного по отношению к потребности «новой России» в рабочей силе. Теперь эта выбраковка резко ускорится благодаря тому, что за 16 лет реформ сильно подорвано здоровье обедневшей части населения, резко снизились стандарты жизнеобеспечения этой части и уровень образования рожденных в этой части детей.

В стране сформировалось социальное дно, которое непрерывно «перемалывает» втягиваемую в него человеческую

массу (смертность бездомных составляет 7% в год при среднем уровне для всего населения 1,5%). Дно столь же непрерывно засасывает в себя пополнение из бедной части населения. При этом и вся бедная часть по мере истощения унаследованных от советского времени ресурсов начинает отделяться от «среднего класса» и сдвигаться вниз, в цивилизацию трущоб. РФ определенно обретает черты двойного общества, в котором практически складываются нормы апартеида.

Эти признаки уже наглядно проявляются в работе многих систем и общественных институтов. Например, СМИ обслуживают исключительно благополучную часть населения, изредка давая этнографические зарисовки «из жизни бедных», сделанные согласно социальному запросу именно благополучной части. Здравоохранение «для бедных» — это нечто совсем иное, чем для «благополучных». Все, о чем говорится в речах и Посланиях, — школьный Интернет, ипотека, нанотехнологии — предназначено для тех, кто отобран для жизни в «новой России». Следов этой селекции множество, они уже вошли в обыденную культуру и обыденный язык.

То разделение на «демос» и «охлос», о котором заговорили в конце перестройки и которое тогда казалось какой-то невероятной антиутопией, становится реальностью. Очевидно, что речь идет о кардинальном изменении мировоззренческой матрицы России, и прежде всего ее русского ядра. Можно ли предвидеть последствия этого изменения, когда оно станет осознанным и закреплённым новой, реформированной школой? Я считаю, что да, можно.

И уже можно предвидеть те угрозы, которые вызревают для «избранных». Об «отверженных» говорить не будем, чтобы не возникло впечатления, будто я пытаюсь воззвать к совести. Это еще надо будет заслужить.

1 мая 2007 г., День международной солидарности трудящихся

СПЕКТАКЛЬ «7 НОЯБРЯ»

Вновь перед нами был разыгран спектакль «7 ноября» — его нам играют вместо памятной даты, годовщины Октябрьской революции. Той революции, которая почти на целый век продлила жизнь Российской империи в облике СССР. Спектакль этот поставлен с целью профанации праздника, который вошел в жизнь подавляющего большинства народа и давно уже утратил свой идеологический смысл, стал национальным.

Эта профанация преследовала политические цели, а также нужна как психотерапевтическое средство тому господствующему меньшинству, которое уничтожило СССР и страдает от «тоски предателя». У этой публики наблюдаются и другие патологии. Например, поразительная мстительность. Они ведь борются не против идеалов Октябрьской революции — она в далеком прошлом, им неизвестна и мало их интересует. Они изощряются в изобретении духовных пыток для побежденного большинства. Зная, что до сих пор примерно половина граждан уважает память о революции и о тех поколениях, которые строили СССР, эти господа, имея тотальный контроль над телевидением, в день праздника заполняют эфир издевательствами и глумливыми комментариями. Как будто им мало остальных дней в году. Какая примитивная гадость! Это все равно что прийти в гости на Рождество и богохульствовать.

Этот персонал нового «политпросвета» думает, что может оскорбить и уязвить «совка», иные просто захлебываются, радуясь своим шуточкам. Удивительно поглупели от разрешенного хамства. Никого вы уже не можете оскорбить! Люди ушли в себя, и вам их не достать. Они смотрят на вас холодно, и даже право на ненависть к себе вы утратили. Уже пришло другое чувство...

Социологи регулярно измеряют, как вымирает «советский народ», у которого отняли праздник. Могильщики потирают руки, кое-кто поминает Моисея, который вынужден был 40 лет водить по пустыне народ, пока не вымерли все, кто «помнил». Этот тупой реваншизм вызывает брезгливое чувство, как признак нехорошей болезни. Ну загнали в катакомбы половину народа — и радуются. Глупо. Ведь неизвестно, кто и когда выйдет из этих катакомб и на каком языке он заговорит с нынешними «сытыми». Атрофия разума и чувства у господствующего меньшинства — потому и увязли в болоте кризиса.

Жаль, конечно, что за «сытыми» в тупик тянется молодежь. Диалог поколений пресечен, идеи и образы городская молодежь получает в основном из телевизора. Но, раз есть шанс, попытаюсь объяснить, что значит изъять важный праздник из жизни народа. Это подрубает один из его корней. Праздник связывает людей, которые за много лет коллективно выработали его смысл, в народ. В момент праздника у человека оживает чувство святости времени, оживают события национальной истории, определившие судьбу народа. Так люди незримо соединяются общими воспоминаниями. Возникает духовная структура, скрепляющая мировоззренческую матрицу народа.

Старшие поколения за свою жизнь дважды пережили насильственную ломку «календаря праздников». Это тяжелая травма. Первая кампания проводилась в 20-е годы большевиками-«космополитами», которые ставили своей целью демонтировать старый («имперский») русский народ. По мере того, как этот народ объединялся уже в облике советского народа, нарастал накал этой кампании. Изживались и Новый год, и Рождество с елкой, и даже праздничное поминовение войны 1812 года. В 1927 г. Главный репертуарный комитет запретил публичное исполнение увертюры Чайковского «1812 год». Свернуть всю эту кампанию удалось только после разгрома, жестокими методами, «оппозиции» в ВКП(б). Резкий поворот был совершен в мае 1934 г. — был открыт исторический факультет в МГУ, вернулись и елка, и увертюра «1812 год».

То знамя похода против памяти подхватили «шестидесятники» в хрущевскую «оттепель». Режиссер Михаил Ромм, выступая 26 февраля 1963 г. перед деятелями науки и искусства, заявил: «Зачем Советской власти под колокольный звон унижать «Марсельезу», великолепный гимн французской революции? Зачем утверждать торжество царского черносотенного гимна?» Ромм увязал увертюру Чайковского с «советским антисемитизмом», а сегодня израильский историк Дов Контонер увязывает эту увертюру с «русским фашизмом». Он пишет о том демарше Ромма: «Здесь мы наблюдаем примечательную реакцию художника-интернационалиста на свершившуюся при Сталине фашизацию коммунизма».

Нынешняя кампания ведется с более мощными средствами. Убили 1 Мая, любимый праздник большинства, изуродовали дубинками ОМОНа 23 февраля, постоянно ведут подкоп под День Победы и выхолащивают ее смысл. Разрушение исторической памяти необходимо реформаторам — люди, лишившиеся привычных праздников, выпадают из традиции. Их легче отвлечь от того факта, что без восстановления социальных систем советского типа половина нашего населения переместится в «цивилизацию трущоб».

В России ведется настоящий штурм символического смысла праздников, которые были приняты и устоялись в массовом сознании народа. 7 ноября, годовщину Октябрьской революции, Ельцин постановил «считать Днем Согласия». Эта пошлость оскорбила достоинство людей, независимо от политики. Ведь революция — катастрофа, трагическое столкновение, а не «день согласия». Русская революция — великое событие, повернувшее ход истории. Его с одинаковым волнением отмечал весь народ, независимо от того, на какой стороне баррикады были деды и прадеды каждого из нас. Так же отмечают 14 июля, годовщину своей революции, французы. И сама мысль отменить во Франции этот праздник показалась бы там чудовищной и глупой. У нас этот глупый шаг сделан с тупостью носорога. Плюнули в душу, да еще стравили людей. Ладно...

Способом убийства праздников является и профанация, неявное издевательство или доведение до абсурда. Кто-то очень смысленный придумал праздновать 7 ноября «годов-

щину военного парада 7 ноября 1941 года». Это любого ошарашит. Парад в честь годовщины парада! А в честь чего был тот парад, говорить категорически запрещается. В этот раз ни один, от телевизионного мальчика до первых лиц государства, ни разу не обмолвился, с чего это вздумали устроить парад на Красной площади в 1941 году именно 7 ноября. И мы смотрим этот театр абсурда.

Противно и веет безнадежностью.

2007 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Размышления над обломками идов	5
Дело не в вождах	12
Эпоха политического спектакля	18
Где мы теряем избирателей?	25
Ловушки языка	30
Коммунизм и религия: трудный вопрос к выборам	35
На себя оборотиться	44
Правда — или сон золотой?	53
Ответ таинственному незнакомцу	62
Опять вопросы вождам	68
Первый «народный принцип»	79
«Слепок души» социолога	87
Снова к вопросу о контрреволюции и капитализме	93
Неясные доводы	101
Секта — или ополчение?	111
Революция — или гибель	120
Надо рассуждать	133
Дело Бжезинского — своими руками	141
Письмо тем, кому не быть победителями	151
Беседа с обозревателем «Литературной газеты»	162
Беседа с обозревателем газеты «Солидарность» Олегом Назаровым (после выборов в Госдуму в 2003 г.)	174
Разум и «воля к смерти» в политике	177
Политическая культура нынешней России	186
Что такое справедливость в России сегодня?	191
Заговорили о модернизации	198
После Кондологи: год без рефлексии	206
Проблемы этнической миграции как срез кризиса России. Тезисы	217

Как нас собираются формировать	220
Раз уж заговорили о нации...	228
Бунт этничности и наша ответственность	237
Какая культура нам нужна?	245
Интеллигенция: распад или новая сборка?	252
Уроки Октября и уроки поражения	257
Воссоединение через сеть	266
Улица, улица, ты, брат, пьяна...	274
Образ будущего — пункт в национальной повестке дня	282
Что после 2008 года?	291
1 мая	295
Спектакль «7 ноября»	298

Массово-политическое издание

ПОЛИТИЧЕСКИЙ БЕСТОЕЛЛЕР

Кара-Мурза Сергей Георгиевич

ОППОЗИЦИЯ, ИЛИ КАК ПРОТИВОСТОЯТЬ ПУТИНУ?

Редактор О. Селин

Художественный редактор А. Новиков

Компьютерная верстка А. Кузнецникова

Корректор И. Носкова

В оформлении переплета использовано фото: Илья Варламов / РНА Новости

ООО «Алгоритм-Издат»

Оптовая торговля

ТД «Алгоритм»: 817-0825, 817-0952

Сайт: <http://www.algorithm-izdat.ru>

Электронная почта: algorithm-izdat@mail.ru

Интернет-магазин: <http://www.politkniga.ru>

Подписано в печать 15.11.2011.

Формат 84×108^{1/32}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,96.

Тираж 4 000 экз. Заказ № 8895.

Отпечатано с электронных носителей издательства.

ОАО «Тверской полиграфический комбинат», 170034, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Телефон: (4832) 44-62-63, 44-60-34. Телефон/факс: (4832) 44-42-15

Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ISBN 978-5-4320-0061-3

9 785432 000613 >

ПОЛИТИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

В книге известного публициста и общественного деятеля С.Г. Кара-Мурзы собраны его статьи, посвященные проблемам становления российской оппозиции и ее месту в жизни государства.

Автор доказывает, что сложившаяся система оппозиционных политических партий в России себя исчерпала. Оппозиция, которая противодействовала разрушительной программе ельцинского режима, в большой мере выполнила свою историческую задачу: сейчас в политику приходит новое поколение, которое должно будет найти ответ на новые вызовы. Это поколение вырабатывает новый язык, новое видение реальности, новые теоретические подходы и новые принципы организации. Но молодым надо передать опыт прошлых годов, потому что без анализа его сущности невозможно делать прогнозы относительно будущего нашей страны.

РУССКИЕ
ЕДИНЫ

ISBN 978-5-4320-0061-3

9 785432 000613 >